

Елена Михайкова

ТАНЦЫ
МАРИОНЕТОК

Annotation

Юлька ненавидела старуху, к которой устроилась домработницей, и одновременно восхищалась ею. Марта Рудольфовна держалась, как настоящая королева, но относилась к ней даже хуже, чем к прислуге. Однако ради своего плана Юлька была готова потерпеть...

Марта Рудольфовна искренне забавлялась, наблюдая за Юлькой, и умело дергала за нужные струны в ее душе. Девчонка еще не совсем готова для того, чтобы сыграть свою роль...

Частные детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин не сочли новое дело серьезным: бизнесмен Тогоев попросил их разыскать сбежавшую из дома дочь. Они довольно быстро нашли девушку, но то, что она собиралась сделать, ужаснуло даже опытных сыщиков...

Многие мнят себя кукловодами и уверены, что держат все нити в своих руках. Но как понять, кто ты на самом деле: кукловод или всего лишь танцующая марионетка?

- [Елена Михалкова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- 4
- 5

Елена Михалкова

Танцы марионеток

Сделать настоящую марионетку не так-то просто. Это довольно сложная и кропотливая работа. Но результат того стоит.

Из инструкции к изготовлению самодельных марионеток

Глава 1

Снег все падал, падал, падал, словно кто-то наверху вытряхивал из опрокинутой тучи подмокшую манку, а она никак не кончалась. Снег облеплял девчонку, и Марте Рудольфовне подумалось, что скоро та станет похожа на сахарную вату, но не пушистую и воздушную, а скомканную, будто смятую потной маленькой ручкой. И снизу из ваты – не белой, нет, а грязновато-серой, как этот снег, – будут торчать вместо палочки две тонкие ножки в ботинках на огромной платформе.

В памяти всплыло любимое, многократно читанное: «О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне ревет мне отходную, и я вою с ней. Пропал я, пропал. Негодяй в грязном колпаке – повар столовой нормального питания служащих центрального совета народного хозяйства – плеснул кипятком и обварил мне левый бок. Какая гадина, а еще пролетарий. Господи боже мой – как больно! До костей проело кипятком. Я теперь вою, вою, да разве воем поможешь...»

Да, на левом боку белого пуховичка девчонки расплывалось грязное пятно – откуда, собственно, и появилась мысль о поваре и псе, потащившая за собой цитату. Хромоту Марта Рудольфовна успела заметить за те несколько секунд, что замарашка ковыляла от двери рестораника. Теперь она стояла, нахохлившись, сунув руки в карманы, и даже через залепленное снегом окно кофейни Марта Рудольфовна видела, что она плачет. Над головой девчонки переливалась огнями вывеска, и старуха вскользь удивилась, почему эту жалкую ссутулившуюся фигурку в дешевом пуховике и забрызганных грязью джинсах не отгонит прочь швейцар.

– Она портит вид, – проговорила Кристина, словно подслушав ее мысли. – Готова ручаться, ее бросил прыщавый длинноволосый мальчик, и сердце несчастной разбилось. Марта, дорогая, ты все еще хочешь заключить пари?

Марта Рудольфовна сделала небрежный жест рукой, который допускал с десяток истолкований, – она была большая мастерица таких жестов. В коротком взмахе длинных сухих пальцев, унизанных кольцами, читались и превосходство, и легкая насмешка над спутницей, придававшей слишком много значения всякой ерунде, и подчеркнутое безразличие к тому, будет ли их разговор иметь продолжение. Жест был рассчитан на то, чтобы задеть, и старуха своего добила – Кристина хмыкнула и уже настойчивее сказала:

– Неужели отказываешься? Нет, Марта, так нечестно!

– Легкий выигрыш. – Старуха пожала плечами.

– Тем более нет повода идти на попятную! В конце концов, я не думаю, что девушка согласится. Девять шансов из десяти, что ты получишь хамский ответ в стиле современной молодежи и останешься ни с чем.

– А девушку никто не будет спрашивать, – насмешливо бросила Марта Рудольфовна, поднимаясь. По ее взгляду учтивый мальчик-официант метнулся за шубой. – Встретимся через пару месяцев. И, пожалуйста, побереги мой выигрыш.

Стеклянная дверь кофейни распахнулась, выпустив наружу теплый, пропитанный запахом кофе и сладостей воздух, и Марта Рудольфовна вышла в облаке этого аромата, усмехаясь про себя. Итак, первый малюсенький шаг сделан. Игра началась.

Швейцар, стоявший под козырьком ресторана, видел, как из кафе напротив появилась высокая пожилая дама с тростью, в длинной норковой шубе. Обернувшись и помахав кому-то, оставшемуся внутри, дама подняла трость и слегка встряхнула рукой: трость, оказавшаяся зонтом, раскрыла над ее головой черный поблескивающий купол, такой большой, что под ним легко поместился бы еще один человек.

«Сейчас будет переходить через дорогу, ее обрызгают грязью с головы до ног, – с легким злорадством подумал швейцар – он не любил состоятельных дам в шубах, считая их сытыми бездельницами, плюющими на окружающую среду. – Отдаст в химчистку, шубка-то тю-тю!»

Дама, не зная об уготованной ее шубе судьбе, направилась к дороге и, не замедлив шаг ни на секунду, ступила на проезжую часть. Пара машин вежливо остановилась, пропуская ее на переходе, и владелица зонта-трости перешла на другую сторону, не испачкавшись.

Швейцар следил за тем, как она приближается уверенным, хоть и неторопливым шагом. Теперь он видел, что хозяйке роскошной шубы и элегантного зонта не меньше семидесяти, а то и больше. Лицо белое, словно припудренное, глаза яркие, темные, как у цыганки, губы подкрашены помадой вишневого оттенка. Нос – хищный, крупный...

«Экстравагантная старуха!»

Он надел на лицо любезную улыбку и приготовился распахнуть дверь, но в следующую секунду пожилая дама, скользнув по нему безразличным взглядом, свернула и подошла к ревущей девице, на которую он последние пять минут поглядывал недовольно. «Знакомая, что ли?» – предположил швейцар, косясь на них.

– Что вы здесь делаете? – без всякого предисловия властно

осведомилась старуха низким скрипучим голосом.

Девушка даже дернулась от неожиданности, подняла опухшее красное лицо. Внешность у нее была неказистая, это швейцар отметил сразу, как ее увидел.

– В каком смысле?

– Ждете друга? Прогуливаете собачку? Собираетесь поужинать в ресторане?

В интонациях пожилой дамы прозвучала насмешка, и девушка покраснела сильнее.

– Не ваше дело, – донеслось до швейцара. – Вы вообще кто, чтобы такие вопросы задавать?

«Нет, не знакомая, – удивленно подумал он. – Может, крыша съехала у бабульки?»

– Ваш потенциальный работодатель, – ответила старуха с насмешкой. – Вы не ответили на мой вопрос. Итак, что вы здесь делаете?

– Я тут просто стою, – ответила девушка с вызовом. – А что, запрещено?

Она шмыгнула носом и, порывшись в кармане, извлекла скомканный платок, в который высморкалась с трубным звуком.

– Чего вам от меня надо? Черт, уберите вы свой зонт!

Размокший снег съехал с края зонта и шмякнулся прямо на ботинок девушке. Но на ее возмущенное восклицание хозяйка зонта не отреагировала: стояла, задумчиво рассматривая девчонку, и не сдвинулась ни на шаг.

– Просто стойте... – повторила она. – Не самое подходящее место для того, чтобы просто стоять, вы не находите? Впрочем, дело ваше. Скажите, вы умеете обращаться с пылесосом?

И, не дождавшись ответа, деловито добавила:

– Я хочу предложить вам службу. Мне в срочном порядке требуется домработница. На первый взгляд вы, конечно, медлительны для этой деятельности, но, полагаю, вас можно обучить. Наука нехитрая.

Девушка уставилась на нее во все глаза.

– Боже, ну что вы тарачитесь? – с нарастающим раздражением осведомилась старуха. – На органы я вас продавать не собираюсь, поскольку и так вижу, что ничего ценного, кроме гастрита, из вас не извлечешь. В качестве проститутки вы тоже мало соблазнительны. Если вы опасаетесь, что я могу подсунуть вас своему супругу для развлечения с молодым костистым телом, то утешу: мужа у меня нет. Я вдова.

Она подумала и прибавила:

– Предупреждаю сразу, трудиться придется много. Приступать к

работе нужно с завтрашнего утра.

На полудетском личике отразилось сначала недоверие, затем злая насмешка.

– А что же не с сегодняшнего вечера? – Девушка наконец-то пришла в себя и даже подбавила в голос искреннего удивления. – И, кстати, в агентство вам обратиться никак, да? А, поняла! Вы, наверное, привыкли домработниц на улице находить? Ну, чтобы комиссионные не платить, или как там это называется...

Марта Рудольфовна огорченно покачала головой.

– Ах, еще и глупа... – пробормотала она будто бы самой себе. – Прощайте, голубушка.

Аккуратно обошла девушку и пошла прочь, покачивая зонтом над головой. Ошеломленно глядя ей вслед, швейцар обратил внимание, что сапожки у старухи замшевые («замшевые! по слякоти!»), с кокетливой бахромой, едва прикрытой широкими клетчатыми брюками.

– Подождите! – срывающимся голосом вдруг крикнула девушка и бросилась вслед за дамой. – Пойдите!

Ветер из подворотни зло швырнул ей в лицо мокрым снегом, одна нога на ледяной дорожке съехала вперед, словно обутая в конек, и девушка, взмахнув руками, едва не упала. Чудом удержав равновесие, она ухватилась за стену и завопила снова, отчего на нее стали оборачиваться прохожие:

– Подождите! Черт, да не уходите вы!

Марта Рудольфовна остановилась, неторопливо повернула голову. Разумеется, девчонка тут же поковыляла к ней, морщась от боли.

– Простите, пожалуйста, – выговорила она, подойдя ближе. – Вы сказали, у вас есть для меня работа?

Марта Рудольфовна не отказала себе в удовольствии выдержать паузу: прикрыла глаза морщинистыми веками, слегка поджала нижнюю губу, словно собираясь отказать... Но в последнюю секунду прошила девушку насквозь взглядом (знала, знала, как ее взгляд действует на людей!) и кивнула, снизойдя до замарашки.

– Я умею убираться и готовить, – заторопилась девчонка, грубившая всего минуту назад. – Гладить могу. Гулять с собакой!

Старуха хмыкнула:

– Последнее особенно ценно, учитывая, что я не держу животных. Что еще вы умеете?

На лице девушки промелькнуло отчаяние: она явно судорожно соображала, что бы придумать.

– Я жду! – поторопила Марта Рудольфовна.

– Могу печатать на компьютере! – выпалила девчонка. – И на машинке, на печатной. Немного вышивать умею. А, петь!

– Боже меня упаси от вашего пения, – ужаснулась Марта Рудольфовна. – Что ж, хорошо... – Она окинула щуплую фигурку с ног до головы испытующим взглядом. – Пожалуй, я вас возьму на пробный срок. Предупреждаю сразу: работать придется в основном за харчи и крышу.

– Это как? – растерялась девица.

– Это так, что жить вам предстоит у меня, и есть вы будете с моего стола и за мой счет. Поэтому платить я вам стану немного. Вы учитесь?

Девица отрицательно покачала головой.

– Тем лучше. Никаких отлучек из дома без моего разрешения, никаких встреч с подружками-друзьями. Мне нужна домработница, которая всегда под рукой. У вас не будет выходных дней, вы не сможете пойти в гости без моего разрешения, а я не намерена его давать. Вы должны исполнять мои капризы, расшибаться в лепешку, а перечень ваших обязанностей будет весьма обширным.

– А мужчины у вас в доме есть? – хмуро спросила девчонка – не иначе, решила, что сейчас ее поведут в вертеп.

– И не надейтесь, – фыркнула Марта Рудольфовна. – Никаких мужчин, голубушка. И от вас, кстати, я буду требовать крайне сдержанного поведения в этом отношении. Итак, вам придется убираться, драить за мной биде и унитаз, стелить постель, стирать, гладить, а также быть у меня на побегушках. Согласны?

– Да. – Ответ был дан без колебаний.

«Эк тебя прижало, – хмыкнула про себя Конецкая. – А Кристинка дура, да. Ничего в людях не понимает. По *этой* сразу было видно, что она на все согласится, если правильно к ней подойти, не дать подумать... Большинство людей, если не давать им времени на размышления, принимают верные решения».

– Тогда идите за мной. Кстати, меня зовут Марта Рудольфовна.

Идти пришлось недолго. Марта Рудольфовна шла под зонтом, держась очень прямо, не пригибаясь от разыгравшейся мокрой метели, и была похожа на престарелую Мэри Поппинс, занесенную в Москву в конце февраля западным ветром. Девчонка семенила за ней, держась в нескольких шагах, и на нее сносило снег с края зонта.

Они завернули во двор и вскоре очутились перед десятиэтажной желто-серой «сталинкой». Просторный и очень чистый, слабо пахнущий хлоркой подъезд, скрипящий лифт, длинный коридор с неожиданно

простеньким полосатым половичком из тех, что бабушки продают на рынках, черная дверь внушительного вида... Старуха порылась в кармане, достала ключ, но не вставила его в замочную скважину, а постучала по двери: три коротких удара, два длинных, три коротких.

– Вытирайте ноги, – приказала она, по-прежнему не оборачиваясь и не глядя на девушку. – Вашу кацавейку можете повесить в шкаф, только подальше от приличной одежды.

Девчонка, промолчав, вошла следом за Мартой Рудольфовной, остановилась, оглядываясь вокруг.

В прихожей их никто не встретил, так что непонятно было, кто же отворил дверь. Зеркало в бронзовой раме отразило старуху, успевшую сбросить свою шубу, и сутулую фигурку, топчущуюся на коврик. Слева и справа начинались шкафы с множеством дверец, похожих на вход в сказочное королевство, с потолка свисали люстры из темного, как кофейные зерна, стекла, а на тумбочке перед зеркалом раскинулся в вазе букет кроваво-красных маков, умноженных вдвое отражением, – Юлька не сразу поняла, что они искусственные. Обстановка прихожей, на ее вкус, была мрачноватой, под стать хозяйке квартиры.

– Не стойте, как баран, голубушка, – донеслось до Юльки, и она, вздрогнув, сообразила, что старуха успела уйти в другую комнату. – Раздевайтесь.

Девушка торопливо повесила куртку на вешалку и покраснела, вспомнив брошенную вскользь фразу о приличной одежде, стянула ботинки, с которых успела натечь изрядная лужа – хорошо еще, что на коврик, а не на паркет, – и одернула свитер.

– Проходите сюда, – раздалось откуда-то из глубины квартиры. – Да что вы там копаетесь?!

С трудом оторвав взгляд от блестящего паркета, Юлька пошла на звяканье посуды и оказалась в кухне-столовой, где старуха уже налила себе чай из огромного белоснежного фарфорового чайника. Кухня была просторной, с абстракциями на стенах и такими же светильниками – «кофейными зернами», что и в прихожей. Здесь сильно пахло зеленым чаем с жасмином и едва слышно духами с нотами ириса. Запах парфюмерного ириса Юлька любила и легко узнавала.

Марта Рудольфовна расположилась на стуле, закинув ногу на ногу, и помещивала ложечкой в чашке, от которой поднимался пар. Юлька не отличалась наблюдательностью, но сообразила, что за короткое время, пока она топталась возле двери и решала, куда повесить куртку, чайник не успел бы вскипеть. И тем более хозяйка не успела бы заварить чай. «Значит, кто-

то сделал это за несколько минут до того, как мы пришли. Интересно, где этот „кто-то“ и почему он не показывается?»

Старуха сидела неподвижно – только костлявые пальцы вращали позвякивавшую ложечку, выписывая круги. И сама она оказалась костлявая, длинная и сухая, как ветка. Из гладкого иссиня-черного пучка хищным акульим плавником торчал гребень. Черная водолазка с высоким воротником, клетчатые брюки, на шее серебряная цепь, и все пальцы в перстнях: Юлька заметила, что правилу не носить одновременно золото и серебро Марта Рудольфовна не следовала. Кивком головы она указала на стул, и девушка послушно присела.

– Что вы делали возле ресторации? – прервала молчание старуха.

– Меня обещали взять туда администратором. А потом оказалось, что...

– Правильно сделали, что не взяли. – Старуха прервала ее на полуслове, вынула ложечку и положила на блюдец. – Администратор из вас, как из дырки кукиш. Ни к одному приличному заведению вас и близко подпускать нельзя. А что это вы вскочили, голубушка? Сядьте на место, я не закончила. И на будущее запомните: если я говорю, вы должны слушать молча, не прерывая меня. Если правда глаза колет, можете зажмуриться, я вас пойму.

Она сделала паузу, но Юлька молчала, прикусив губу.

– Жить будете в маленькой комнате, – продолжила старуха, не дождавшись ответа. – Вам ее покажут. Повторюсь: все отлучки из дома – только с моего разрешения, поскольку вы мне можете понадобиться в любой момент. Как вас зовут?

– Юля.

– Придется привести вас в порядок, Юля, поскольку у меня бывают гости, а в таком виде... впрочем, вы сами понимаете...

Она окинула девушку сочувственным взглядом.

– Помыть-причесать... – пробормотала Марта Рудольфовна, словно разговаривая с самой собой, – и можно не краснеть перед знакомыми за прислугу. Да, вашим внешним видом я займусь сама – чуть позже.

Она посмотрела на девчонку из-под прикрытых век и, усмехнувшись про себя, подумала, до чего предсказуемо большинство двуногих. Мужчины, конечно, в большей степени, нежели женщины, но и вторые не отличаются многообразием реакций.

Девчонка явно с трудом сдерживала возмущение и в то же время ужасно нервничала: руки с обкусанными ногтями безостановочно теребили край свалывшегося свитера.

– Да, и вас, само собой, нужно будет переодеть, – ровным голосом добавила Марта Рудольфовна. – Свое тряпье отдадите бомжам. Если, конечно, они на него польстятся.

Разумеется, девица не выдержала: распрямила спину и спросила высоким, как ей, наверное, казалось, – а на самом деле писклявым – голосом:

– Простите, зачем же вы меня позвали работать у вас? Я вам не нравлюсь, выгляжу не так, как вы хотите...

– Другие еще хуже, – отмахнулась старуха, снова перебив ее на полуслове. – К тому же вы не безнадежны – по крайней мере, на первый взгляд. Было бы очень жаль разочароваться, и я надеюсь, что этого не случится. С вопросами закончили? Если да, пойдете, я покажу вам вашу комнату.

– Сколько я буду получать? – Юля по-прежнему теребила свитер.

– Марта Рудольфовна, – поправила старуха.

– Сколько я буду получать, Марта Рудольфовна?

– Для начала – семь тысяч в неделю. А там посмотрим.

Девица не смогла скрыть удивления – ну разумеется, после слов о том, что она будет работать за стол и харчи, эта сумма не могла ее не обрадовать. Марта Рудольфовна читала по лицу девчонки все ее нехитрые мысли: «Семь тысяч в неделю?! Получается в месяц двадцать тысяч рублей с лишним, на всем готовом... Можно жить!»

Возможно, мысли девчонки несколько отличались от тех, что представила Марта Рудольфовна, но она явно обрадовалась названной сумме. Старуха снова вспомнила Шарика, которому сунули кусок краковской: «За вами идти? Да на край света. Пинайте меня вашими фетровыми ботиками, я слова не вымолвлю».

– Если мне что-нибудь не понравится – выгоню, голубушка, без колебаний, так и знайте, – тут же предупредила Марта, поднимаясь, и сделала знак, чтобы девушка следовала за ней.

Юлька рысцой побежала за хозяйкой, едва не опрокинув стул, и в коридоре налетела на невесть откуда появившуюся толстую женщину во фланелевом халате, стоявшую к ней спиной и державшуюся за стену. Из-за приоткрытой двери справа от тетки выглядывало сосредоточенное бледное женское лицо в обрамлении темных волос.

– Ой... здрасте! Извините!

Извинений не услышали, потому что одновременно раздался недовольный голос Марты Рудольфовны, успевшей дойти до прихожей:

– Валентина, зачем вылезла? У тебя тихий час по расписанию.

– А я его сократила немного, – мирно возразила та, кого старуха назвала Валентиной. – Услышала шум – дай, думаю, посмотрю, кто пришел.

С этими словами она обернулась к Юльке, и той стало видно, что лет ей примерно столько же, сколько Марте Рудольфовне. Но если в Конецкой аристократизм читался за версту, то в Валентине так же легко узнавалась «подъездная бабушка» из тех, что в любую жару сидят на скамеечках в пальто и толстых распухших тапочках. На круглом одутловатом лице с двумя рыхлыми подбородками, с обвисшими веками, с кожей в красноватых капиллярах приковывали к себе внимание светлые голубые глаза, заставляя забыть о подбородках, веках и прочем. «Взгляд, как у собаки, которая потеряла любимого хозяина, – неожиданно подумала Юлька. – Или как у хозяина, потерявшего любимую собаку».

Старушка моргнула, и выражение, которое Юлька приняла за страдание, исчезло из ее взгляда. Перед ней стояла расплывшаяся пожилая седая женщина и рассматривала ее с доброжелательным интересом.

– Познакомься, – подала голос Марта Рудольфовна, обращаясь к старушке, – это Юля, наша новая прислуга. Она будет у нас жить.

Поздно вечером, когда Марта Рудольфовна сидела в гостиной и курила, рассматривая альбом с фотографиями, в комнату, прихрамывая, вышла Валентина.

– Где Лия? – резко спросила Марта, вставая и придерживая подругу под локоть.

– У себя... спит... Ничего, я сама.

С оханьем и кряхтением она опустилась в кресло, вытянула толстые слоновьи ноги с уродливо оттопыривавшимися большими пальцами в шерстяных носках. Руки сложила на коленях и с отсутствующим выражением уставилась в окно, за которым по-прежнему сыпал снег.

– Даже не верится, что через два дня – календарная весна, – заметила Марта Рудольфовна, закрывая фотоальбом. – Согласись, Валя, в этом мерзком климате мы с тобою прозябаем! Представь: жили бы на юге Франции, торговали вином из собственных виноградников... Может, были бы владелицами небольшой картинной галереи...

Она сделала паузу, но Валентина по-прежнему молча смотрела в окно.

– Кстати, раз уж речь зашла о картинах, – продолжала старуха светским тоном, – у Мансурова вскоре должна состояться выставка. Если не ошибаюсь, снова эти его бесконечные цветочные темы, хотя нельзя исключить, что на этот раз он наконец-то изменит...

– Марточка, – негромко сказала Валентина, и Марта Рудольфовна замолчала. – Скажи мне, дорогая, зачем ты привела эту девочку? Только прошу, – добавила она, не дав себя перебить, – не говори мне, что ты сделала это просто так. Ты сделала это с какой-то целью. Не правда ли?

Глава 2

Пока Бабкин с Илюшиным поднимались по лестнице на второй этаж, следуя за худеньким китайцем, с серьезным лицом представившимся дворецким Олега Борисовича, Сергей успел оценить сопровождение как никуда не годное: парни вели их неграмотно, слишком много разговаривали, делая при этом чересчур мрачные физиономии. «Позеры», – фыркнул он про себя. Впрочем, гладко выбритый, узколицый мужчина в костюме, встретивший их возле дверей кабинета, произвел на него более серьезное впечатление. Мужчина даже улыбнулся ему и Макару, а «мальчишки» шли с такими лицами, будто им сделали уколы, обездвижившие мускулы лица.

Дворецкий скрылся внутри, выглянул почти сразу, и Сергей от души порадовался, что их не заставили ждать. Илюшин держался спокойно, как всегда, но Бабкин чувствовал, что напарнику не нравится суэта вокруг них.

– Олег Борисович готов вас принять, – без акцента сказал китаец, придерживая дверь перед ним и Макаром.

Сперва в нее проскользнул бритый и тут же исчез, растворившись в недрах длинной прямоугольной комнаты. Высокие шкафы по обеим стенам словно охраняли дорогу к столу, за которым сидел маленький крепыш лет сорока с желтоватым лицом и короткими черными волосами, такими густыми и блестящими, что, казалось, на голову ему нахлобучили плотно облегающий шлем. Свободная джинсовая рубашка делала его похожим на торговца, которому не хватает только широкополой плетеной шляпы для защиты от солнца. Из сбитого на сторону короткого носа топорщились волоски.

Когда Макар и Сергей подошли ближе, человек не встал, а лишь указал им на стулья. Короткие бровки над небольшими прищуренными глазами слегка поднялись вверх при виде Бабкина, а вот по Илюшину Тогоев только мазнул взглядом – явно видел его раньше на фотографиях.

– Присаживайтесь, присаживайтесь, – сказал он торопливо высоким голосом. – Вы, значит, Макар Илюшин, а вы....

– Сергей Бабкин, – представил напарника Илюшин, не садясь. – Приятно познакомиться, Олег Борисович.

– Да, мне тоже...

Поколебавшись, Тогоев все-таки встал, протянул руку через стол и поочередно пожал руку Бабкину и Макару. Рукопожатие у него оказалось

крепкое, хотя мягкая короткопалая ладошка производила впечатление скорее руки ребенка, а не мужчины сорока с лишним лет.

На столе перед Олегом Борисовичем стоял открытый ноутбук, возле которого валялись шкурки мандаринов – не меньше чем от пары-тройки килограммов, подумал Сергей.

– Люблю мандарины, – развел руками предприниматель, поймав его взгляд. – Каждый день по четыре кило съедаю. Не верите? Ей-богу! Врачи говорят, пора завязывать, пожелтел уже весь от мандаринов, а я никак остановиться не могу.

Он хохотнул, и Бабкин на секунду увидел перед собой другого человека – веселого, жизнелюбивого крепыша, поедающего сладкие сочные фрукты и брызжущего соком на монитор компьютера. «Вот почему кожа желтоватая, – подумал он, рассматривая лицо Тогоева, вблизи и впрямь имевшее светло-оранжевый оттенок. – Ну конечно, если по четыре килограмма в день лопать...»

Встречу назначили в таком срочном порядке, что Илюшин с Сергеем не успели ничего выяснить о потенциальном клиенте, и Бабкину это не нравилось. Он никак не мог понять, что за человек перед ними.

– Дело заключается в следующем: я хочу, чтобы вы ее нашли, – без всякого перехода сказал Тогоев, садясь в кресло, и Бабкин не сразу понял, что тему мандаринов уже закрыли. Олег Борисович насупился и стал похож на жучка.

– Кого? – Макар подвинул стул ближе, покосился на Бабкина, и тот достал из кармана блокнот.

– Мою дочь. Она исчезла около полутора месяцев назад.

Сергей и Макар переглянулись.

– И вы только сейчас решили нанять детективов, чтобы ее разыскать? – с легким удивлением спросил Илюшин.

– Нет, не так.

Олег Борисович вдруг нырнул под стол и исчез там на пару секунд. Когда он вынырнул, в руке у него был мандарин, который он тут же очистил с ловкостью обезьяны. От стола брызнул радостный мандариновый запах.

– Что вам рассказал Костик? Повторите! – потребовал он, разделяя оранжевый плод на дольки.

– Практически ничего, – пожал плечами Макар. – Ваш помощник объяснил, что вы хотели бы встретиться с нами, поскольку мы специализируемся на розыске пропавших людей, и это как раз то, что вам нужно. Никаких уточнений не было.

– Ясенько. Тогда по порядку: у меня есть дочь, полтора месяца назад она ушла из дома, оставив мне записку. В записке прямо говорилось, что она уходит пожить к подруге, хочет самостоятельной жизни и просит ее не искать, потому что возвращаться в родной дом она не собирается. Мы ссорились... – Он поморщился, видимо, припоминая их размолвки. – Да, чуть не забыл: Юльке недавно исполнился двадцать один год, поэтому искать ее с милицией нет смысла – она уже взрослая.

Он сдвинул корки от мандарина в общую кучу.

– Олег Борисович, простите за вопрос: Юля вам родная дочь? – уточнил Макар, воспользовавшись паузой.

Тогоев усмехнулся.

– Вы правы, – сказал он. – Не буду скрывать, что я равнодушен к ее судьбе. Вы ведь это имели в виду, задавая свой вопрос?

– Обычно родители пропавшего ребенка несколько иначе реагируют на вопросы о нем, – уклончиво ответил Макар.

– Она мне родная дочь, но долгое время провела с матерью в Америке. С Агнессой – это ее мать – мы давно в разводе, а разошлись, когда дочери было около двенадцати лет. У Юльки средней паршивости экономическое образование, но применять его в Америке она не пожелала и, когда мать умерла, вернулась ко мне. Агнесса была с прибабахом, и дочь у нее получилась такая же.

– В каком смысле – с прибабахом? – не удержался Макар.

Олег Борисович задумался, и с его лицом стало происходить что-то странное. Он наморщил нос, сложил губы так, словно собирался зашипеть, и обнажились короткие крепкие зубы с желтой каймой; затем зажмурился и вдруг успокоился – лицо расслабилось и стало похоже на маску китайского божка.

Илюшин с Сергеем переглянулись. «Большой вопрос – кто у вас в доме с прибабахом», – подумал Бабкин, наблюдая за мимикой предпринимателя.

– В нормальном состоянии моя жена ничем не отличалась от тысяч таких же куриц, как она, – сообщил Тогоев, не открывая глаз. – Но иногда с ней случались вспышки... такие вспышки...

– Приступы ярости? – пришел на помощь Илюшин.

– Не совсем. – Олег Борисович наконец открыл глаза и просверлил Илюшина взглядом. – То есть да, ярость тоже была. Но она как будто превращалась в другого человека и начинала действовать хладнокровно и обдуманно. Встречал я вспыльчивых людей, которые взрываются сразу же, но Агнесса была не из таких: если ее что-то выводило из себя, она ничем

этого не показывала, а держала в себе. Зато спустя какое-то время могла на ровном месте устроить такое! После того как я отмазал ее от двух уголовных дел, мне это надоело, и я с ней развелся. Отправил как можно дальше от себя, чтобы она не вздумала выкинуть чего-нибудь похожего по отношению ко мне. У нее ума бы хватило! И, как показала жизнь, правильно сделал...

Он замолчал, и по лицу его Илюшин понял, что продолжения об Агнессе не будет.

– Ваша дочь унаследовала эту... особенность? – В последний момент он заменил слово «расстройство» более корректным.

– А хрен ее знает, – почти с удовольствием сказал Тогоев. – Яблочко от яблони недалеко падает. Я думаю, что унаследовала, – пару раз бывало, что она застынет и смотрит на меня таким же взглядом, как у матери: глаза тупые, неподвижные, а губу жует, как будто съесть хочет. Но ничего, обходилось. Попробовало бы не обойтись!

Он хохотнул, покосился на дверь, за которой стояли телохранители.

– Последний год она жила в моем доме и отчего-то считала, что я обязан ее содержать и выполнять ее прихоти только потому, что мы с ней биологически кровные родственники. Большое заблуждение, должен сказать. Повторюсь, чтобы не было непонимания: я не сильно буду переживать за Юлькину жизнь. На протяжении года она ныла, выпрашивала у меня деньги, трепала мне нервы и изводила прислугу. Собственных денег у нее практически нет, потому что я давал ей понемногу – надеялся, что это послужит стимулом для поиска работы. Не послужило.

– Зачем в таком случае вам нужно ее искать?

– Я баллотируюсь в Законодательное собрание Московской области, – сказал Олег Борисович, становясь серьезным и четко выговаривая каждое слово. – Если в решающий момент в газетах появится информация, что моя единственная дочь была задержана в наркопритоне или застукана с тремя мужиками в сауне, то... В общем, вы и сами все понимаете. У меня полно врагов, как у всякого умного и успешного человека, и они вцепятся в подобную историю, как собаки в кость. Не могу этого допустить.

Бабкину пришло в голову, что в таком случае лучшим вариантом для Олега Борисовича было бы вовсе избавиться от дочери, но Тогоев будто прочитал его мысли:

– Когда я найду Юльку – когда *вы* ее найдете, – приставлю к ней своих людей, чтобы быть в курсе ее жизни. Тащить дочь обратно ко мне не нужно, я просто хочу знать, с какой стороны следует опасаться удара.

Скорее всего, она живет у какой-нибудь подруги, транжирит чужие деньги – это единственное, что Юля умеет делать. Но я должен быть спокоен.

– Итак, вы хотите, чтобы мы узнали, где живет ваша дочь, – уточнил Макар. – На этом наша задача будет выполнена?

– Полностью, – подтвердил Тогоев. – Нет, секундочку! Если это возможно, я хочу, чтобы вы выяснили, чем она занимается. Я имею в виду, работает ли, с кем живет... Да, одно важное условие: когда вы ее найдете, не пытайтесь общаться с тем человеком, у которого она обосновалась. Он ее предупредит, и таким образом вы Юлю спугнете. У меня уже есть неприятный опыт... – он помрачнел. – Не хочу, чтобы Юльку пришлось заново выслеживать. Стоимость вашей работы... – Он быстро написал несколько цифр на вырванном из блокнота листе бумаги, придвинул его к Илюшину. Тот бросил короткий взгляд, кивнул и вернул листок Тогоеву.

– Кто-то уже искал девушку, Олег Борисович? – вступил в разговор Бабкин.

– Моя служба безопасности, – нехотя сказал тот, насупив короткие, словно обритые с краев, брови. – Безрезультатно. Поэтому я и хочу, чтобы за это дело взялись вы. Все данные будут вам предоставлены.

Словно в продолжение этой фразы, он повернул к ним ноутбук, щелкнул клавишей мыши, и на экране появилась фотография девушки.

– Моя дочь, – прокомментировал Олег Борисович. – Относительно недавний снимок.

Бабкин с интересом взглянул на снимок Юлии Тогоевой.

Она оказалась невысокой, худой, выглядевшей младше своего возраста и довольно несимпатичной. Было в чертах ее лица что-то неприятное, хотя на лице девушки играла улыбка. Посмотрев на фотографию пару секунд, Сергей понял, что именно: взгляд был совершенно серьезным, и, мысленно закрыв сначала нижнюю, а затем верхнюю часть лица на снимке, Бабкин обнаружил, что получается две девушки. Первая заискивающе улыбалась, и подбородок у нее был безвольный. Вторая смотрела жестко, и казалось, что нос под этими небольшими глазами обязательно должен быть крючковатый, как у Бабы-яги.

И никакого сходства с отцом.

Когда дверь за Макаром и Сергеем закрылась, охранники с теми же непроницаемыми лицами шагнули к ним навстречу.

– Первый, они вышли, веду их вниз, – сказал один из них, поднеся запястье с браслетом к губам, и Бабкин окончательно потерял всякое уважение к охране Тогоева.

На мгновение его охватило хулиганское желание поставить дурачьё на место, но он перехватил предупреждающий взгляд Макара и спохватился – в доме клиента так себя не ведут. Подумаешь, не умеет Олег Борисович выбирать профессионалов... Так их и вообще немного. Куда больше тех, кто пускает пыль в глаза, ориентируясь на фильм «Телохранитель».

Но когда они подошли к машине и дом с охранниками остался позади, Бабкин презрительно сплюнул.

– Давно такого не видал... – Он покачал головой. – Просто гнездо идиотов какое-то. Я сейчас не о Тогоеве, ты понимаешь.

– Понимаю... – Макар открыл дверцу, но не сел, а остался стоять, щурясь от мартовского солнца. – Что поделать, зато на несведущих все эти танцы с сопровождением действуют впечатляюще. – Он помолчал и добавил: – Знаешь, странно, что девушку не нашла служба безопасности. Судя по тому, что рассказывает Тогоев, ничего сложного их не ожидало. И меня настораживает отсутствие результата.

– А меня нет. Ты видел этих ребят? «Первый, они вышли», – передразнил Сергей охранника. – Не способны даже свою несложную работу толком выполнять, не говоря уже о том, чтобы встречаться с людьми, опрашивать их... Все, садись – на нас уже из дома смотрят.

Илюшин не стал оборачиваться, чтобы проверить правоту напарника, и послушно сел в машину. Решетка ворот плавно поплыла вбок, и они выехали из загородного дома бизнесмена.

Тогоев проводил взглядом темно-синий «БМВ», спросил, не оборачиваясь:

– Хруцкий, как они тебе?

Виктор подошел неслышно, остановился возле стола, на почтительном расстоянии от шефа.

– Обычные «частники». – Он пожал плечами. Тогоев не мог видеть пожатия, но догадался о нем по интонации Хруцкого. – Что вы хотите услышать, шеф?

– А черт его знает, – признался тот, поворошив в затылке пухлой детской пятерней.

От встречи у него осталось еле уловимое неприятное впечатление, но Олег Борисович был не приучен анализировать свои впечатления. Утреннюю парочку представили ему как специалистов по розыску пропавших людей, и, хотя Виктор настаивал на том, что в случае с Юлей можно обойтись куда более незамысловатыми помощниками, Тогоев потребовал лучших.

Однако увиденное его разочаровало. Светловолосый парень с пронзительным взглядом, представившийся Илюшиным и бывший в этом тандеме за главного, не задал ему и половины тех вопросов, которые должен был задать, по мнению Олега Борисовича. Второй, насупленный здоровяк, за все время встречи едва ли произнес пару фраз.

– Уроды... – пробормотал Тогоев себе под нос и тут неожиданно осознал, что ему так не понравилось. Эти двое разговаривали с ним на равных.

Олег Борисович любил мысленно наблюдать со стороны за собой и какими-нибудь визитерами: он знал, что производит впечатление не слишком серьезное, и тем приятнее был контраст между его легкомысленной персоной и уважительным, зачастую подобострастным поведением гостей. Тогоев любил паясничать, изображая из себя маленького человечка с большими возможностями, и его самолюбие чрезвычайно грела мысль, что все вокруг прекрасно понимают, в чем заключается игра.

Но Илюшин и тот, второй, фамилию которого Олег Борисович, конечно же, не запомнил, не стали играть по предписанному им сценарию. «Шестерки», нанятые для несложной работы, вели себя не как наемный персонал, легко заменяемый другим, таким же, может, чуть пониже классом, а как люди, которые чего-то стоят. Хотя всем было ясно, что они не стоили ни-че-го.

– Все чертова демократия, – зло бросил Олег Борисович, убежденный сторонник монархии. – Развелось, понимаешь, всяких... Забыли свое место.

Хруцкий терпеливо ждал за его спиной, ничего не говоря – привык, что шеф часто разговаривает сам с собой и собеседник ему не требуется.

– Поналезла шантрапа в Москву с окраин Родины... – бормотал Тогоев, забыв, что сам приехал в столицу пятнадцать лет назад. – Раньше бы их всех быстро к ногтю прижали за неуважение.

Впрочем, поразмыслив, он решил не портить себе настроение. Найти дочь было важнее.

– Скажешь Костику, чтобы предоставил *этим* всю информацию, – распорядился он. – Что там им понадобится... Фотографии, с кем она общается, что носит....

Виктор негромко кашлянул.

– Что такое? – спросил Тогоев.

– Они еще не дали согласия.

Тогоев обернулся, недоверчиво уставился на Хруцкого маленькими

глазками. Люди приезжали к нему домой, он ввел их в курс дела, назвал весомый гонорар... Что им еще нужно?!

– Что значит «не дали согласия»? – взъярился он. – Да кто вообще...

Визгливый голос прервался на полуслове. Тогоев легко выходил из себя, но быстро успокаивался, а фирменные вспышки «тогоевского» гнева он устраивал только для зрителей. Сейчас стараться было незачем.

– Ладно, – покладисто проговорил он. – Мальчики-мальчики-мальчики... Думают они, значит? Пускай думают.

Офис сыщиков, в шутку именуемый Сергеем Бабкиным «штабом», находился в квартире Илюшина. Солнце заливало комнаты, выходявшие окнами на парк, над голыми деревьями которого шныряли мелкие воробьиные стайки. Макар сел в кресло перед ноутбуком, Сергей по обыкновению растянулся на диване, ворочая шеей вправо-влево и прислушиваясь к устрашающему хрусту позвонков.

– Что скажешь? – поинтересовался он.

– Подожди... – Илюшин сосредоточенно смотрел в монитор. – Да, конечно, это именно тот Тогоев, о котором я и думал.

Он откинулся на спинку кресла и выбил пальцами четкую барабанную дробь по столешнице:

– Владелец заводов-газет-пароходов.

– Брось! – приподнялся на локте Бабкин. – Олигарх? Что-то не похож...

– Да нет, про газеты и пароходы я преувеличил. А вот заводы у него имеются. Три штуки: в Подмоскowie, в Ростовской области и под Калининградом.

– Спиртное?

– Вовсе нет. Химические реагенты, минеральные удобрения и все, с ними связанное.

Сергей нахмурился, припоминая.

– Было какое-то уголовное дело, кажется... То ли о неуплате налогов, то ли о дочерних фирмах, не помню точно.

– Да, год назад, – подтвердил Илюшин. – Ничем не закончилось. Но к нам это не имеет отношения. Для нас важно, что Олег Борисович, шестьдесят восьмого года рождения, разведен и действительно имеет дочь двадцати с небольшим лет. Впрочем, я и не сомневался, что он говорит правду. Девица, похоже, рассорилась с ним и решила проучить любимого папу. Или просто проявила характер.

– Такая-сякая, – басом пропел Сергей, – сбежала из дворца. Такая-

сякая, расстроила отца! Почему мы не согласились сразу? Не вижу в деле ничего сложного.

– Меня смущает сам Тогоев, – помолчав, признался Илюшин. – У него в анамнезе криминальное прошлое, к тому же он похож на законченного невротика...

– У девяноста процентов наших крупных бизнесменов старше тридцати лет в анамнезе криминальное прошлое, – удивленно откликнулся Бабкин. – А добрая их половина – кладезь для психиатра. Тебя что-то насторожило в разговоре? Тогоев врал?

Сергей знал о способности Макара «отключать» слух, улавливая эмоции собеседника по его мимике и жестике, и был уверен, что на первой встрече с потенциальным клиентом Илюшин ее использовал.

– Нет, иначе бы я сразу отказался. – Макар отрицательно качнул головой, но пауза перед его ответом не осталась Сергеем не замеченной. Бабкин вскинул брови, вопросительно глядя на напарника.

– Я помню, как меня провел Ланселот^[1], – неохотно пояснил Илюшин, на короткое время утратив обычную самоуверенность.

– Тот прирожденный лжец, – отмахнулся Бабкин. – Один просчет не считается. А отказываться от дела без причины не пойдет нам на пользу...

Сергей не добавил «отказываться от гонорара», но Илюшин его отлично понял.

– Хорошо, – согласился он. – Сегодня соберем дополнительную информацию, а завтра ты возвращаешься к Тогоеву, расспрашиваешь его помощника о предпринятых мерах розыска и узнаешь все о девице. Если вдруг всплывут принципиальные для дела сведения, о которых заказчик умолчал, позвонишь мне.

Пухлый парень с розовыми, как незрелые райские яблочки, щеками внимательно следил за тем, как Бабкин осматривает комнату. Парня звали Костиком, и был он ровесником Сергея, хотя выглядел на добрых десять лет моложе.

Костик наблюдал за сыщиком так, как физически слабый человек наблюдает за физически сильным, то есть с глубоко скрытой завистью и выпяченным чувством умственного превосходства. Бабкин при расследовании старался поощрять это чувство в собеседнике, потому что человек, ощущающий себя на голову выше оппонента, всегда расслабляется, и из него можно выжать то, чего он сам по доброй воле не отдал бы. Это правило Сергей вынес из хорошего старого фильма и неукоснительно ему следовал.

С Костиком оно сработало. Из получасового разговора с ним Бабкин узнал не очень много, но вполне достаточно, чтобы принять окончательное решение: за дело нужно браться. Помощник Олега Борисовича рассказал, что настоящая фамилия Юли не Тогоева, а Сахарова, по матери, что в Москве у нее не так много знакомых, к которым она могла бы податься, денег на съем квартиры у девушки нет. А то, что дочь Олега Борисовича до сих пор не нашли, характеризует не уклончивость выбранного ею нового места жительства, а методы работы службы безопасности.

– Они обошли троих ее подружек и двоих бывших бойфрендов, – рассказывал Костик, растягивая гласные. – Спросили, не у них ли Юлька. Сутки посидели в засаде возле каждой квартиры – ждали, не появится ли она. Ничего не дождалось, вот и сняли наблюдение. Да, а одну девчонку, с которой у Юли близкие отношения, – Нику Церковину, – и вовсе испугали так, что она милицию вызвала. Дуболомы...

На его пухлом лице отразилось все, что Костик думает о подобных методах работы, и Бабкин вынужден был с ним мысленно согласиться.

– И все? – уточнил он. – Больше никаких мер не предпринималось?

Костик пожал плечами:

– Какие тут меры, когда шеф всем вставил пистон? На ее подружку, Нику, наши Саша с Вовой вздумали орать, чтобы, так сказать, сломать психологически. Говорят, были уверены, что она врет, будто ничего не знает о Юльке.

– Ясненько... – протянул Сергей. – Вот что, Константин: я сейчас начну опрашивать всех, живущих в доме и просто общавшихся с девушкой. Составьте мне список, пожалуйста.

Парень полез в карман костюма, но Бабкин остановил его, добавив:

– После того, как сами ответите на кое-какие вопросы.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Юля Тогоева с отцом не ладила, поскольку тот не воспринимал ее всерьез и отказывался выдавать требуемую дочерью ежемесячную сумму. В этой части рассказ Олега Борисовича полностью подтвердился. Никаких ссор накануне побега девушки из дома, по словам помощника, не происходило: Юля пребывала в своем обычном взвинченном настроении, но после очередного отказа отца в выдаче средств скандалить не стала, лишь коротко бросила «ну и черт с тобой» и ушла. Последний раз Константин видел ее выходящей поздно вечером из кабинета отца. Олега Борисовича дома не было, а в его отсутствие заходить в кабинет разрешалось лишь Виктору, главе охраны, и Костик сделал Юле замечание. Он подозревал, что она искала там деньги, но потом решил, что ошибся.

– Почему? – спросил Бабкин. – Олег Борисович не хранит в кабинете наличность?

– Хранит, кажется... – неуверенно ответил помощник. – Но она была в таком, знаете, тоненьком топе и в шортах. Я на нее посмотрел... в общем, у Юльки точно не было купюр. Я бы заметил.

Круглые щеки заалели. «Понятно, – усмехнулся про себя Бабкин. – Значит, девица была вся в обтягивающем, и ты так глазел на нее, что не заметил, куда она сунула деньги. Могла бы и за резинку трусов их спрятать».

– К тому же Олег Борисович ничего не говорил о пропавших деньгах, – добавил Костик. – Наверное, она искала и не нашла.

На следующее утро Юля исчезла, оставив записку. Записка хранилась у Тогоева, но Костик утверждал, что и так помнит ее текст.

– «Не нужно меня искать, я сама займусь своей жизнью, – процитировал он по памяти. – Жаль, что раньше этого не сделала».

– А что у нее была за жизнь в доме Олега Борисовича?

– Нормальная жизнь... – пожал плечами Костик. – Своя комната, полная свобода, шофер всегда отвезет, куда скажешь. С жиру она бесилась, вот что.

– Друзья, подруги?

– Какие-то имеются... – с сомнением ответил парень. – Юлия Олеговна, правда, девушка необщительная, но на курсах с кем-то познакомилась. На курсах дизайнеров, имею в виду. Я видел только Нику, о других ничего не знаю.

– У Юли парень есть?

– Нет никого. С таким поганым характером никому она не нужна, – не сдержался Костик, и Бабкин внимательно посмотрел на него.

– Отчего же с поганым?

Парень замялся.

– Сказали «а», говорите и «бэ», – вздохнул Бабкин. – Начальству я вас закладывать не собираюсь, можете мне поверить.

– Стерва она двуличная, вот кто! – решился Костик. – Посмотришь: кажется, девчонка как девчонка, тихая, незаметная. Даже милой может притвориться, если захочет. А узнаешь ее поближе – ну такая змея расчетливая!

– Какая же она расчетливая, если от отца сбежала без всякой выгоды для себя?

– Вот я и думаю, что какая-то выгода у нее все-таки есть, – хмуро поделился сомнениями Костик. – Юля ничего просто так не делает. Знаете,

какая она злопамятная? Я как-то раз отказался ей дать машину с водителем, когда она захотела по магазинам прокатиться, – одна тачка тогда была в ремонте, а другая могла потребоваться Олегу Борисовичу. Так Юлька после этого два месяца мне мило улыбалась, расспрашивала о жизни, делами моими интересовалась... Друзьями почти стали! А когда я, как последний дурак, сболтнул ей об одной своей промашке, так меня через два часа вызвал сам, – при этих словах Костик ткнул пальцем в потолок, хотя они с Бабкиным находились на верхнем этаже особняка, – и такой разнос устроил, что мама не горюй! А Юленька, девочка наша, сидела у него в кабинете и посмеивалась, глядя на меня. Честно вам скажу: мне от нее иногда бывало не по себе. Поэтому с ней долго никто и не встречался: есть в этой девке что-то такое... жутковатенькое. Кто-то быстрее это просекает, кто-то медленнее... Я вот долго присматривался, потому и пострадал.

– А откуда вы знаете про ее бывших приятелей?

– Что у меня, глаз нет? Я при Олеге Борисовиче, можно сказать, днем и ночью. Слышал, как она по телефону разговаривает, как с отцом ссорится... Как-то даже закричала, что выйдет замуж и уйдет из дома, но что-то не сложилось у нее с замужеством.

– Замуж, значит... – повторил Сергей, записывая за Костиком. – Скажите, а к родственникам она могла податься, как вы думаете?

И посмотрел на парня с надеждой, будто тот мог в одну секунду помочь ему закончить все расследование. Но Костик отрицательно покачал головой.

– Мы их первым делом проверили. У Олега Борисовича из родственников есть сестра, но она, во-первых, живет в Сочи, и, во-вторых, Юли у нее точно нет. А еще есть дальняя родня по матери в Питере, но их тоже успели проверить до вас. Пустой номер. Да, и от шефа я слышал о какой-то престарелой тетке, – подумав, добавил он. – Но к ней, шеф говорил, Юлька точно не пойдет.

– Почему?

– Потому что мы со старой гримзой в давней ссоре, – пояснил Тогоев, когда Бабкин пришел к нему со своим вопросом, закончив беседовать с Костиком. – Она мне не родная тетка, а жена моего дядюшки. Вдова, точнее говоря. Законченная стерва! Последний раз мы виделись на дядиных похоронах и с тех пор не разговаривали, потому что она меня терпеть не может. – Он ухмыльнулся, словно мысль о неприязни какой-то дальней неродной тетки была ему приятна. – Если она Юльку на улице увидит – не узнает, а уж Юля-то бабку и подавно: ей лет десять было, когда дочь с моей

тетушкой общалась, и больше обеим такого общения не захотелось.

Тогоев визгливо рассмеялся.

– Почему? – снова спросил Сергей.

Предприниматель уставился на него с веселым изумлением.

– Как – почему? Сами подумайте: о чем десятилетней девчонке говорить со старухой, которой почти шестьдесят? Агнесса, жена моя, потом рассказывала, что Марта из себя вышла и разоралась прямо в ресторане, до того ей Юлька надоела: кричала, что та вести себя не умеет, оскорбляла их с Агнессой. Правильно, своих-то детей нет, вот и не умеет с ними разговаривать. Дура бесплодная.

Бабкин подумал про себя, что у самого Тогоева ребенок есть, однако, судя по результату воспитания, разговаривать с ним правильно Олег Борисович тоже не научился.

– А Юлька-то когда из ресторана вернулась, – со смешком продолжал тот, – ее всю трясло от злости. Матери объявила, что не хочет больше ни с какими родственниками встречаться, – это ее, Агнешкина, была идея, чтобы ребенок со всей родней познакомился. Ну, на том знакомства и закончились.

– Кто еще у вас есть из родственников? – спросил Сергей, записав в блокнот информацию о тете Марте.

– Берта, сестра, – начал перечислять Тогоев, – и в Ленинграде Пашка с семьей... Слушайте, вы и Берту с Пашкой хотите проверять? Ерунда, не тратьте зря времени.

– Олег Борисович, будьте добры, назовите их адреса и телефоны.

– Я ж вам сказал, – вышел из себя Тогоев, – всех уже проверили! Юльки ни у той, ни у другого нет! Вы мне не верите, что ли, я не понял?

– Ну что вы! – возразил Сергей. – Дело вовсе не в недоверии, а в том, что мы должны все перепроверить. Вы же сами понимаете...

– Не понимаю! – перебил его бизнесмен. – Я вам плачу бабки и оплачивать впустую потраченное время не собираюсь! Ясно?!

Еще год назад, услышав такое, Бабкин непременно вышел бы из себя и отправил считающего деньги работодателя искать других специалистов. Но работа с Илюшиным многому научила его, в том числе экономному расходованию негативных эмоций. «Разозлиться без результата – непозволительная роскошь», – говаривал Макар. «Будем злиться с результатом», – решил Бабкин.

Тогоев, наблюдавший за этим крупным, немного скованно держащимся мужиком с не улыбчивым лицом, уже хотел предложить ему перейти к опросу других людей, но тут мужик поднял на него глаза –

темно-карие, глубоко посаженные, вкуче с его габаритами придававшие ему сходство с медведем. Взгляд у сыщика был на удивление спокойный, но за этим спокойствием угадывалось упрямство.

– Вы, Олег Борисович, оплачиваете не время, – веско проговорил он. – Вы оплачиваете результат. Вам нужен результат или вы хотите контролировать все наши действия?

– При чем тут контролировать, если я вам сказал, что ее там нет! – взорвался Тогоев, повысив голос.

– Если ни при чем, то мы хотим сами в этом убедиться. – В голосе Бабкина звучала настойчивость. – Если бы мы этого не сделали, то не заслуживали бы чести работать с вами, – добавил он, вспомнив заповедь Илюшина «будь дипломатичным».

Секунду Тогоев смотрел на него, затем неожиданно сморщил нос и наклонился под стол. Вылез он с мандарином, несколькими ловкими движениями счистил шкурку так, что она одним длинным завитком сползла на стол.

– Ладно, ладно, – посмеиваясь, сказал он, как будто только что не выходил из себя. – Хотите зря время тратить – проверяйте. Главное, чтобы вы ее нашли. Держите!

Он швырнул в Бабкина очищенным мандарином, еще не договорив последнее слово, но тот с неожиданной ловкостью поймал фрукт в паре сантиметров от своей рубашки и, даже не сжав его в огромной лапе, раскрыл ладонь, вопросительно посмотрев на Тогоева.

– Молодец, реакция хорошая, – улыбнулся Олег Борисович. – Угощайся. Заслужил.

Бабкин положил очищенный мандарин на край стола, покачал головой.

– Спасибо, не люблю цитрусовые.

Выйдя из кабинета бизнесмена спустя несколько минут со всеми данными, которые требовались, Сергей достал из кармана платок и тщательно вытер липкую от сока руку.

Глава 3

В квартире с утра стояла тишина, поскольку все разбежались по своим углам, как тараканы, – а все из-за невинной метелки для смахивания пыли. Этот предмет Юлька приобрела в хозяйственном магазине – не смогла удержаться, до того метелка напомнила ей юбку, которую она носила в детстве: много-много пышных разноцветных веселеньких ярусов-обороч.

– Это что? – осведомилась Марта Рудольфовна, едва узрев в дверях Юльку, размахивающую приобретением. – Зачем *это* в нашем доме?

– Многофункциональная вещь, – сказала Юлька, почуяв недоброе по тому, как быстро исчезла открывшая ей дверь Лия, и оправдываясь сама не зная за что. – Можно пыль смахивать. Можно просто любоваться. Можно с кошкой играть...

– В макушку воткнуть – и можно канкан танцевать, – продолжила старуха с непроницаемым лицом. – В попу – изображать енота на детских праздниках. В ухо – и будет бледнолицый, убитый Орлиным Глазом.

Юлька улыбнулась. Делать этого, конечно, не стоило, потому что Марта Рудольфовна только и ждала, когда неуместная улыбка расплывется по Юлькиной физиономии.

– Полтора месяца, – вкрадчиво начала она, – полтора месяца я не могу обучить тебя качественно протирать пыль... Полтора! – Старуха не повысила голос, но Юльке показалось, что стены вокруг зашатались, будто от землетрясения. – Подумать только, за это время можно было научить медведя пылесосить и чистить ковры, и он делал бы это без помощи дрессировщика! А я до сих пор вынуждена ходить за тобой с тряпкой, указывая на огрехи.

Вот уж это была неправда так неправда! Представить старуху с тряпкой было совершенно невозможно. В лучшем случае длинным отточенным ногтем она брезгливо указывала Юльке участок, который, по ее мнению, был вытерт недостаточно тщательно, но на этом вмешательство Марты Рудольфовны в уборку и заканчивалось.

– И теперь, по завершении этого, с позволения сказать, обучения, которое показало твою полную непригодность даже к столь элементарной деятельности, ты приносишь символ безмозглости домохозяек, разметающих пыль по воздуху вместо того, чтобы уничтожать ее! Этот овеществленный гимн тупости и пошлости! Этот фетиш вырождающихся папуасов!

На голос Марты Рудольфовны выглянула из своей комнаты Валентина Захаровна, нацепила очки.

– Марточка, что ты шумишь... – начала было она, но старуха в ярости обернулась к ней, и Валентина Захаровна немедленно ретировалась, чтобы не задело молнией. На это у нее были свои причины.

Только недавно Юлька по просьбе Мурашовой принесла ей витражные краски, и Валентина Захаровна старательно расписала ими часть окна в гостиной. На окне расцвели страшненькие маки и еще более страшненькие розочки. Выглядело это как размазанное по стеклу украшение с торта, присохшее намертво. Увидев творение подруги, Конецкая воззвала ко всем богам, заявила Валентине, что та впала в детство, и призвала Юльку, которая полчаса яростно оттирала тонкую витражную пленку. Однако то ли пленка оказалась некачественной, то ли Мурашова нанесла слишком толстый слой, но один мелкий мак остался в нижнем углу и не оттирался никакими губками. Это красное пятно мозолило Конецкой глаза, и каждый раз при взгляде на него она приходила в ярость. Поэтому Валентина Захаровна, памятуя о недавнем промахе, не рискнула выступить ничьей заступницей.

Лия сбежала еще раньше, и теперь Марту Рудольфовну ничто не могло отвлечь от разделывания Юльки под орех.

И Юльке досталось по полной программе. В саркастических выражениях ее попросили больше не демонстрировать столь явно свое вкусовое убожество, воздерживаться от попыток насаждения варварской культуры и в другой раз в магазине избегать соблазнов в виде позолоченных кулончиков, разноцветных метелок, фарфоровых голубков и прочих заманчивых приобретений.

Юлька спрятала овеществленный гимн тупости и пошлости от греха подальше и отправилась протирать пыль в гостиной – Марта Рудольфовна требовала ежедневной влажной уборки.

Начала она с лакового столика возле дивана. Ах, какой это был столик! С кокетливо изогнутыми ножками, с круглой черной столешницей, аккуратной, как маленькая шляпка модницы. Из ящичков торчали серебряные ключи – нет, не ключи, а ключики, резные и совсем кукольные – такие впору бы носить на шее как оригинальное украшение, а не ящички ими запирают. Почти любовно Юлька протирала тряпкой все изгибы столика, все блестящие завитушки, и если прежде эти действия выводили ее из себя и быстро утомляли, то к концу полуторамесячного проживания у Марты Рудольфовны она научилась извлекать из них удовольствие. Ее больше не нервировало каждодневное ползание с мочалкой по всем ста

пятидесяти метрам квартиры на пятом этаже, она почти привыкла начинать день с мытья раковин («первое, что ты должна сделать, почистив зубы, – это отдраить раковину!») и даже унитаза приветствовала, как ожидающего ее приятеля – непринужденным взмахом ершика.

А что еще остается делать, если ты очутилась у ведьмы?

Марта Рудольфовна Конецкая, конечно же, была ведьмой. Два раза в неделю протирая фотографии, развешанные по стенам в ее спальне (юная Марта в длинном черном платье: из высокого ворота поднимается, как белый бутон, головка на длинной шее; Марта крупным планом: изысканное худое лицо, надменный взгляд, пальцы едва держат пахитоску; Марта вполоборота: тень от ресниц, полуопущенные веки, изогнутые вишневые губы), Юлька даже боялась всматриваться в них: казалось, молодая Марта наблюдает за нею со снимков, приглядывается своими темными глазами, в глубине которых прячется бесовщина. Смахивала пыль – и поскорее уходила из спальни, тем более что дел было предостаточно.

Шестидесятивосьмилетняя Конецкая когда-то была манекенщицей, работавшей в Московском доме моделей на Кузнецком Мосту. Карьера ее, по меркам моделей, была удивительно длинной и очень успешной: она начала сниматься для журналов в девятнадцать лет и оставила подиум в сорок, успев поработать с Вячеславом Зайцевым и заслужить славу одной из его любимых манекенщиц. Высокая, с удлинённым бледным лицом в обрамлении черных волос, худощавая и тонкорукая, Конецкая никогда не считалась красавицей, но была исключительно эффектна. К своим почти семидесяти годам она уже много лет красила волосы, скрывая седину, кожу, когда-то белую от природы, запудривала, но осанку и манеры манекенщицы «высокого полета» сохранила в полной мере.

– Профурсетки, – увидев в телевизоре очередной конкурс моделей, презрительно бросала Марта Рудольфовна в адрес красавиц. – Глупые курицы, рассчитывающие получить даром все и сразу. Быть моделью – боже, что за неуместное слово, будто речь идет о танках или самолетах, – так вот, быть моделью означает иметь к этому призвание и дьявольски много трудиться! А эти... – презрительный кивок в сторону экрана, – ничего не умеют, ни на что не способны и не знают даже своих великих предшественниц. Что они слышали о Романовской или Збарской? О Галине Миловской? Ни-че-го.

В своей квартире Марта Рудольфовна была полновластной хозяйкой. Она сменила трех мужей, всегда выбирая мужчин старше себя и проявляя редкую прозорливость в том, что касалось их материального состояния: после женитьбы на Конецкой каждый из них упрочивал его настолько, что,

пройдя развод, Марта оставалась в большом выигрыше по сравнению с первоначальным своим положением. Впрочем, последнему супругу удалось избежать участи оставленного мужа: он тихо скончался, успев побаловать жену драгоценностями и шубами, к которым она почувствовала вкус после сорока. Таким образом, Марта в сорок шесть лет стала вдовой и на этом успокоилась.

До появления Юльки просторную шестикомнатную квартиру Конецкая делила с двумя женщинами. Одна из них, Валентина Захаровна Мурашова, была ее школьной подругой. Много лет назад, когда Марта Конецкая перешла из одной школы в другую и оказалась в классе, враждебно настроенном к новенькой, Валя Мурашова встала на ее защиту. Благодаря ее заступничеству Марту перестали травить, а девочки подружились – как оказалось, на всю жизнь. Мурашова до пенсии работала преподавателем химии в обычной московской школе, но блестящей жизни и карьере подруги нисколько не завидовала – скорее наоборот: втихомолку жалела Марту, посвятившую себя такому однообразному, изматывающему занятию.

Конецкая умела быть благодарной: после того как из-за семейных обстоятельств у Валентины началась депрессия, она перевезла подругу к себе и стала ее опекать. Последний год они жили вместе, а когда состояние Мурашовой ухудшилось из-за прогрессирующего диабета, в доме появилась Лия – молчаливая молодая женщина с сосредоточенным лицом, редко освещающимся белозубой улыбкой, и ровной каштановой челкой, густой, как у пони. Как поняла Юлька, в ее обязанности входило постоянное присутствие рядом с Мурашовой, проведение несложных медицинских процедур и самый обычный присмотр – Валентина Захаровна хромала на одну ногу, она с трудом вставала и садилась, и вовремя протянутая рука, на которую можно было опереться, приходилась очень кстати.

С Лией Юлька попыталась пару раз завязать разговор, но почувствовала, что та относится к ней с насмешливым превосходством, и отстала. Не хватало ей еще искать симпатии какой-то сиделки! Правда, втихомолку завидовала ее выдержке.

Валентину Захаровну Марта с удовольствием третировала (к чему та относилась с удивительным благодушием), а Лию почти игнорировала, рассматривая, по-видимому, лишь как подобие одушевленного костыля для подруги. Но иногда на Конецкую что-то находило, и она начинала придирается к сиделке по пустякам. На месте Лии Юлька давно бы уже вышла из себя, та же сносила все нападки стоически и ни разу не сорвалась

в ответ. Как-то после особенно безобразной вспышки Марты Рудольфовны Юлька перехватила Лию в коридоре и негромко – чтобы не услышала ведьма – шепнула:

– Слушай, зачем ты с ней мучаешься? Нашла бы другую работу!

Та неожиданно сверкнула улыбкой, хотя Юлька не видела в своем вопросе ничего смешного.

– Зеленая ты еще, – пожала плечами Лия, и Юлька возмутилась про себя: они же почти ровесницы! – Если из-за каждой капризной старухи работу менять, никаких нервов не напасешься. И тебе тоже нужно быть поспокойнее – неужели не видишь: *она* только того и добивается, чтобы ты разозлилась? А ты возьми да не злись. Или злись, но так, чтобы никому заметно не было.

Подмигнула ободряюще и скрылась в комнате Мурашовой.

Во всем происходящем Юлька разобралась не сразу, потому что никто не собирался давать ей отчет в том, что за отношения царят между обитателями квартиры. Поначалу она лишь поняла, что ей нужно быть тише воды ниже травы, беспрекословно исполнять приказы Марты Рудольфовны и постараться не вызывать ее гнев.

Последнее оказалось не просто сложным – невыполнимым! Старуха гневалась часто и делала это со вкусом, от души. Юлька была для нее чем-то средним между прислугой и тараканом, то есть существом, с одной стороны, полезным, с другой – безмерно раздражающим, от которого следует немедленно избавиться, потому что оно разносит заразу и оскорбляет взгляд. Определить, когда Конецкая проявит снисхождение, а когда схватится за тапочку, было невозможно.

Хваталась за тапочку Марта Рудольфовна, разумеется, лишь фигурально и предпочитала сохранять лицо бесстрастным. Пусть тривиальные люди изгибают губы, морщат нос, зыркают глазами – вот, дескать, на что я способен! Марта Рудольфовна все свои эмоции при желании могла передать легкими шевелениями бровей – так, что все остальное лицо оставалось неподвижным. А если еще точнее, то и обе брови ей были ни к чему, обеими она выражала сильные чувства, а для разговора с Юлькой хватало одной левой. На два миллиметра вздернутая бровь означала, что сейчас начнется разнос. Изогнутая – что пора отступить, забыв про достоинство. Резко поднятая – что отступить уже поздно.

Но понемногу Юлька приспособилась, научилась тем премудростям, которые просто необходимо знать, если живешь с ведьмой. Сливаться со

стенами, выучить пару нехитрых приемов, разворачивающих уши по ветру и позволяющих обостренным слухом уловить шаги за входной дверью, уменьшаться в пять раз до размеров кошки... Правда, уменьшаться как следует пока не получалось, и кошка из Юльки выходила неуклюжая, толстозадая, нелепо торчащая из-за тех укрытий, за которыми она пыталась спрятаться. Извлекали ее оттуда за беззащитный хвост, брезгливо рассматривали и отправляли в чулан недрогнувшей старческой рукой, на которой поблескивали и дразнились красные рубины – Конецкая была большая любительница драгоценностей.

Юлька боялась своей хозяйки до дрожи. По утрам, вставая с узкого диванчика и торопливо заправляя его, она представляла, что сегодня будет держать себя с достоинством и Марта Рудольфовна устыдится и отступится от нее. Но едва заслышав хриплый старухин голос, забывала о своих намерениях, вжимала голову в плечи, бледнела и краснела, выслушивая обращенные к ней язвительные замечания, и, дрожа коленками, спасалась от ведьмы в туалете, пытаясь спрятаться за унитазом, якобы оттирая воображаемое пятно.

Поначалу все замечания старухи касались лишь Юлькиной деятельности, а также ее досуга (такового у Юльки не выдалось за все время работы ни разу, но ей он был и без надобности). Однако пару недель спустя после появления девушки в обращении Конецкой с ней произошли некоторые изменения...

В тот вечер разговор двух пожилых дам вертелся вокруг диет и правильного питания. Под увещевания Валентины Захаровны – она настаивала на том, что в их возрасте полезна растительная пища, и даже рыбу стоит есть с большой осторожностью, дабы не навредить организму, – Марта обжаривала на сильном огне бифштексы: она всегда готовила сама маленькими порциями, которых хватало лишь на один прием. Розовые куски уже шипели на сковородке, когда Конецкая прищелкнула пальцами и обернулась к Юльке, оттиравшей с ковра пятно от пролитого вина.

– Голубушка, базилик! Я совершенно забыла про базилик. Быстренько сбегай в магазин, принеси три пучка.

– Марта! – возмутилась Мурашова, сочувственно глядя на Юльку сквозь толстые стекла очков. – Куда ты гонишь девочку?! Посмотри, какая темень, – нельзя отправлять молодую девушку на улицу одну в такое время!

– Эта улица восемьдесят лет как электрифицирована, – равнодушно заметила старуха. – Три пучка, и проследи, чтобы не подсунули вялых.

– Но это опасно! К ней пристанут!

– Ко мне не пристанут, – буркнула Юлька, поднимаясь с ковра, и добавила – просто так, без всякой задней мысли: – Ко мне никогда не пристаю.

– Это отчего же? – Конецкая обернулась к ней, сощурилась.

– Ну... – Юлька даже растерялась под ее взглядом. – Вы же видите, какая я...

– Какая?

«Черт бы тебя взял, – злобно подумала Юлька. – Все ты прекрасно видишь, только ищешь повод, чтобы лишний раз поиздеваться».

– Уродина, вот какая! – брякнула она, исподлобья глядя на Марту Рудольфовну. Хотела уже развернуться, чтобы уйти, но не решилась: взгляд Конецкой держал ее на месте, не отпускал. – Три пучка базилика, – вслух повторила Юлька, делая вид, что ничего особенного сказано не было, и мысленно ругая себя за оплошность: знала ведь, знала, что старуха придирается к любой не по делу брошенной фразе. А вдруг, не дай бог, Марта Рудольфовна решит, что ее домработница вела себя непозволительно? И выставит ее на улицу? Тогда – прощай весь тщательно продуманный план, и все полетит к черту. «Стерва. Ненавижу!»

– Юленька, отчего вы так говорите! – запротестовала Мурашова, качая седой головой. – Это неправда! Главная красота – в молодости!

– Чушь собачья, – откликнулась Марта Рудольфовна, по-прежнему *придерживая* Юльку взглядом. – Сама по себе молодость ничего не дает; достаточно посмотреть на нее, чтобы в этом убедиться.

Пренебрежительный кивок подбородком в ее сторону добил Юльку.

– Значит, три пучка? – сквозь зубы выговорила она, стараясь не глядеть на Конецкую: всерьез опасалась, что старуха сможет прочесть в ее глазах слово «мегера», вертевшееся у Юльки в голове.

– А знаешь, что я тебе скажу, голубушка... – продолжала Марта Рудольфовна, игнорируя ее вопрос. – Ты, конечно, считаешь, что тебе не повезло с лицом и фигурой. Однако в действительности тебе не повезло лишь с содержимым твоей некрасивой головки. Банально, но это так. При твоих внешних данных вполне можно быть красавицей.

Валентина Захаровна, добрая душа, – и та с сомнением посмотрела на подругу. Во взгляде ее явственно читалось: «Марточка, насчет красавицы ты погорячилась». И в самом деле – какую красоту можно извлечь из субтильного мелкого тельца ростом метр шестьдесят и насаженной на него сверху, будто горшок на палку, круглой головы с жидкими серыми волосами того оттенка, который несправедливо называют мышиным, тем самым оскорбляя грызунов.

– Красавицей... – повторила Юлька и усмехнулась. – Ну да, конечно! Где-нибудь в племени мумбу-юмбу...

– Дура, – пожалала плечами Конецкая. – Причем ленивая. Немного старания, чуточку упорства, грамм-другой мозгов – и сделала бы из себя женщину, а не это недоразумение.

Как ни старалась Юлька сдерживаться, у нее не получилось. Ведьма своими словами в очередной раз задела в ней какие-то струны, которые отозвались возмущенным аккордом.

– И что же я могу сделать со своим ростом? – противно звенящим голосом осведомилась Юлька. – Или с тем, что у меня фигура, как у мальчишки? И как мои мозги помогут исправить кривые ноги, а? Ну скажите же, Марта Рудольфовна!

– Твои мозги – никак, – с ледяным спокойствием парировала старуха, делая ударение на слове «твой». – Потому что у тебя их нет.

– Ох, Марта, раз ты такая умная, вот и дала бы девочке пару советов, – вмешалась Мурашова и тут же добавила, противореча самой себе: – А вы, Юля, не слушайте ее. Все у вас хорошо!

– Я бы, может, и дала бы пару советов, – пожалала плечами Конецкая, с сожалением глядя на Юльку. – Но поскольку очень мала вероятность, что им последуют, то мне жаль своего времени.

Она отвернулась к плите, достала из шкафчика пару бутылочек темного стекла и принялась поливать мясо, не вынимая его из сковородки. По комнате поплыл аромат жгучих специй, рассерженно зашкварчал соус, и, словно взбудораженная его запахом, Юлька вдруг сказала неожиданно для самой себя в худую и очень прямую спину:

– Я последую! Честное слово, Марта Рудольфовна...

Конецкая неторопливо обернулась, наклонила голову. В темных глазах промелькнула насмешка.

– Последуешь... – протянула она. – Значит, на что только не пойдешь, чтобы самой себе нравится, правда?

В голосе ее звучал откровенный сарказм, но Юлька кивнула, признавая свое поражение. Да, она готова была слушаться кого угодно, в том числе и ведьму. Даже, пожалуй, ведьму – в первую очередь, потому что предложи Юльке свои советы Валентина Захаровна, она бы только посмеялась про себя.

– Ладно, – подумав, с усмешкой кивнула Марта. – Дам тебе шанс, пожалуй. Заодно и сама развлекусь.

– Вот и славно! – обрадовалась Валентина Захаровна. – Правда, Марта, у тебя такой большой опыт... Юленьке нужно штанишки другие подобрать

да сходить к хорошему парикмахеру, и все будет замечательно!

От того, что они так хорошо договорились, не поссорившись, и все почти устроилось, Валентина Захаровна светилась и, судя по всему, мысленно уже видела домработницу подруги счастливой и довольной. Однако Марта Рудольфовна нахмурилась, не разделяя ее настроения, и от этого Юльке стало не по себе. Она внутренне напряглась, тут же забыв про нелепое словцо «штанишки», которым Мурашова охарактеризовала ее джинсы-скинни. И не зря.

– Нет, так не пойдет, – неожиданно бросила Конецкая, смерив Юльку взглядом. – Никакой пары советов.

– Почему?! – От разочарования Мурашова даже руками всплеснула.

– Потому что толку от них будет, как покойнику от припарок. Здесь все нужно менять, а не штанишки и прическу. Все! Из этого чурбанчика можно выточить Буратино, но для этого придется не просто надеть на него курточку и сунуть букварик, а поработать как следует.

– Вот и поработай! – воскликнула Валентина Захаровна.

– Она не выдержит и пары дней. – Марта вновь указала острым подбородком на Юльку. – Кишка тонка.

– Я выдержу, – удивляясь самой себе, просительно сказала Юлька.

– Что, будешь следовать всем моим указаниям?

– Буду, правда!

Марта подумала, затем нехотя кивнула.

Тут же обсудили условия, на которых Конецкая соглашается заниматься преобразованием Юльки, и разговор шел не шуточный, а серьезный, будто обсуждали непростой договор. Интересы Юльки представляла Валентина Захаровна, а Марте Рудольфовне представитель был не нужен. Базилик был забыт, сама героиня беседы, в общем, тоже, и Юльке ничего не оставалось, как слушать двух старух.

Под конец их оживленной беседы в комнату заглянула Лия, удивленно посмотрела на домработницу, сидящую на корточках возле двери, и, убедившись, что с ее подопечной все в порядке, удалилась к себе. Конецкая и Мурашова даже не заметили ее: обе были увлечены спором о том, как далеко разрешается зайти Марте в улучшении внешнего облика домработницы. Мнения самой Юльки, конечно, никто не спрашивал.

В конце концов Конецкая подвела итог и сделала это кратко и жестко:

– Будешь слушаться меня во всем, ясно? – спросила она, обращаясь к Юльке, которая тут же вскочила и вытянулась, чувствуя себя солдатом на плацу. – Человека я из тебя сделаю, если не станешь сопротивляться. Результат оценим через пару месяцев с помощью большого жюри.

– Это как?

– Потом увидишь. И кстати, – она обвела столовую возмущенным взглядом, – где базилик?!

Юлька не знала, на что согласилась. При всей ее неприязни к старухе она готова была схватиться за любую соломинку, лишь бы ее сделали симпатичнее. Насчет своей внешности девушка не обольщалась: еще подростком она сравнивала себя с одноклассницами и видела, как невыгодно от них отличается. Один неудачный роман не прибавил ей уверенности – попробуй-ка быть уверенной, когда в средних классах тебя дразнили глистой и ты осознаешь, что с того времени немного изменилось. Поэтому зеркала Юлька не любила, точно так же, как и садистские примерочные в магазинах – в них словно специально подбирали такой свет, чтобы покупательницы в ужасе бежали прочь, не тратя времени на пристальное рассматривание своего отражения и от расстройства захватив с собой неподходящую вещь. И фотографироваться она не любила. И входить в помещение, где много незнакомых людей, – ей сразу казалось, что все смотрят на нее и думают: «Надо же, какая глιστα пришла».

Прося Конецкую помочь ей, Юлька надеялась на то, что старуха и в самом деле даст пару-тройку рецептов, проверенных на собственном и чужом опыте: чем протирать лицо, чтобы улучшился его цвет; как увеличить грудь хотя бы до второго размера; нет ли упражнений для исправления кривизны ног... В конце концов, не зря же она работает на ведьму, как Маленький Мук!

Однако Марта Рудольфовна подошла к своей задаче творчески и всю последнюю неделю методично высмеивала Юльку. Насмешке подвергалось все, касающееся ее внешности: осанка, походка, покачивание бедрами при пробеге с тряпкой из столовой в ванную комнату, манера держать вилку... Острым, как охотничий нож, языком Марта Рудольфовна элегантно разделявала Юльку, свежевала и лишь затем приступала к сыроедению, поедая домработницу вприкуску с ее потрохами.

Через неделю Юлька проклинала и дурацкий разговор, и Конецкую, и Валентину Захаровну, и саму себя за первую брошенную реплику, с которой все и началось. В присутствии Марты Рудольфовны она ощущала себя утыканной стрелами. Старуха взялась за нее всерьез и методично доводила до отчаяния, так что Юлька готова была рыдать от жалости к себе. Останавливало ее лишь то соображение, что за истерику Конецкая ее немедленно выгонит.

Она пыталась пожаловаться Лии, но та смотрела равнодушно темными глазами из-под густой челки, и Юлька понимала, что ей совершенно безразличны страдания какой-то домработницы. Она пробовала вызвать жалость у самой Марты Рудольфовны, но добилась лишь большего презрения. Однако по истечении недели насмешек Конецкая посадила девушку на стул, сама расположилась в кресле и сообщила:

– Первый этап закончен.

– Какой еще этап?

– Подготовительный, естественно. Надеюсь, ты осознала, что менять в тебе придется *все*. В первую очередь – мировоззрение.

– А у меня нет мировоззрения, – огрызнулась Юлька, запоздало сообразив, что не без причины была девочкой для битья и что это, по-видимому, было частью плана ее хозяйки.

– Есть, но оно такое жалкое и убогое, что ты сама не подозреваешь о его существовании. Впрочем, об этом сейчас рано говорить. Пока тебе следует запомнить одно: в мае мои хорошие знакомые устраивают прием, и я хочу, чтобы ты там присутствовала. Валентина считает, что ты будешь не готова к этому времени, и я хочу доказать ей обратное.

Юлька вытаращилась на Марту Рудольфовну. Так вот что значили слова об оценке с помощью большого жюри!

– То есть как это.... – пролепетала она. – Вы меня с собой в гости возьмете, что ли?

– Не заикайся. Да, возьму. И хочу, чтобы ты к этому времени выглядела прилично. Потом мы с Валентиной попросим нескольких мужчин и женщин, чтобы они честно сказали, что думают о твоей внешности. Элементарно.

Все сказанное звучало дико, но у Юльки не было никаких сомнений, что ведьма так и сделает. Она захочет оценить результат своей работы, и для этого ей потребуются независимые эксперты. Эксперты посмотрят на домработницу Марты Рудольфовны и одобрительно кивнут (что вряд ли), пожмут плечами (что маловероятно) или сочувственно покачают головой (скорее всего). Представив такую перспективу, Юлька чуть не взвыла.

– Поскольку времени остается не так много, – продолжала Конецкая, – а работы – поле непаханое, то начинаем с завтрашнего дня. Будешь учиться одеваться, держаться, краситься и смотреть. И всему остальному тоже.

Юлька переварила информацию и вопросительно взглянула на хозяйку.

– Неужели вы в самом деле собираетесь сделать из меня красавицу? – недоверчиво спросила она.

Теперь, когда ей стал ясен план Марты Рудольфовны, она не могла поверить, что умная и ценившая свое время старуха ввязалась в такое безнадежное предприятие.

Марта закурила, выпустила вверх из накрашенных морщинистых губ струйку дыма.

– Запомни вот что, – спокойно сказала она. – Есть красота односекундная, когда посмотрел на человека, поразился его красоте, потом еще раз взглянул – и все, переключился на что-то другое. А есть – долгая, когда хочется смотреть, не отрывая глаз. Ее нельзя разложить на составные части, на правильные черты лица. А иной раз на правильные и не раскладывается, потому что нос великоват, глаза слишком раскосые и уши оттопыренные... Ты можешь даже не понять, что это и есть – настоящая красота. – Старуха стряхнула пепел, прикрыла перламутровые веки и закончила: – Именно такую красоту из тебя и можно сделать. А точнее – только такую и можно.

Глава 4

Лена проснулась не по сигналу будильника, а на минуту раньше и целых шестьдесят секунд лежала, наслаждаясь тишиной, наблюдая из-под полуприкрытых ресниц за быстрыми, рваными шагами стрелки. В голове звучало мерное «тик-так-тик-так», и больше всего хотелось провести в таком состоянии не минуту, а весь день, чтобы вместо мыслей был только бесстрастный отсчет секунд.

Она отключила будильник за мгновение до того, как он должен был прозвонить, и почти сразу услышала сонный голос матери из соседней комнаты:

– Лена, проснулась? Вставай, у тебя часы отчего-то не сработали!

– Встаю! – крикнула она, в который раз поражаясь способности матери улавливать не то что шорохи – казалось, даже мысли. Когда-то Лена сравнивала ее с подсолнухом, но сравнение было неверным – скорее уж Ольга Сергеевна напоминала радар, чувствительный к малейшим колебаниям воздуха. А воздухом была Лена.

– Что-то ты сегодня сумрачная, – озабоченно сказала Ольга Сергеевна, появившись в спортивном костюме на кухне, где завтракала дочь. – Плохо спала?

Она всегда вставала рано, делала гимнастику, растирала лицо кусочком льда с добавлением настоя ромашки, стягивала редкие волосы в аккуратный пучок на затылке, пять минут хлопала себя по подбородку – чтобы не отвисал, и после всех этих процедур и манипуляций излучала энергию, от которой Лене почему-то хотелось закрыться зеркальным щитом. Сама она по утрам напоминала себе ежика, которого развернули силком и вот-вот дотронутся чем-то холодным и неприятным до его беззащитного брюшка. Хотелось свернуться обратно, заползти в нору и лежать, зажмурив глаза, слушая шелест листьев над головой. Но мать с детства приучала ее к тому, что вставать нужно бодрым, а утренняя вялость и нежелание общаться с миром – что-то вроде постыдного порока, в котором ни в коем случае нельзя признаваться.

Спалось Лене ночью и в самом деле плохо, но говорить об этом бодрой матери не хотелось.

– Нормально я спала, мам.

– Врешь, – заметила Ольга Сергеевна. – Я же вижу. На, выпей.

И сунула дочери под нос чай из своих травок, заботливо настоянный в

термосе.

– Мам, да я не хочу...

– Пей, тебе говорят!

Лена подчинилась. Горьковатый чай согрел ее, и она и впрямь почувствовала себя лучше. Неудовольствие, сидевшее в глубине души, почти исчезло, и Лена быстро собралась на работу, испытывая что-то похожее на воодушевление. Это состояние так редко посещало ее последние годы... «Не растерять бы его».

Но когда она шла по офису редакции, то поняла, что воодушевление было иллюзией, посетившей ее на короткое время и незаметно исчезнувшей. Иллюзия оставила после себя ощущение утраты и слабое воспоминание о том, что когда-то каждый ее день начинался не с мечты пролежать в постели весь день под тиканье будильника в голове, а с совсем других мыслей и чувств.

Она заглянула в кабинет к Ерофееву и обнаружила у него молодого человека – бледного, сутулого, неприятно одетого. Сам Ерофеев, вальяжно закинув одну пухлую ногу на другую, учил юношу жизни, однако при появлении Лены прервался и даже попытался поцеловать ей ручку – не оттого, что был старомодно-галантен, а из желания пустить пыль в глаза новому человеку.

– Саша, мне не до твоих лобзаний. – Лена мягко, но решительно отобрала руку. – Где Грищук? Мы с ним должны тему утвердить, я специально пораньше приехала, а его нет.

– Будет, Леночка, будет тебе Грищук! Митя, познакомься: это наша Елена Дмитриевна, оч-чень ценный кадр. – Он сочно выделил «ч» в слове «очень». – Если тебе повезет, Елена Дмитриевна согласится дать пару уроков, или, иначе говоря, лекций, а еще точнее – проведет беседу...

– Саша, прости, – перебила Лена. – Если зайдет Грищук, скажи ему, что я в бухгалтерию спустилась, хорошо?

– Ладно, – недовольно отозвался тот.

Лена вышла из кабинета, неплотно прикрыв за собой дверь, и до нее сразу донеслось небрежно брошенное:

– Ушла наша звезда... Не захотела на тебя время тратить.

– А это кто?.. – спросил неуверенный высокий голос. – Сама Дубровина, что ли?

– Именно! – с напускным энтузиазмом воскликнул Ерофеев. – Именно, что сама! Понял, с кем работать будешь? Вот то-то.

– А ты знаешь, отчего она писать-то перестала? – Парень был ужасно заинтригован, чувствуя, что подобрался к человеку, обладающему

разгадкой волнующей его тайны. – Знаешь, Саш?

Лена поморщилась и хотела уйти, чтобы не слышать ответа, но из двери напротив вышел человек, которого она меньше всего хотела бы видеть в эту секунду, и от растерянности она замерла на месте. Вася Ковригин помахал кому-то, скрытому от ее глаз, затем обернулся, увидел Лену, и его добродушная улыбка исчезла, а вместо нее появилась неловкая, совсем ему не идущая.

– Привет, – сказал Ковригин.

Лена поняла, что сейчас и он услышит то, что скажет Ерофеев, и, махнув рукой и изобразив на лице видимость страшной занятости, торопливо пошла прочь. Но громкий, торжествующий голос Ерофеева догнал ее в нескольких шагах от двери.

– Исписалась, вот почему! – И повторил по слогам, забивая каждый, как гвоздь, ей в голову: – Ис-пи-са-лась!

Спустившись по лестнице, Лена не пошла в сторону бухгалтерии, а остановилась возле потрескавшегося подоконника и, подумав, вытащила сигарету. Закурила, выпустила дым, растекшийся по стеклу. За окном распушившиеся синицы оккупировали клен: они скакали по веткам над грязными машинами сотрудников редакции, тинькали и тенькали, словно специально поворачиваясь к Лене так, чтобы она со всех сторон могла рассмотреть их желто-синее оперение.

Ей вспомнилось, как шесть лет назад она стояла возле такого же потрескавшегося «курительного» подоконника в другом доме на другом конце Москвы, смотрела на синиц и не верила своему счастью – подписанному договору на издание ее книги.

Когда-то Елена Дубровина окончила факультет журналистики и стала работать в ежемесячном журнале. Воспитывала ее мать, целеустремленная женщина с профессионально острым взглядом. Леночкин отец отчего-то сбежал от Ольги Сергеевны, не взяв с собой даже бритвы, и эта бритва долгие годы торчала на полочке в ванной, высовывая из-за тубиков прямоугольную змеиную головку – напоминала о бывшем владельце. В конце концов при переезде ее выбросили, а с нею исчезла и вся память о Дмитрие Дубровине.

Леночка росла с мамой, которую очень любила. Бабушки с дедушками жили далеко, Дмитрий с дочерью не общался, и ей не с кем было советоваться и дружить, кроме матери.

Ольга Сергеевна, педагог по призванию, своей работой в школе была довольна. Уже много лет она преподавала детям русский язык и литературу,

и хотя учителя помоложе между собой поговаривали о том, что Дубровина тщетно метит в завучи, со стороны казалось, что Ольга Сергеевна находится на своем месте: образцовая учительница, строгая, но справедливая. Она прикладывала немалые усилия к тому, чтобы знать как можно больше о личной жизни своих учеников, следила за тем, кто в кого влюблен, кто с кем дружит, кто пробивается в неформальные лидеры класса, а кто остается на вторых ролях... Все это Ольга Сергеевна использовала в работе, виртуозно управляя учениками, находя особое удовольствие в том, чтобы дирижировать «сложными» семиклассниками. «Дети у Дубровиной по струнке ходят», – говорили о ней, и это была правда.

Конечно, временами попадались трудные воспитанники, на которых Ольга Сергеевна могла очень мало влиять. В этом случае она находила утешение в дочери.

Ольга Сергеевна положила на Лену всю свою жизнь. Она занималась с ней музыкой и чистописанием, водила ее в кружки и по музеям, отдавала ей все свободное время, растя себе идеальную девочку. Идеальная девочка должна была быть любящей, послушной и внимательной к матери. Опасаясь подросткового бунта и зная по своим ученикам, как часто они отказывают родителям даже в толике благодарности, она заранее давила любой всплеск возмущения в дочери. Возможно, с другим ребенком это было бы непросто, но с Леной Ольге Сергеевне повезло: девочка была больше похожа на своего отца, чем на нее, – тихая, робкая, очень зависимая от чужого мнения. Светленькая, с редкими веснушками, часто болеющая – в детском садике ее дразнили немочью.

Даже потерпев очередное педагогическое поражение в частном, глобально Ольга Сергеевна могла торжествовать – ее дочь выросла такой, какой она хотела: послушной, ласковой, обожающей маму и слушавшейся ее беспрекословно.

Лена была наблюдательна, неглупа, много читала и временами погружалась в состояние, которому сама придумала название «провальи». «Проваливалась» она в себя, точнее, в странный мир только собственных, опережающих друг друга фантазий и видений. Особенным ее увлечением стали исторические романы: Лена проглатывала их один за другим, и в ранце у нее всегда лежала книжка, за которую она хваталась, как только выдавалась свободная минута. Другого похожего на нее ребенка в школе могли бы и затравить, но ей повезло с одноклассниками – на нее просто махнули рукой и оставили в покое.

Лену справедливо называли рассеянной, удивлялись, посмеивались, а

Ольга Сергеевна даже водила девочку к психологу, надеясь получить волшебные таблетки, которые сделают дочь «такой, как все». С психологом юной Лене удивительно повезло, потому что никаких таблеток ее маме не дали, а наоборот – посоветовали оставить ребенка в покое.

Оставленная в покое девочка выросла, продолжая «проваливаться» в свои фантазии, и где застигнет ее очередная яма – в трамвае или на совещании, – предсказать было невозможно. Она часто чувствовала себя несчастной без всякой причины, много раз представляла, как в один прекрасный день сядет и запишет все, что накопилось у нее в голове, и освободится от этого мусора, от всех людей, по-хозяйски осевших в ее памяти, будто они имели на это право, от десятков историй, невольно подслушанных в троллейбусах и очередях... В журнале она сначала работала внештатным корреспондентом, затем пробилась и в штат. Ей нравилась суматошная, непредсказуемая работа, позволяющая накапливать впечатления, которые Лена по-прежнему называла «мусором», хотя теперь относилась к ним иначе: бережно.

В институте Лена влюбилась – первый раз в жизни. Любовь ее была во многом надуманная, срисованная с книжных историй, но она оказалась взаимной, и в девятнадцать лет счастливая Лена сообщила матери, что хочет жить вместе со своим избранником – тому повезло иметь пусть маленькую, но зато собственную комнату в коммуналке. Ольга Сергеевна, поначалу неприятно пораженная этой новостью, быстро взяла себя в руки и пообещала дочери поддержку и материнское благословение.

Лена переехала к своему Вадиму, начала привыкать к реальной жизни отдельно от мамы и даже находить удовольствие в свободе, свалившейся на нее так поздно. С гражданским мужем они регулярно ссорились, но все размолвки заканчивались бурным примирением, и в конце концов Лена и Вадим решили расписаться, а там, глядишь, и завести детей.

Но тут случилось то, что нарушило планы обоих. У Ольги Сергеевны внезапно начались жестокие мигрени. Лена видела, что мать всеми силами старается скрыть от нее свои страдания, и безмерно сочувствовала ей. Она стала подолгу бывать в старой квартире, помогая матери по дому и просто проводя с ней время, – в присутствии дочери Ольга Сергеевна чувствовала себя лучше. Вадим, поначалу стоически выносивший отлучки жены, постепенно накапливал раздражение и вскоре уже не скрывал, что его не устраивает такое положение дел. «Ты живешь на два дома! – упрекал он Лену. – Если твоя мама больна, пускай ложится в больницу и лечится! Пойми, она эксплуатирует тебя!»

Ссоры с ним стали частыми – слишком частыми для пары, жившей

вместе всего год. Очередной отъезд Лены домой на майские праздники (они с Вадимом договорились провести их на даче у друзей, но Ольга Сергеевна в эти дни почувствовала себя как никогда плохо, и, конечно, о друзьях не могло быть и речи) закончился скандалом, после которого Лена увидела, с какой бездушной свиньей она все это время жила. Вадим показался ей собственником, не желающим ни с кем делиться любимой игрушкой. Она вернулась к матери, и жизнь их потекла так же спокойно и тихо, как прежде.

Лена работала в журнале, изредка встречалась с молодыми людьми, иногда даже знакомила их с мамой. Дальше этого дело не шло, и постепенно девушка уверилась, что причина в ней: это она – ущербный человек, не способный привязать к себе ни одного мужчину. Все чаще Лена выдумывала истории, которые помогали ей отвлечься от серой, душевной жизни, словно покрытой толстым ковром, который много лет никто не выбивал.

А потом она села и написала книгу.

Отчего у нее получился именно исторический любовный роман, Лена так и не смогла объяснить журналистам. Она не любила женские романы и не читала их, над «Унесенными ветром» лишь пожимала плечами, а при упоминании «Поющих в терновнике» морщилась – скучно, затянуто, да и неправдоподобно... Вот у нее все будет как в жизни.

И у нее действительно все оказалось как в жизни. Люди, списанные ею со знакомых, друзей и коллег, легко и непринужденно располагались там, куда переносил их автор, – в России середины восемнадцатого века. Примеряли костюмы, прилаживали парики, пудрились и отправлялись на свидания. Уезжали за границу, ссорились и влюблялись, успевая в перерывах отчаянно интриговать. Главная героиня, остроумная Елизавета Шемякина, ввязывалась в одну авантюру за другой, с блеском выходила из опасных положений, крутила романы, оставляя за собой разбитые сердца кронпринцев, принцев и прочей знати.

Быть бы написанному Еленой Дубровиной полной чушью, если бы не одно обстоятельство – Лена оказалась талантливой. Чистый, ясный, простой язык, лишенный журналистских штампов; крепко сколоченное действие без натяжек и несостыковок; разнообразные, колоритные, запоминающиеся персонажи и, наконец, историческая канва сюжета, густо приправленная убедительными деталями, – все это сразу захватывало читателя в плен, не давало оторваться от книги.

Но, кроме того, имелось еще кое-что: в романы Дубровиной была вложена душа. Читатель чувствовал, что автор любит своих героев,

переживает за них и, может быть, даже плачет, как и он сам, перечитывая отрывок о гибели Катюши, служанки и наперсницы Шемякиной. Будто забывая о том, что она пишет всего лишь увлекательное чтиво, писательница, безбожно тормозя сюжет, подробно описывала дом, в котором выросла героиня, и это неожиданно оказывалось интересным читателю. Она не забывала второстепенных персонажей – изменяла их жизнь, влюбляла, женила, мимоходом упоминала о родившихся у них детях, хотя это не имело прямого отношения к сюжету. Выдуманный ею мир становился все объемнее и реальнее.

Написав первую книгу, Лена почувствовала, что у нее выросли крылья. Она похорошела, расцвела и в один прекрасный вечер, познакомившись с фотографом, работавшим в журнале, влюбилась в него и заставила его влюбиться в себя. Фотограф, к которому женщины благоволили, разглядел в Лене что-то такое, от чего совершенно потерял голову. Он развлекал ее, как мальчишка развлекает подружку из соседнего двора: водил в цирк, покупал мороженое на набережной Москва-реки, катал на колесе обозрения... А потом увез в Португалию, где они провели прекрасную неделю, переезжая из города в город – веселые, счастливые, обожающие друг друга.

По возвращении упоенная любовью Лена начала строить планы совместной жизни, а Вася – за смешное имя и ленивые манеры она дразнила его Васькой-котом – подыскивал им квартиру поближе к его и ее работе.

Идиллия закончилась тогда, когда подруга Ольги Сергеевны случайно проговорила Лене о том, что у ее возлюбленного есть пассия, живущая в их доме и воспитывающая его ребенка. Вася пытался что-то сказать в свое оправдание, блеял, что ребенок не его и хотя с матерью девочки у него и в самом деле были близкие отношения, но он уже разорвал их... почти...

Лена снова возвратилась к маме из квартиры, которую фотограф успел снять для них обоих, и три месяца жила, словно обернутая ватой. Мать постоянно была рядом с ней: утешала, водила гулять, развлекала как могла, и от ее заботы у Лены сжималось сердце. А когда Ольга Сергеевна купила билеты в театр как раз на тот спектакль, куда Лена хотела пойти со своим Васей, и она увидела их стоимость, то не выдержала и разрыдалась – матери нужно было копить деньги несколько месяцев, чтобы позволить себе так побаловать дочь.

– Мамочка... ты у меня самая лучшая, самая любимая, – рыдала Лена, уткнувшись в колени Ольги Сергеевны. – Мамочка, прости меня, пожалуйста!

– Леночка, солнышко мое, за что же мне тебя прощать... – чуть не плакала Ольга Сергеевна, обычно стойкая, как оловянный солдатик, не позволяющая себе «сентиментальничать» ни при каких условиях. – Это я перед тобой виновата – должна была раньше тебя предостеречь! Видела же, что этот мужчина – совершенно не твой, что он тебя портит... Думала, ошибаюсь.

Она обнимала глупую свою девочку, и гладила ее по гладким русым волосам, и говорила-говорила-говорила: о том, что все горести останутся в прошлом, что скоро у них все наладится, а Лене она ни в чем не винит. Ошибку может совершить каждый.

Лена попыталась собрать себя из рассыпавшихся кусочков, но даже с помощью мамы у нее это не получалось. Чтобы вывести себя из состояния, когда постоянно хочется лечь и уснуть навсегда, она начала писать следующую книгу. От этого ей и впрямь стало лучше – гораздо лучше, чем от тех успокоительных таблеток, которыми кормила ее озабоченная Ольга Сергеевна.

Тем временем первый роман, выпущенный скромным тиражом в семь тысяч, долго лежал на полках, но в конце концов был раскуплен. Второй смели сразу же, как только книга «Амулет и корона» появилась в магазинах. Издатель решил рискнуть и поставить на темную лошадку Дубровину, поэтому тираж увеличили до двадцати тысяч. Никакой рекламной кампании не проводилось, но она оказалась и не нужна – сарафанное радио сработало лучше любой рекламы. После третьей книги критики заговорили о том, что Елена Дубровина вывела русский женский роман на новый уровень – в определенном смысле так оно и было, потому что до нее пятидесятитысячный тираж книги, написанной в жанре женского романа, никогда не распродавался за две с половиной недели.

Дубровину стали называть феноменом, искать на ее примере критерии успешности, спорить до посинения о том, кем же она является – талантливым эпигоном Анн и Сержа Голон или все-таки самобытным автором. Большинство критиков сходились на самобытном эпигоме.

Читателям же не было никакого дела до того, как классифицируют любимого писателя: они с нетерпением ожидали новой, четвертой книги. Но когда роман вышел, оказалось, что Дубровина преподнесла всем сюрприз.

Никакой эпохой восемнадцатого века в книге и не пахло – место действия перенеслось в современную Россию. Дубровина сохранила формальную связь с предыдущими романами, и главным действующим лицом стала праправнучка Елизаветы Шемякиной, но на этом сходство

заканчивалось. В книге рассказывалась нежная, проникновенная любовная история – без излишнего философствования, без следования модным приемам, лишенная динамичных погонь... Издатель хватался за голову и предрекал провал.

Сорокатысячный тираж был скуплен за два месяца и затем допечатан – до ста тысяч экземпляров, которые тут же разошлись. Ошеломляющий успех писателя, о котором еще год назад никто не знал, породил толпу последователей, пытавшихся писать «под Дубровину». Безуспешно. Слава звезды женского романа досталась только ей.

Из Лены попытались сделать «звезду» в самом пошлом смысле слова: пиар-служба издательства настаивала на ее интервью крупным журналам, предлагала писательнице участвовать в телевизионных проектах, убеждала ее согласиться вести колонку в еженедельной газете «для избранных». На нее сыпались выражения «медиаперсона», «подогреть интерес прессы», «засветиться на мероприятии»... Но во всей суматохе, поднявшейся вокруг нее, Лена оставалась едва ли не единственным человеком, не охваченным ажиотажем по закреплению на литературном небосводе своей «звезды».

Она отмахивалась от любых интервью, не пересказывала журналистам сплетни и не соглашалась комментировать последние решения президента. Попытки заставить ее танцевать джигу на брусках («Проект главного телеканала! Самые известные люди!») не вызывали у Лены ничего, кроме смеха. Оказалось, что ее мало занимало то, что происходит вокруг нее в связи с возросшей популярностью: она была так погружена в свою работу, что не интересовалась почти ничем, что не имело к этому отношения.

Возможность возрождать на бумаге события и людей, существовавших только в ее воображении, завораживала Лену, как ребенка, вертящего перед глазами калейдоскоп. Поворот – и красочные стекляшки сложились в чарующе красивую картину, поворот – рассыпались, снова сложились, уже по-другому. Она наблюдала за людьми, подглядывала, подслушивала, ощущая себя лазутчиком в чужой стране, который должен принести главнокомандующему как можно больше сведений о противнике – любых, чего бы они ни касались. Ее страной теперь стали книги, и это было счастьем. Она сбегала в мир, куда никому не было доступа, кроме нее самой, и чувствовала себя свободной от всех, в том числе и от матери.

У Ольги Сергеевны появился новый смысл в жизни – она вплотную занялась делами дочери. Здесь ее удушающая опека оказалась уместной: Лена ничего не понимала ни в контрактах, ни в расчетах с издательством, и вмешательство матери помогло ей избежать многих ошибок. Со свойственной ей властностью и незыблемой уверенностью в своей правоте

Дубровина-старшая диктовала дочери, что говорить на встречах с издателями, как вести себя с читателями, какие автографы ставить на книгах.

– Боже тебя упаси писать: «Желаю счастья и здоровья!» – учила она. – Писатель должен быть умным и авторитетным, он не может позволять себе банальностей!

Видя по лицу дочери, что ее поучения тщетны, Ольга Сергеевна составила список подходящих, по ее мнению, афоризмов, которые Лена должна была оставлять читателям, жаждущим автографов. Ее любимой цитатой стала: «В сущности, мир существует лишь для того, чтобы могла появиться еще одна прекрасная книга» из Стефана Малларме. К счастью для Лены, стеснявшейся подписывать свои книги столь нескромным высказыванием, встречи с читателями случались нечасто, и слова Малларме применялись намного реже, чем хотелось бы Ольге Сергеевне.

Закончив с технической стороной, Дубровина-старшая обратилась к творческой и сделала несколько замечаний, касающихся характеров персонажей последней книги и развития сюжета. Она показала Лене, что именно следует исправить, и даже предложила свою помощь.

Но здесь ее ожидал неприятный сюрприз. Лена категорически отказалась править что-либо в своих книгах и проявила такую неуступчивость, какой Ольга Сергеевна прежде и не подозревала в дочери.

– Но ты же правишь текст, когда согласовываешь его с редактором! – воззвала она к ее логике.

– С редактором – да. А с тобой – не буду, – отрезала Лена. – К тому же редакторская правка касается только стилистики, а ты хочешь, чтобы я переписала заново всю героиню. Я этого не сделаю.

Пораженная до глубины души фактом и формой отказа, Ольга Сергеевна пыталась надавить на дочь, взывала к ее совести и убеждала, что желает ей только добра... Лена замкнулась, помрачнела, но на мамины уговоры так и не поддавалась. Тогда Дубровина-старшая применила тяжелую артиллерию.

– Ты не доверяешь моему профессиональному чутью, – с горечью сказала она дочери. – Я преподаю русскую литературу тридцать лет, а ты не хочешь даже чуть-чуть прислушаться к моему мнению. Прости, Лена, я от тебя такого не ожидала. От любого другого человека – быть может, но понять, что собственная дочь тебя в грош не ставит...

– Мама... – растерянно возразила Лена, – что ты! При чем здесь недоверие...

Но Ольга Сергеевна уже не слушала. Смахнув выкатившуюся из глаза

слезу, она одним жестом отмела все возражения дочери и ушла в свою комнату. На робкие Ленины попытки примириться Ольга Сергеевна отвечала молчанием, и Лена поняла, что мать обиделась на нее всерьез.

Ссору Лена переносила тяжело. Наблюдая за дочерью со стороны, мать видела, что управлять ею не сложнее, чем подростком, а в чем-то даже и легче: Лена так сильно зависела от Ольги Сергеевны, от ее одобрения, от внимания, что чувствовать себя виноватой в ссоре было для нее нестерпимо. «Хорошая девочка, – с сочувствием думала Ольга Сергеевна, видя, что дочь страдает, раз за разом пытаюсь помириться и снова получая отказ. – Но лучше провести лечение сейчас, пусть даже такое жестокое, чем позволить, чтобы она закоснела в своем творческом самолюбии».

Молчание продолжалось почти неделю, а затем Ольге Сергеевне позвонили из издательства. Редактор осторожно рассказал, что Лена не сдала рукопись, которую должна была закончить пару дней назад, и на все вопросы отвечает, что не в силах сейчас завершить работу. Не знает ли уважаемая Ольга Сергеевна, что происходит с ее дочерью?

И тут она неожиданно поняла, в какой хрупкий мир вторгается. Первый раз в жизни Ольга Сергеевна не смогла настоять на своем в отношениях с Леной, и это было невыносимо. Промучившись сутки, Ольга Сергеевна спасовала и первая пошла на примирение. Больше разговоров об исправлении текстов в соответствии со своими вкусами она не заводила.

Лена благополучно закончила книгу, начала писать следующую...

А затем вдруг остановилась.

Контракт с издательством был разорван. Ошеломленному главному редактору Дубровина сообщила, что больше писать не будет. «Не можете?» – уточнил он. «Не буду», – был ответ.

Издательство обратилось за разъяснениями к Ольге Сергеевне, но та твердила одно: «Пусть моя дочь решает сама – лишь она знает, что для нее лучше». И после нескольких безрезультатных бесед от нее отступились.

Журналисты строили предположения о том, чем вызвано решение популярного автора. В интернете создалось сообщество поклонников творчества Елены Дубровиной, обещавших выдать денежный приз тому, кто назовет истинную причину молчания писательницы и предоставит доказательства своей правоты. «Исписалась», «осознала свою бездарность», «решила временно остановиться»... Дубровина не подтверждала и не опровергала ни одного из этих мнений. Однако любители ее творчества сомневались: по последним книгам нельзя было сделать вывод о том, что Дубровиной, как утверждали недоброжелатели, «больше нечего сказать своему читателю». Напротив – она писала лучше,

чем прежде, увлекательнее, но в то же время не становясь поверхностной.

Последний ее роман отчасти был детективным. И журналисты, и читатели ухватились за эту ниточку: возникло предположение, что следующая книга задумывалась как продолжение, и в ней Дубровина, часто бравшая сюжеты из жизни, собиралась разворошить чью-то тайну. Роман разобрали по строчкам, для каждого героя нашлось полтора десятка прототипов, от олигарха до художника, выдвигались самые фантастические гипотезы... Одна еженедельная газета вышла с заголовком: «Кто заставил навсегда замолчать писательницу?», в другой заявлялось: «Дубровина подошла к отгадке страшной тайны Мавзолея!»

Однако и расследования читателей, и всплески маразма желтой прессы оставались лишь догадками, которые никто не мог подтвердить.

Постепенно шумиха заглохла. Лена по-прежнему не давала интервью, и поддерживать интерес прессы к ней оказалось нечем. На сайте, посвященном творчеству Дубровиной, по инерции продолжались споры о причинах ее решения, но и они вскоре превратились в пустопорожнюю болтовню. Время от времени появлялись читатели, добавлявшие новые идеи в копилку версий: так, одна дама утверждала, что Дубровину «перекупили» – якобы конкурирующее издательство предложило писательнице круглую сумму за то, чтобы она прекратила творческую деятельность. Однако обосновать, зачем же издательству-конкуренту потребовалось таким странным способом «убирать» автора с литературного рынка, читательница не смогла, и обсуждение ее версии заглохло.

Тем временем Лена вернулась туда, где она работала после института, – в ежемесячный журнал «Времена». Главный редактор сделал вид, что облагодетельствовал временно сбившуюся с пути журналистку, Лена сделала вид, что раскаялась в своем уходе, и все пошло по-прежнему. Теперь Дубровина вела собственную рубрику. Она сама выносила и предложила редактору идею, и поначалу он сопротивлялся: Лена хотела в каждом новом номере описывать жизнь какого-нибудь человека с интересной профессией или просто с необычной судьбой, да еще и название своей рубрике придумала неудобоваримое – «Следы на песке». Помилуйте! Какие следы на песке в современной журналистике?

Однако Елена настаивала, нашла героев, сделала несколько «историй»... Они были опубликованы, и вдруг оказалось, что это хорошо, что это читают! С тех пор рубрику прочно закрепили за Леной, и «Следы на песке» стали своего рода визитной карточкой, по которой ее узнавали.

Лена примяла окурок в жестяной пепельнице, поправила волосы, глядя на свое расплывчатое отражение в окне. Худая испуганная женщина с усталым лицом: круги под глазами видно даже в щадящем свете, падающем сквозь мутное стекло. «Тридцать четыре года, а выгляжу на все сорок», – мысленно сказала себе Лена и добавила вполголоса:

– Хотя кому это важно...

– Что важно?

Звонкий голосок раздался над ухом так неожиданно, что Лена вздрогнула. Довольная эффектом красавица Катенька Солина, которую не портил даже длинный белый рубец на правой щеке, прибежавшая из бухгалтерии с утра пораньше выкурить сигаретку, расхохоталась:

– Дубровина, что с тобой? Спишь на ходу?

– Сплю, Катюш.

– А напрасно! Сивый-то уже приехал!

– Как приехал? – встrepенулась Лена. «Сивым» в журнале фамильярно звали главного редактора за преждевременную густую седину с зеленоватым отливом.

– Так! Я его видела десять минут назад.

– Тогда я побежала! Спасибо, Кать!

Лена торопливо поднялась по лестнице, обдумывая на ходу, как убедить Грищука, если он воспротивится ее выбору. Правда, такое случалось нечасто, но на этот раз Лене особенно хотелось настоять на своем – очень уж человек был для нее интересный. Так ничего и не придумав, она постучала в дверь кабинета без таблички и вошла с твердой уверенностью, что материал должен получиться таким, каким она его задумала, даже если Сивый упрется, как баран.

Однако изобретать ничего не пришлось. Грищук дал добро, и четверть часа спустя обрадованная Лена вышла из его кабинета, прикидывая, когда лучше позвонить новой героине, чтобы договориться о встрече. «Пожилая женщина... Рано утром беспокоить неудобно... Наверное, около одиннадцати позвоню».

Она еще раз проверила, правильно ли записала имя: «Марта Рудольфовна Конецкая».

– Марта Рудольфовна, – вслух повторила Лена, пряча записную книжку в карман потертой сумки.

Телефонный звонок застал Бабкина в машине возле дома Ники Церковиной, с которой, по утверждению Костика, дочь бизнесмена Тогоева была в приятельских отношениях.

– Серега, – сказал в трубку Макар с хорошо знакомым Бабкину азартом, означавшим, что он разрабатывает какую-то свежую идею, – я собираюсь подлечить спину и поэтому уезжаю завтра на пару недель. Дело о поиске Сахаровой остается на тебе. Справишься?

Быстро взвесив все «за» и «против», Бабкин пожал плечами, хотя видеть его Илюшин никак не мог.

– Постараюсь. Далеко едешь?

– В санаторий неподалеку от Тихогорска. Скорее всего, жить я буду не в нем, а в частном пансионате.

– Зачем?

– В санатории, говорят, не лучшие условия. К тому же мне хочется найти ответ на одну небольшую загадку^[2].

Пожелав Макару удачи, Бабкин выключил телефон и хмуро взглянул на экран.

– Значит, работаем самостоятельно, – объяснил он трубке и вышел из машины.

Работу нельзя было назвать сложной, но она, по определению Бабкина, относилась к разряду «муторных», то есть монотонных и однообразных. За два дня он убедился, что Юли Сахаровой-Тогоевой нет ни у одного из бывших друзей, хотя не исключал, что девушка хорошо спряталась. Сергей пока не опрашивал соседей, удовлетворившись разговорами с «околоподъездными» старушками, – опасался спугнуть девчонку, если слухи о расспросах дойдут до нее.

Отъезд Макара немного менял в его планах: как правило, «черная» часть работы в виде слежки и выяснения места нахождения «объекта» доставалась именно Бабкину. Однако, представив, что ему предстоит и дальше одному выяснять, где же в настоящее время пребывает Юлия Сахарова, Сергей помрачнел.

«Ладно.... Не будем тянуть кота за хвост».

Он подошел к дому как раз вовремя: из подъезда выходила пожилая женщина с двумя мелкими кудлатыми собачонками на путающихся поводках. Бабкин придержал для нее дверь, а затем беспрепятственно зашел в подъезд, где сильно пахло свежей краской.

Ника Церковина открыла на его звонок, не спрашивая, кто пришел. Она оказалась полнотелой блондинкой с сонными глазами и сильно выдающейся вперед нижней губой, такой пухлой и красной, словно ее искусали. В первую секунду Сергей удивился ее доверчивости, но затем понял, что у девушки имелась причина не соблюдать простых правил безопасности: из-за ее спины выглядывали два крупных лоснящихся

ротвейлера. Один, ощерив клыки, обнюхал ботинок Бабкина.

– Веста, назад! – приказала Ника. – Мужчина, вам кого?

– Здравствуйте, меня зовут Сергей. – Бабкин покосился на собаку, но не двинулся с места. – А вы – Ника?

Церковина кивнула, настороженно глядя на него.

– Я хотел бы поговорить с вами о Юле, вашей подруге.

– Сахаровой, что ли?

В голосе девушки прозвучала враждебность, и Сергей начал опасаться, что совершил ошибку, решившись на открытый разговор. Но следующая фраза Ники успокоила его:

– Она мне не подруга! Я вообще не хочу о ней разговаривать!

Бабкин был уверен, что любая женщина, сказавшая «я не хочу об этом разговаривать», в глубине души желает противоположного. Поэтому он постарался придать голосу мягкости и убедительности и проникновенно произнес:

– Ника, я вас очень прошу мне помочь. Вы – единственный человек, который может это сделать.

Видя, что она колеблется, он полез в карман, и один из псов тут же заворчал, задрав губу и обнажив желтоватые клыки. Девушка ухватила его за загривок, собрав шкуру в складки, и без церемоний оттащила от Сергея. Бабкин достал паспорт, открыл и показал Нике.

Действие это было бессмысленным, но, как и всегда, произвело нужное впечатление: Церковина пробежалась взглядом по страничке и отступила на шаг назад.

– Ну проходите... Сергей Бабкин.

Собаки отконвоировали сыщика в гостиную, как заправские охранники, и ему вспомнились ребята из службы безопасности Тогоева. «Учиться им у ротвейлеров и учиться». Когда один пес лег у его ног, а второй расположился возле хозяйки, Сергей преисполнился еще большим уважением к неизвестному ему дрессировщику.

– Я понимаю, что Юльку хочет разыскать папаша, – заявила Ника, присаживаясь на подлокотник кресла и жестом указывая Сергею на диван. – Ко мне уже заходили... от него. Я им ничего не сказала, – добавила она после паузы.

– Хотя Юля тогда была у вас... – закончил за нее Бабкин, найдя промежуточный вариант между вопросительной и утвердительной интонацией.

– Откуда вы знаете? – улыбнулась Ника. – Я вижу, вы очень догадливый.

«А я вижу, что ты очень рассержена на бывшую подружку», – подумал Сергей, ощущая себя не в своей тарелке под ее беззастенчивым пристальным взглядом.

Он не умел разговаривать с женщинами и знал это за собой. В отличие от Макара, способного обаять почти любую особь женского пола вне зависимости от ее возраста, Бабкин терялся, если женщины вели себя непредсказуемо, а они вели себя так практически всегда. Со временем он научился скрывать растерянность, маскировать ее невозмутимостью, но сам себя обманывать не мог: общение с мужчинами давалось ему куда легче.

Вот и теперь он со скрытым опасением наблюдал за тем, как Ника Церковина завивает на палец тонкую прядь осветленных волос, в упор глядя на него и еще сильнее выпячивая нижнюю губу.

– Без вас я бы не был таким догадливым, – неуклюже подыграл ей он. – Ника, а почему Юля ушла?

Сергей хотел спросить «куда», но в последний момент передумал, боясь, что после прямого вопроса девушка не станет откровенничать. И оказался прав. Вопрос «почему?» попал в точку: Ника поморщилась, будто почувствовала боль.

– Она меня просто использовала, а я этого не понимала! Поначалу все было так здорово...

Следующие пять минут Бабкин слушал, что же такое «здорово» в понимании Ники Церковиной. Выяснилось, что это значит шататься вместе по магазинам, знакомиться в клубах и гонять ночью по пустой Москве.

– У Юльки машины нет, – рассказывала Ника. – Так она меня просила: Никуша,пусти меня порулить! Я ей ни разу не отказала! Знаете, как она гоняла?! А потом стала у меня машину требовать каждый день. Я ей говорю: Юленька, мне машина самой нужна, у меня дела, учеба! А ей все равно. Она еще и обижалась на меня!

Слушая Церковину, Сергей почти воочию представлял, как стремительно портились отношения девушек, называвших себя подругами. Родители Ники жили на Севере, и квартира была предоставлена в ее полное распоряжение. Одну комнату она выделила Юльке – «самую шикарную», как выразилась Ника. В этой комнате Сахарова целыми днями валялась на диване с книжкой или смотрела телевизор.

– Даже не убиралась, представляешь? – жаловалась Ника, незаметно перейдя на «ты». – А когда мне надоело жить в свинарнике и я сама решила убраться, она мне такой скандал устроила! На всю квартиру кричала!

– Почему? – не понял Бабкин.

Церковина пожала плечами.

– Я ей чем-то помешала. А чем я могла ей помешать, если она ничего не делала?! Если честно, я ее даже испугалась. Она стала как сумасшедшая – лицо белое-белое, и смотрит на меня так, как будто хочет убить. Из-за ерунды, представляешь! Никогда ее такой не видела...

Деньги у Юли закончились довольно быстро, и она стала жить за счет подруги. Поначалу Ника осторожно намекала, что долго так продолжаться не может, затем прямым текстом предложила Сахаровой искать работу. Однако несколько собеседований, на которые ходила Юля, утвердили ее в мысли, что работу нужно искать по знакомству. А знакомства остались вместе с папой в его особняке.

– Я ей предлагала к отцу обратиться, а она в ответ – «сначала испробую все другие способы». Другие способы – это значит на моей шее сидеть, понимаешь?

– Как Юля могла обратиться к Тогоеву, если сама же ушла из его дома, поссорившись с ним? – вслух подумал Сергей.

– Ну... не так все просто... – протянула Ника. – Юлька намекала, что если бы она захотела, то любимый папочка с радостью принял бы ее обратно и выдал ей желаемое на блюдечке с голубой каемочкой. Но она, мол, такая гордая, что хочет сама всего добиться. Я ей как-то раз сказала, разозлившись: иди уже, наконец, к своему папаше, и всем станет легче. Не тут-то было! Хотя... знаешь, Юлька может быть очень целеустремленной. Даже не просто целеустремленной, а упертой, как гвоздь, который только в одну точку можно забить. Она сама себе и гвоздь, и молоток. Представь: вот валяется она на диване, грызет семечки, заедает их чипсами, и кажется, будто бы вся она такая ленивая и никчемная.... А на самом деле это совсем не так! Если она собственную лень переборет и соберется с силами, то может горы своротить и кого угодно заставить делать то, что ей хочется. Кроме отца, конечно, потому что он сам такой же. Она и меня заставляла, пока ей не надоело! А как только Юля перестала на меня обращать внимание, будто я стул в этой квартире, а не хозяйка, меня будто разгипнотизировали, честное слово!

Дальнейшая часть рассказа девушки звучала скомканно. Одно Бабкин понял: Ника фактически выгнала бывшую подругу из своей квартиры. Нелепое Юлино хвастовство о том, что она может заставить отца делать все, что угодно, сыграло Церковиной на руку – она использовала его как предлог, чтобы заставить дочь Тогоева собрать вещи.

– Ты не подумай, я ее не выставила на улицу среди ночи, – оправдываясь, говорила сейчас девушка. – Юлька сама решила, что уйдет.

Только не к отцу.

– Неужели к кому-то из своих парней? – нарочито удивился Бабкин.

– Да ты что, кому из них она нужна! Нет, она решила напроситься к своей престарелой родственнице. Тете Марте, что ли... Юлька придумала какой-то план с этой тетушкой, но мне не стала ничего рассказывать.

Взглянув на Нику Церковину, Сергей понял, что девушка не притворяется – она и в самом деле обижена на бывшую подругу за то, что та не стала делиться с ней своими планами.

– Марте Конецкой? – уточнил он, хотя и так все было понятно.

– Да, точно! Оказывается, ты и без меня все знаешь...

«Как все просто, – мысленно сказал себе Сергей, спускаясь по лестнице. – Одна девочка обидела другую. Вторая сразу перестала играть роль защитницы подруги, но идти с информацией к ее отцу было бы совсем некрасиво, да и похоже на предательство.... Зато она с удовольствием выложила все, что знает, стоило только задать ей пару правильных вопросов. Пожалуй, только у дуболомов господина Тогоева это могло не получиться».

Он вышел на улицу, прикидывая, как бы половчее объехать неизбежные вечерние пробки. Перед домом толпилась группа молодых ребят и девчонок, и фары проезжавших мимо машин выхватывали из сумерек длинные нескладные фигуры в нелепой, словно надутой, одежде.

«Завтра навещу Конецкую с ее племянницей, – подумал Бабкин, садясь в „БМВ“. – И можно будет рапортовать Тогоеву, что дело сделано».

От стоявшей возле подъезда компании донесся издевательский хохот, и Сергей едва не вздрогнул – на миг ему показалось, что смех этот был ответом на его мысли. Но затем пожал плечами, завел машину и поехал домой в полной уверенности, что практически закончил дело о сбежавшей от всех Юле Сахаровой.

Глава 5

Поначалу зима отползала с улиц неохотно. Дворники так ожесточенно скалывали лед с асфальта, что становилось ясно: они потерпят полное поражение. Так сражаться могут лишь обреченные. Казалось, что ночью сизая ледяная корка снова затянет асфальт, расползется по улицам и никуда больше не денется.

Лед долго держался – а вместе с ним и зима. А затем, откуда ни возьмись, появился суматошный беззаботный апрель, громко объявил о себе барабанным стуком капли, и город проснулся. Москва встряхнулась, разогнала тучи над головой, надушилась и теперь пахла свежей краской. Красили все: ограды, маленькие заборчики, обновляли стены, пообтрепавшиеся за зиму... Вокруг школ и садилов шумели субботники, и очень быстро стало сухо и тепло, как будто так всегда и было.

Если бы Юлька умела радоваться хорошей погоде, то она, конечно, радовалась бы, потому что с каждым днем во дворе дома Марты Рудольфовны, по утрам залитом весенним солнечным светом, что-нибудь менялось. Посвежели палисадники, заблестели свежеокрашенные двери, а лужа, целый месяц пополнявшаяся подтаявшим снегом, в конце концов высохла сама, не дожидаясь, пока ее по рукаву-ручейку уведет в сток пожилой дворник-таджик. Жизнерадостная юная травка полезла везде, где был хотя бы клочок сероватой земли, и вскоре двор зазеленел, развеселился и даже успел незаметно украсить себя парой-тройкой болезненно-желтых нарциссов и невинных кудрявых голубоглазых гиацинтов.

Но Юльке было не до преобразования природы вокруг, поскольку куда больше ее занимало то, что происходило с ней самой.

– Начнешь с осанки, – не терпящим возражений голосом приказала старуха две недели назад, и пришлось заняться осанкой.

Теперь каждое Юлькино утро начиналось с того, что она бежала в гостиную, становилась к стенке, выпрямляя спину и прижимаясь так, как велела Конецкая.

– Четыре точки... – бормотала девушка себе под нос, проверяя, правильно ли стоит. – Четыре точки...

Старуха входила в комнату без предупреждения, уже накрашенная, одетая так, словно ожидала по меньшей мере визита министра, и окидывала Юльку, стоящую навтытяжку у стены, цепким взглядом.

– Как стоишь?! – гремела она, и Юлька дергалась от ее окрика. –

Подбери зад! Почему у тебя зазор между попой и стеной? А?! Где четыре точки?! Пятки, попа, лопатки, затылок! Пятки-попа-лопатки-затылок!

Таращась в окно, за которым голубело утреннее небо, Юлька судорожно пыталась исполнить приказание. А Марта Рудольфовна вышагивала по комнате, словно полководец, наставляющий армию перед боем.

– Самое важное, что есть в женщине, – это осанка! – рубила она, дойдя до окна, разворачивалась, скользила взглядом по домработнице. – Дамские журнальчики, объясняющие, как надо правильно краситься, этому не учат – а напрасно. Запомни на всю жизнь: неважно, что на тебе надето, неважно, как ты причесана, – важно, как прямо ты держишь спину. В позвоночнике должна быть струна! Палка! Стержень! Современные молодые женщины все, как одна, безбожно сутулятся, а потом удивляются, почему у них грудь висит над пупком, и пытаются подобрать ее бюстгалтером. К черту бюстгалтеры! Держи спину правильно – и они тебе еще долго не понадобятся.

Юлька, выслушивавшая эту речь каждое утро, незаметно начинала расслабляться, но ее тут же встряхивал новый окрик:

– Затылок, черт возьми! Прижми свой пустой горшок к стене! И запоминай: женщина может быть толстухой, а может быть худышкой, как ты. Она может не соответствовать ни одному канону красоты. Но если она прямо держит спину, значит, она прошла половину пути к тому, чтобы стать привлекательной в глазах мужчин. А именно они определяют, что такое женская красота.

Через пятнадцать минут после начала упражнений Юлька сама себе напоминала кариатиду. Ей казалось, что макушкой она отныне должна подпирать потолок и будет стоять возле стены ближайшие сто лет. Хотелось ссутулиться, расслабить плечи, перестать контролировать «четыре точки»... Хотелось, чтобы Конецкая скомандовала наконец «свободна!», и тогда Юлька сползла бы вниз, растекаясь по полу бескостной медузой.

Но не тут-то было. Марта Рудольфовна и впрямь давала команду «свободна!», но стоило Юльке принять обычную позу, как ее тут же гнали в кладовую комнату.

– И не вздумай брать хороший тазик! – кричала вслед Конецкая. – Возьми красный, его давно пора выкинуть.

Из дальнего угла кладовой Юлька вытаскивала красный тазик, ставила себе на голову и, едва придерживая его пальцами, брела обратно в гостиную. В первый день, когда она начала тренироваться с тазиком, вышедшая из своей комнаты Лия оторопела, увидев ее, а потом залилась

хохотом.

– О, дочь раджи! – протянула она, когда красная, под цвет тазика, Юлька прошла мимо нее. – Откуда ты явилась к нам, прекрасная лотосоподобная дева?

Прекрасная лотосоподобная дева ничего не ответила и вернулась в гостиную, где с этого дня по утрам маленькими шажочками ходила по комнате десять минут, стараясь, чтобы тазик не перевернулся и не упал. Поначалу это казалось ей невыполнимым, но спустя две недели Юлька уже могла пройти с тазиком от кладовки до гостиной, не придерживая его руками. Заметив это, старуха хмыкнула, и Юлька обрадованно решила, что ее таким образом похвалили. Заблуждение развеялось, как только Марта Рудольфовна велела ей поставить тазик на пол, а затем собственноручно нагрузила его тремя томами Советской энциклопедии.

– Чуяло мое сердце, что когда-нибудь эта макулатура пригодится, – пробормотала ведьма. – Так оно и случилось. Что стоишь? Водружай таз со знаниями на голову – и вперед, к светлому будущему!

Светлое будущее отныне виделось Юльке еще дальше, чем прежде, когда она уныло осознавала собственную непривлекательность. Предстояло научиться вещам, о которых она не имела ни малейшего представления.

После работы над осанкой следовала пятнадцатиминутная гимнастика. «Чтобы мышцы были в тонусе?» – робко спросила Юлька, когда Конецкая первый раз приказала ей сделать упражнения. «Чтобы мозги были в тонусе, – отрезала старуха. – Для такой вялой клуши, как ты, необходимо хотя бы минимальное насилие над собою каждый день. Иначе ты расслабишься и утратишь даже ту хилую способность сопротивляться обстоятельствам, которую ошибочно считаешь силой воли».

После гимнастики Юлька принималась за уборку.

– Бодрее смотри, бодрее! – покрикивала Марта Рудольфовна, свысока глядя, как домработница снует с тряпкой по кухне. – Огонь во взгляде должен гореть. Господи, да не пучь ты глаза, как оглушенная треска... Нет, это бесполезно!

По десять раз на дню Юлька выслушивала, какая же она бестолковая, никчемная, ни черта не понимающая девица. По пять раз Конецкая сообщала, что сделать из нее человека невозможно и Юлька так и останется аморфной заготовкой. Перед сном она слышала от становившейся издевательски любезной Марты Рудольфовны, что ее судьба – вечно драить унитазы, а вершина карьеры – посудомойка.

– Хотя в моем доме я бы никогда не доверила тебе мыть посуду, – заканчивала Конецкая, принципиальная противница посудомоечных

машин.

Однажды Юлька не выдержала:

– Марта Рудольфовна, зачем вы меня к себе взяли?!

– Потому что на кошек у меня аллергия, а попугайчиков и прочую шелупонь я терпеть не могу, – не задумываясь, отреагировала старуха. – Ты, по крайней мере, не орешь в пять утра, не линяешь и не гадишь под дверью.

И усмехнулась, костлявая ведьма, отчего Юлька едва не взвыла.

Следом за осанкой и гимнастикой наступила очередь одежды.

– Деточка, запомни главное. Если ты станешь одеваться для мужчин, ты будешь вульгарной. Если ты станешь одеваться для женщин, ты будешь скучной.

– А если я стану одеваться для себя?

Старуха окинула девушку сочувственно-презрительным взглядом, в котором отразилось ее исчерпывающее мнение о Юльке.

– Никогда – слышишь, никогда! – не одевайся для себя. Это худшее, что с тобой может случиться. Ты превратишься в плоскую иллюстрацию из журналов, безвкусную и претенциозную. Дай женщине одеться для себя, и она немедленно нацепит на шею газовый шарфик. А шарфики следует запретить как класс! Палантины, шарфы, накидки, шали – все они имеют право на существование, поскольку функциональны, а в одежде, что бы ни внушали модельеры, у которых вместо гениталий – погремушки, функциональность имеет значение. Но только не эта импотентская претензия на равенство с мужчинами, маскирующаяся под кокетство! Хочешь пококетничать – надень туфли и юбку до щиколотки.

– Но это не модно! – осторожно возражала Юлька.

– Забудь про слово «модно». Одевайся так, чтобы понравиться мне, поняла? Пока. Потом научишься обходиться без меня. Так... вижу по твоему лицу, что необходимы ориентиры.

Юлька волокла из ближайшего киоска стопку журналов, выкладывая по одному перед Мартой Рудольфовной. Та брезгливо пролистывала их, безжалостно выдирая страницы с фотографиями: часть страниц складывалась в стопку, другая комкалась и запускалась в угол.

– Вот это... – старуха демонстрировала Юльке снимок узкобедрой модели восточного вида в широких штанах-шароварах, свисавших между ног мешочком почти до колен, – вот это не вздумай на себя нацепить! Если не хочешь выглядеть как жертва слабительного, не успевшая добраться до сортира. Забудь про зауженные джинсы, про мини-юбки, про

недоразумение, называемое легинсами! А особенно – про цветные чулки! Запомни, только у курицы могут быть красные ноги, у женщины они должны быть естественно-розовые. Зеленые и синие оставь трупам, тебе еще рано иметь ноги такого цвета. Нет, полосатые нельзя! Ты же не собираешься выглядеть так, будто у тебя вместо ног два кривых шлагбаума? Что? Бордовые? Если ты хочешь, чтобы твои ноги казались мослами исхудавшей коровы, то можешь приобрести бордовые.

Мятые страницы с мини-юбками и легинсами, шурша, летели на пол.

– Платья – вот твоя одежда! Юбки и большие объемные свитера. Никаких пиджаков – оставь их главным бухгалтерам и деятельницам профсоюзов. Никаких спортивных джинсов с кроссовками. Ты должна быть женственна, как кошка, рядом с которой нет ни одного кота.

– А если есть? – непонимающе спросила Юлька.

– Тогда она становится похотливой. Быть похотливой не требует особого ума, даже твоего хватило бы за глаза. Но ты же этого не хочешь, верно?

Юлька не хотела. Она хотела выглядеть женственно, как кошка, возлежащая на клумбе с настурциями. Солнечный луч щекотал бы ее за пушистым ухом. Но зеркало отражало цыплячью грудку, тощие выступающие ключицы, угловатые бедра...

– Задница! – гремела старуха, тыча в съезжившуюся фигурку длинным пальцем. – Вот что должно быть у настоящей женщины, если она хочет внимания мужчин!

– Я не хочу! – слабо сопротивлялась Юля, но поток – нет, смерч, ураган под именем Марта Рудольфовна подхватывал ее, как отломанную ветку, и нес, ломая и брезгливо выплевывая щепки.

– Хочешь! Не смей притворяться и играть в эти игры слабоумных дамочек «ах, какая я вся самостоятельная, мне мужчина не нужен». Мужик не нужен только лесбиянке, а лесбиянка – это ошибка природы, ходячее недоразумение с титьками. Впрочем, – подумав, добавила Марта, – как правило, все же без них. Так о чем я? Ах да, о заднице. Запомни: она должна быть!

– Откуда... – страдальчески начала Юлька.

– Оттуда! Вся немецкая промышленность работает на то, чтобы у женщины появилась корма! Идешь в магазин и покупаешь брюки – с кармашками! Юбки – чтоб колом стояли вокруг тебя! Платья – фасонистые, чтоб создавали иллюзию ягодиц!

Юльке представилась немецкая промышленность: тысячи работниц в серых халатах сидят перед тысячами станков на заводе, а над ними висит

плакат: «Мы работаем, чтобы у женщин появилась корма!»

– Теперь – грудь.

Марта Рудольфовна поджала губы и оглядела то место, где у Юльки предполагалась грудь.

– Я знаю, – несмело сказала Юля. – Нужно скрывать, маскировать.

– Ты – идиотка, – сообщила старуха. – Впрочем, и я идиотка тоже, потому что вожусь с тобой. Что мы делаем с недостатками? Правильно, превращаем их в достоинства. Читай классику, деточка, хотя бы «Завтрак у Тиффани». Грудь должна выглядеть натурально. Никаких увеличивающих бюстгалтеров! Никакого пошлого поролона! Только естественная... гм... красота. У тебя соски выпирают так, словно пытаются компенсировать отсутствие груди. Это нужно подчеркнуть и использовать.

– Но торчащие соски – это вульгарно! – пыталась сопротивляться шокированная Юлька.

– Ничего не может быть вульгарнее, чем плоская баба, пытающаяся скрыть это поролоном, – отрезала Марта. – Умей извлечь пользу из всего, что дала тебе природа. Из чего нельзя извлечь пользу, то измени.

– А что вы думаете об операции? – робко заикнулась Юлька.

Старуха презрительно покосилась на нее.

– Когда я говорила об изменении, то имела в виду исключительно твои мозги. А слово «операция» я чтоб больше не слышала! Похоже, тебе уже довелось пережить лоботомию в детстве – не усугубляй ее последствия, деточка, прошу тебя. Итак, запомни: зад подчеркиваем, грудь не скрываем, выбираем женственную одежду и все время следим за осанкой.

В выходной день Юлька отправилась в торговый центр, где потратила три часа, пытаясь подобрать что-то недорогое и в то же время подходящее ей по фасону.

В результате Конечкой были предъявлены шерстяная юбка в мелкую клетку, розовый трикотажный костюм и джинсовое платье. Марта Рудольфовна закатила глаза и велела выбросить все вещи, но после уговоров Валентины Захаровны смилостивилась и даже согласилась помочь домработнице в выборе одежды.

– Нужно что-нибудь теплое и немаркое, наверное, – Юлька попробовала прозондировать почву. – Универсальное.

– Стремление покупать практичные вещи я только приветствую. – При этих словах Конечкая покосилась на безмятежно читавшую Валентину Захаровну. – Но тебе следует знать: особь женского пола выглядит

женщиной только тогда, когда позволяет себе излишества. То, что не защитит ее от снега, града и холодного ветра.

И они отправились в магазин.

Насторожившаяся Юлька ожидала подвоха, но Конецкая в очередной раз поразила ее. Сразу отсеяв несколько крупных магазинов, где толпились покупательницы, ведьма зашла в небольшой отдел, за несколько минут выстроила продавщиц, велела исполнять все ее команды, и те принесли в примерочную ворох одежды.

– Примеряй! И выходи к большому зеркалу, чтобы я могла тебя оценить.

Сама Юлька никогда не выбрала бы ничего подобного. Тонкий шелк, рюши и бантики, кукольного вида юбочки и платица... Расцветки – в горошек, цветочек. «Я буду похожа на недоразвитый „синий чулок“, – думала она, влезая в полудетское сиреневое платьице с трогательными оборочками по подолу. – Господи, да кто такое сейчас носит?!»

Однако когда Юлька, ужасно стесняясь девушек-консультантов и пары покупательниц, вышла в ярко освещенный зал и остановилась перед зеркалом, собственное отражение ее приятно удивило. В платье, раздутом снизу, как баллон, она стала похожа на героиню какого-то старого сказочного фильма, и ей это понравилось. Юлька радостно обернулась к Конецкой.

– Нужны другая обувь и голова, – буркнула та. – Что ты стоишь, как пугало в огороде? Переходи к юбкам и блузкам.

Домой они вернулись с полным пакетом вещей и двумя парами обуви. Юльке не хватило бы денег купить все, что хотелось, но Конецкая расплатилась за нее, предупредив, что вычтет потраченную сумму из Юлькиного гонорара.

– Покажите, покажите! – захлопотала вокруг них Валентина Захаровна. – Юленька, нужно померить!

– Нужно носить, а не мерить! – поправила подругу Марта Рудольфовна. – Она же ни черта не умеет! Не знает, как повернуться, что делать с подолом, куда девать руки... Запомни, – обратилась она к Юльке, – к одежде нужно привыкать. Ты должна ходить так, будто ты голая – и тебе это нравится!

Поздно вечером, когда Валентина Захаровна и Лия легли, Конецкая позвала Юльку в гостиную. На диване возле нее лежал фотоальбом, на полу валялись выпавшие фотографии.

– Помоги, будь любезна.

Юлька собрала снимки, остановилась взглядом на одном из них.

Мужчина лет сорока с густыми вьющимися волосами до плеч, с крупными красивыми чертами лица смотрел с фотографии, чуть улыбаясь краешками губ. Взгляд у него был проникновенный и теплый.

– Хорош, да? – Старуха заметила, на кого Юля смотрит. – Большая умница и талантлив к тому же. Я его хорошо знаю... Роман из тех мужчин, которые с возрастом становятся только лучше, как хорошо выдержанный коньяк. В юности его жизнь бурлила и кипела – парень он был отчаянный, да и сейчас остался сумасбродом, хоть и научился это скрывать.

– А он кто? – несмело спросила Юлька, боясь, что разговорчивость старухи мигом пропадет от ее вопроса.

Но Конецкая отозвалась неожиданно охотно:

– Художник, и довольно успешный. Недавно состоялась очередная его выставка, кажется, незамысловато называлась «Женщина и цветы». Причем писать Рома начал довольно поздно, года в двадцать четыре, что ли, но ему повезло – его заметил один из моих приятелей, покровительствующий творческим личностям. И в кои-то веки в его коллекцию попал настоящий художник, а не один из этих... творцов!

Последнее слово она произнесла с нескрываемым презрением.

– А разве он не творец? – удивилась Юлька, не отрывая взгляда от породистого благородного лица. «Надо же, какой лев...»

– Мансуров в первую очередь профессионал. Это дорогого стоит, голубушка, поверь мне. А называющие себя творцами – не более чем генераторы скромных вторичных идей, не обладающие и каплей его работоспособности и мастерства.

Воспоминание ожило в голове Юльки. «Мансуров, Мансуров... Женщина и цветы...» Большая рекламная растяжка над дорогой, красные буквы, привлекающие внимание....

– Ой, Марта Рудольфовна! Это же он выставлялся в Доме художника!

– А я тебе о чем толкую? – осведомилась старуха. – Да, в Доме художника, и что же?

– А вы были на его выставке?

– Вот еще! – фыркнула Конецкая. – Делать мне больше нечего! Правда, ее хвалят, и она до сих пор не закончилась... Но идти одной мне не хочется, а Валентина не может самостоятельно пройти больше ста шагов.

– Может быть, вам взять с собой Лию? – предложила Юлька.

– Чтобы устроить выгул инвалидов?! Глупости. К тому же Валя ни черта не понимает в живописи, да и не интересуется ею.

Марта Рудольфовна перелистнула страницу, вытащила еще одну фотографию и небрежно подкинула Юльке. Карточка, спланировав, упала

на пол. На ней тоже был запечатлен Мансуров – в компании нескольких смеющихся бородачей.

– Рядом с ним художники? – спросила девушка, разглядывая снимок. – Какие у них одухотворенные лица...

– Слева – банкир, справа – издатель и купец. Последних нынче принято называть бизнесменами, но «купец» – оно точнее.

Юлька покраснела, сложила фотографии в стопочку и отдала Конецкой.

– Никогда прежде не понимала песню «Миллион алых роз», – задумчиво проговорила старуха, убирая снимки в альбом. – Продал дом, холсты, все, что имел, – и выкинул деньги на цветы. Пошлая романтика для дурочек... Но лет пять назад Мансуров, влюбившись в молодую женщину, чем-то похожую на тебя, накупил ее любимых тюльпанов и украсил мостовую перед балконом ее дома. И это было красиво, черт возьми! Конечно, размах не тот, что в песне Паулса, но все равно, все равно...

– А та, в которую он был влюблен... что она сделала? – почти шепотом спросила Юлька, представив утренний полусонный город, женщину, выходящую на балкон, и внизу – алое море вместо привычного асфальта. А среди цветов – прекрасный художник, благородный лев...

– О, устоять против Романа невозможно! – рассмеялась Конецкая. – Он готов все бросить к ногам возлюбленной. Джентльмен, рыцарь и гусар в одном флаконе. Конечно, он завоевал ее. А спустя некоторое время у женщины заболела мать, и она всю осень ночевала в ее квартире. Девятый этаж, вид на стройку и дорогу... И вот однажды утром женщина просыпается и не верит своим глазам, потому что окна превратились в витражи.

– Витражи?

– Да, витражи с цветами. Он за ночь разрисовал их какими-то специальными красками по стеклу. Нанял альпиниста, который помог ему спуститься с крыши до девятого этажа, и разрисовал. Я видела эти витражи... Когда всходило солнце, все комнаты заливало цветными лучами.

– А что же с ними стало потом, с этими рисунками? Они так и остались на стекле?

– Заболевшая мать женщины отнеслась к ним без энтузиазма, – слегка усмехнувшись, ответила Марта Рудольфовна. – И спустя несколько дней смысла витражи с окон. Или содрала, не помню точно...

Юлька вздохнула. Да, романтикам в этом мире постоянно приходится сталкиваться с непониманием.

Вечером она лежала в кровати, и перед глазами ее вставала то площадь, полная тюльпанов, то стекла, расписанные цветами. «Вот бы встать утром, а вместо прозрачного стекла – такая красота... И художник в плаще под окнами». Юльке представилось, что он поет серенаду, но картинка получилась слишком сахарная и банальная. Нет, пусть уж лучше без серенады – молча стоит и смотрит, ожидая, пока она распахнет окно. А затем подкидывает вверх самый прекрасный цветок – белоснежную розу! А Юлька ловит эту розу, опускает лицо в бутон и закрывает глаза, и художник любит ее и восклицает...

«У тебя бутон-то размером с суповую тарелку, что ли? – вдруг язвительно проговорил воображаемый художник голосом Марты Рудольфовны. – Иначе как ты собралась в него свою физиономию макать?»

Сон, в который незаметно погрузилась Юлька, грезя о художнике, мигом исчез. Она чуть не взвыла от досады – ведьма доставала ее даже в мечтах!

И вдруг ее словно царапнуло. Как там сказала Марта Рудольфовна? «Влюбившись в женщину, похожую на тебя»? «Похожую *на меня*?! На меня!»

«И что забавно... Не говоришь ни слова лжи, но создаешь такую иллюзию, как если бы врал в захлеб.

С цветами, помнится, вышло совсем неуклюже. Ведь что представляется, когда слышишь об улице, засыпанной тюльпанами? Клумба, естественно. Цветы, обращенные бутонами вверх. Но не мог же Рома воткнуть их в асфальт... Этого он не рассчитал, увлекшись, так сказать, общей идеей, и что вышло в итоге? Начать с того, что лишь в машине казалось, будто цветов много, а стоило ему рассыпать их под ее окнами, и сразу стало ясно, что сотня букетов – ерунда, всего ничего... Как он носился ранним утром, разравнивая их, пытаясь закрыть как можно большую площадь! Хе-хе... А дворник стоял в стороне и смотрел на него, как на идиота. Думаю, особенно его задел взгляд дворника – ну конечно, тот не оценил столь бесподобный широкий жест!

Но и разбросанные тюльпаны оказались не так хороши, как предполагалось. А почему? Потому что валяющийся на асфальте цветок – вовсе не то же самое, что стоящий в букете. Но где было Роме дойти до такого простого соображения, если он любовался собой в роли исполнителя фантазий, дарителя мечты! Правда, одаряемая сопротивлялась, когда он пытался разбудить ее рано утром звонком по телефону – нужно же было как-то выманить девочку на балкон, – и,

кажется, она сперва даже бросила трубку, не разобравшись. Но потом он дождался и ее изумления, и восторга. Хотя чем там было восторгаться? Зеленью? С таким же успехом можно было разбросать пучки укропа – красные цветы все равно потерялись под стеблями и листьями.

Я советовала Роме – купи нарциссы, получится интереснее, и тебе больше пойдет. Он сделал вид, что не понял намека, – а может быть, и в самом деле не понял. Нарцисс...

А взять те же витражи... Кто мог подумать, что в комнатах от них станет темно? Разумеется, не Мансуров, вдохновенно расписывавший окна всю ночь. И как же он возмущался, когда его попросили смыть роспись! Ведь не прошло и трех дней, а он рассчитывал, что они продержатся как минимум месяц. И с каким великолепным презрением он бросил тогда: „Займитесь этим сами, если у вас поднимется рука!“ Поднялась, куда же деться, и от этого он обиделся еще больше. Но рассказывать о таких мелочах вовсе не обязательно, не правда ли?

Ах, Рома, Рома... Если бы ты знал, какой милый сюрприз я тебе приготовила. Ты ведь не ждешь ничего плохого от старухи? Нет, не ждешь. Впрочем, и хорошего не ждешь тоже – не зря же ты опасаясь встречаться со мной. Ничего, еще немного времени – и, думаю, все получат причитающееся им, в том числе и ты».

Глава 6

Как ни старался Сергей приготовить завтрак бесшумно, Маша все равно проснулась и прошлепала босиком на кухню, щуря сонные глаза. Рыжие волосы растрепались вокруг лица, на щеке залегла складка от подушки, и вся она спросонья была нежной, теплой и светящейся, как одуванчик под солнцем.

– Зачем в такую рань... – начала Маша и зевнула на половине фразы.

Бабкин не удержался, сгреб ее в охапку, забыв про кофе, потащил обратно в спальню, хотя она отбивалась, и только звонкий Костин голос заставил его оторваться от жены.

– Мам, где мои штаны?

– Начинается... – проворчала Маша. – В шкафу, куда ты их сам вчера положил! – крикнула она прямо в ухо Сергею, и тот поморщился.

– Нету! – возразил Костя из соседней комнаты.

– Сейчас найду – пойдешь в школу без штанов, – пригрозила Маша, выбираясь из-под скомканных одеял.

Бабкин вздохнул и вернулся на кухню, где кофе успел залить плиту. Пять минут спустя пришлепал Костя, сообщил, что вспомнил: ему сегодня надо к третьему уроку. Потому он будет спать и просит ему не мешать. Состоялся обычный утренний ритуал: разворачиваясь, мальчик исподтишка нанес Бабкину «смертельный удар», но тот в последнюю долю секунды успел перехватить его руку.

– Уже лучше, – похвалил Сергей, потрепав мальчишку по голове. – Ладно, отсыпайся. Увидимся вечером.

– Чем сегодня занимаешься? – спросила Маша, входя в комнату.

– Дежурю у дома Конецкой, – усмехнулся Бабкин.

Жена знала обо всех делах, которые они с Макаром расследовали, – за исключением тех, где требовалось соблюдение секретности, но такие попадались редко. В этих случаях она не задавала ни одного вопроса, не проявляла любопытства и Костю научила вести себя сдержанно, за что Сергей был ей благодарен.

Но дело Юли Сахаровой не относилось к засекреченным, и Бабкин рассказывал Маше о том, как оно продвигается.

– Думаешь, девочка там?

– Не знаю. Из рассказа ее бывшей подружки получается, что девица отправилась к тетушке около двух месяцев назад. Возможно, она не

прижилась у нее и ушла в другое место. Тогда мне предстоит беседа со старушкой. А может быть, Сахарову даже не пустили в квартиру: судя по рассказу Тогоева, у его родственницы довольно тяжелый характер. Хотя как минимум один раз он ошибся, сказав, что его дочь совершенно точно не пойдет к Конецкой.

– Но она все же пошла... – задумчиво сказала Маша, грызя кусок тростникового сахара, который очень любила.

– По словам Церковиной, да. Так что сегодня придется околачиваться у дома, ждать, наблюдать за подъездом... Если получится, поговорю с кем-нибудь из местных.

– А как дела у Макара?

– Осваивается в Тихогорске, – усмехнулся Бабкин, вспомнив звонок друга. – Там, по его словам, происходит что-то странное, но Илюшин этому только рад. Он любитель находить ответы на сложные вопросы.

Выйдя из лифта и спустившись по ступенькам, Сергей споткнулся обо что-то твердое и приглушенно выругался себе под нос. Старушка, жившая на первом этаже, пару недель назад подобрала очередного безродного кота, но к себе не взяла, а устроила ему под лестницей «кошачье гнездо» в коробке из-под обуви. Дымчато-серый кот – тощий, жилистый и при этом с опухшей, словно от беспробудного пьянства, мордой – днем спал в своем «гнезде», а ночью пропадал во дворах. В игривом настроении он сдвигал свою коробку, вытряхивал тряпочку, которой старушка выстлала ему постель, а пару раз переворачивал блюдечко с едой, устраивая в подъезде форменный свинарник.

Именно на коробку и налетел Бабкин.

– Чтоб тебя... кошачье отродье!

Он отпихнул «гнездо» в сторону, заглянул под лестницу. Кот был там – сидел, прижавшись к полу, таращился на Сергея круглыми совиными глазами.

– Еще раз намусоришь – выкину в подвал, – пригрозил Бабкин, заразившийся от Маши привычкой разговаривать с животными, даже самыми глупыми.

Кот вызывающе прищурился, но ничего не ответил.

С трудом найдя место для парковки возле подъезда Конецкой, Бабкин подумал о том, не форсировать ли ему события, заявившись к престарелой родственнице Тогоева в виде представителя какой-нибудь общественной организации. Нужные документы были у него при себе, но, поразмыслив, он отверг этот вариант. Даже если его пустят в квартиру и он увидит

девушку, Сахарова может насторожиться и, чего доброго, сменить место проживания. Придется искать ее снова.

«Будем ждать», – сказал себе Сергей, следя за подъездом. Дверь то и дело распахивалась, выпуская жильцов, торопившихся на работу, но Юли Сахаровой среди них не было. Зато около десяти к дому подошла женщина, чье лицо показалось Бабкину смутно знакомым. Она остановилась напротив его машины, вытащила из сумки блокнот, поискала взглядом номер дома и еще раз сверилась со своими записями. Сергей с интересом наблюдал за ней, пытаясь вспомнить, где же он ее видел.

Побродив недолго перед палисадником и, очевидно, убивая время, женщина наконец зашла в подъезд, за которым он так внимательно наблюдал. А Бабкин остался, сокрушаясь по поводу испортившейся зрительной памяти.

Сахарова не появилась ни через два часа, ни через три. Сергей отличался завидным терпением и при необходимости мог просидеть в машине долгое время. Но его грыз червь сомнения. «Судя по рассказу Церковиной, ее бывшая подруга не из тех девушек, что стремятся работать и сами себя обеспечивать... Что, если она живет на иждивении старухи? Тогда девчонка может днями не выходить из квартиры». Прождав безрезультатно еще час, Бабкин решил, что пора придумать что-нибудь новое, и вышел из машины.

Апрельский ветер шевелил ветки куста, растущего возле подъезда. На втором этаже молодая женщина в шортах и короткой рубашке мыла приоткрытое окно, за ее спиной вопило радио – до Бабкина доносились голоса ведущих. Никаких бабушек, выгуливающих внуков или хотя бы собачек со скандальным характером, в окрестностях не наблюдалось – так же, как и сторожевых старушек возле подъезда. Сергей приуныл. Дом оказался неправильным – здесь не с кем было побеседовать о новых жильцах.

Рассердившись на самого себя за бездействие, Бабкин перебрал несколько способов, позволяющих быстро навести справки о Марте Конецкой и жильцах в ее квартире, но все они были плохи одним: люди, которых он собирался опрашивать, могли доложить Конецкой о том, что к ней проявляли интерес. «Проще прийти к ней самой и прямо спросить: не прячете ли вы, уважаемая тетюшка господина Тогоева, его родную дочь?» В этом варианте Сергея подкупало то, что ему не пришлось бы больше сидеть в машине, не сводя глаз с подъезда.

Стоило ему подумать об этом, как дверь за его спиной скрипнула. Невысокая девушка в черной куртке и джинсах торопливо прошла мимо

него, на ходу пряча в карман ключи. Он успел увидеть только ее профиль, но и этого ему хватило – Бабкин узнал дочь Тогоева и весь подобрался, стирая с лица выражение торжества. Все-таки он оказался прав!

Он заметил, что она выглядит старше, чем на том снимке, что показывал ему бизнесмен. Худая, с некрасивым лицом, показавшимся Сергею измученным, с настороженным выражением... Дождавшись, пока девушка отойдет подальше, Бабкин неторопливо направился за ней.

Юля Сахарова дошла до ближайшего магазина и скрылась внутри. Появилась она десятью минутами позже с пакетом, в котором угадывались коробка молока и хлеб.

– Бутылка кефира, полбатона! – напел негромко очень довольный Бабкин, следя за тем, как она возвращается. «Ай да старушка-тетушка, ай да молодец! Значит, все-таки приютила племянницу, как той и хотелось. И девочка не работает, если судить по тому, что в полдень буднего дня она идет в магазин... Интересно, на что же она живет?»

Любопытство Бабкина в данном случае диктовалось той частью работы, которую ему еще предстояло выполнить. С первой половиной задания он справился – нашел Сахарову. Однако Тогоев просил узнать, чем она занимается. Здесь Сергей не собирался изобретать велосипед и предполагал удовольствоваться слежкой, так быстро принесшей результаты.

Он добросовестно просидел в машине до вечера и убедился, что девушка больше не выходила из дома. Нельзя было исключать, что Сахарова занимается надомной работой, но проверить этого Бабкин никак не мог. Когда стемнело, он поехал домой.

Утром в дверь позвонили – два раза, но так осторожно, словно звонивший был не уверен, хочет ли он вообще попасть в эту квартиру. Юлька выскочила в прихожую, открыла дверь и впустила женщину лет тридцати пяти – худощавую, светловолосую, с большой замшевой сумкой в руках. Одета женщина была небрежно – джинсы, вытянутый бежевый свитер да куртка-ветровка, которую она неловко повесила за капюшон. Юлька углядела оторванную петельку для вешалки и скептически хмыкнула про себя. Журналистка, что с нее взять!

Только заметив изумление в глазах обернувшейся женщины, она осознала, что совершенно забыла про красный тазик на голове, который машинально придерживала рукой все это время.

– Я занимаюсь... – смутилась Юлька и поставила таз в угол.

– Осанку вырабатываете, да? – понимающе кивнула гостя. – Я тоже в

детстве тренировалась, только носила книги на голове, а не тазик. Меня мама заставляла.

«А меня ведьма заставляет», – хотела ответить Юлька, но промолчала.

Женщина прошла за ней в гостиную, где ее уже ждала Конецкая. Марта Рудольфовна расположилась в кресле, держа спину так, будто это она каждое утро ходила с тазиком на голове, а не Юлька; журналистка опустила на диван и ссутулилась.

Наблюдая за ней от дверей, Юлька подумала, что нашла верное слово для определения внешности утренней гостьи. «Выцветшая». Она и впрямь была какая-то выцветшая. «Как моль, – подумала Юлька, – или осенний цветок». Лицо без косметики смотрелось бледным и болезненным, особенно на фоне Марты Рудольфовны, которая, конечно же, с раннего утра была при полном параде. К встрече с журналисткой Конецкая надела кимоно: на синем шелке распускались желтые и белые хризантемы, и это было так красиво, что хотелось смотреть и смотреть, не отрывая глаз, ожидая, когда же начнут опадать вытянутые, заостренные лодочки лепестков.

– Марта Рудольфовна, вы не будете возражать, если я включу диктофон? – вежливо спросила бледная моль.

– Включайте, деточка, включайте, – милостиво разрешила Конецкая. – Делайте так, как вам удобно.

Юльку залила волна ненависти к обеим женщинам, сидевшим в гостиной. К старухе – поскольку та издевалась над ней, Юлькой, могла выгнать ее в любой момент, и тогда продуманный план полетел бы к черту. За то, что она играла ею, как куклой, и вся эта затея с преобразованием, как запоздало догадалась Юлька, тоже была не более чем игрой, развлечением скучающей старой дамы. «Я для нее игрушка. Не человек».

К журналистке же в эту минуту она испытывала ненависть, потому что той досталась любезная Марта, доброжелательная Марта, очаровательная Марта, которая подчиняла своему обаянию любого собеседника.

– Скажите, Марта Рудольфовна, когда вам первый раз захотелось уйти из вашей профессии? – спросила женщина, доверительно наклонившись к старухе. – Или мой вопрос не имеет под собой оснований?

– Отчего же, имеет... – согласилась Конецкая. – Приятно, что вы не начинаете с расспросов «как вы оказались в модельном бизнесе?».

– Не люблю штампов, – коротко ответила «моль».

– Именно поэтому я и согласилась на эту встречу, – кивнула Марта.

Юлька почувствовала себя лишней и бесшумно отступила за дверь. Как быстро эта журналистка нашла подход к старухе! Отчего же у нее

самой ничего не получается?

«И не получится! – шепнул противный внутренний голос. – Она считает тебя марионеткой».

– Ничего, мы еще посмотрим, кто кем поиграет, – вполголоса пообещала Юлька.

– Ты о чем?

Девушка вздрогнула и обернулась. В дверном проеме стояла Лия и смотрела на нее, улыбаясь. Длинная челка упала ей на глаза, и она сдула ее в сторону.

– Кто кем поиграет? – повторила она.

– Не обращай внимания, я сама с собой разговариваю, – с нарочитой небрежностью отмахнулась Юлька. – Ты сегодня весь день работаешь со своей? – Она показала в сторону комнаты Валентины Захаровны.

Лия кивнула.

– Что, достали тебя все? – сочувственно спросила она, понизив голос. – Ты меня извини за то, что я над тобой подшучиваю. Я не со зла, честно. Просто до того смешно смотреть, как ты с тазиком на голове по коридору маршируешь...

Она прыснула, не удержавшись, и Юлька тоже засмеялась.

– Да я не обижаюсь.

Некоторое время спустя войдя в гостиную, чтобы оставить фрукты для Конецкой и ее гости, Юлька не поверила своим глазам. «Бледная моль» исчезла. Вместо нее на диване хохотала, утирая выступившие от смеха слезы, привлекательная женщина с блестящими глазами. Она выглядела помолодевшей лет на восемь. «Ведьма, точно ведьма! – с суеверным ужасом подумала Юлька, косясь на Конецкую. – Это она заколдовала „моль“!» «Или расколдовала», – сказал внутренний голос.

Юля поставила вазу с желтыми грушами на столик, положила рядом ножик для фруктов – остро наточенный, как нравилось Конецкой, и задержалась, исподтишка поглядывая на журналистку. Отсмеявшись, та начала говорить, сильно жестикулируя, и Юлька разглядела, какие красивые и аристократичные у нее кисти: тонкие, длинные, пальцы с вытянутыми, как виноградины, розовыми ногтями.

Разговор шел о какой-то женщине, оказавшейся в одиночестве на необитаемом острове, – Юлька, бесцельно переключавшая груши из одной вазы в другую, не поняла, как такое могло произойти, но уловила, что женщина едва не сошла с ума, о чем при встрече и рассказала журналистке.

– Но, голубушка вы моя! – воскликнула Конецкая, дослушав тираду до конца и, очевидно, продолжая спор, начатый до прихода домработницы. – Поймите, нельзя подменять страх мечтой! Мечта о необитаемом острове по сути своей – лишь страх реальной жизни. Ваша глупенькая девочка бежала от одного страха и оказалась затянута в другой, вот и все. А уж было ли это последствием чьих-то происков или так неудачно сложились обстоятельства – неважно.

– Не думаете ли вы в таком случае, что страх лежит в основе любой мечты? – спросила преобразившаяся «моль», став вдруг очень серьезной. – К примеру, мечта писать книги... Что это, как не побег от пугающей реальности? А если так, то не лучше ли приноравливаться к этой, существующей, чем создавать иллюзорные комфортные мирки, которые рано или поздно закончатся?

– Глупости, моя милая, глупости. У вас во что ни ткни – так сразу побег! Думаете, хирург, делая операции, сбегает в кишки своих пациентов, чтобы не видеть жестокости окружающего мира?

Женщина улыбнулась:

– Осмелюсь утверждать, что творчество все-таки имеет другую природу.

– Не скажите, не скажите. Впрочем, это отдельная тема, а мы говорили о страхах и мечтах... Так вот, страх идет рука об руку с любым сильным чувством – это общее место. Достаточно сказать, что чем глубже любовь, тем большими переживаниями за жизнь любимых она сопровождается. Чем сильнее надежда, тем страшнее и глубже ямы безнадежности, в которые проваливается любой, ожидающий чуда. Но подменять само чувство страхом, свойственным человеческой натуре, или искать в нем причину всего, что чувствуешь, значит уподобляться безумному ученому, который исследует морскую воду, находит в ней соль и на этом основании заявляет, что вся морская вода произошла из соли. Птица, расправляющая крылья, летит не потому, что боится смерти, а потому что...

– ...ей нравится полет? – закончила журналистка, воспользовавшись паузой.

– Потому что иначе она не схватит червяка, я хотела сказать. К моему возрасту, Елена Дмитриевна, вы поймете, насколько вовремя пойманный червяк важнее приятности полета!

Обе рассмеялись, и разговор перешел на другую тему.

Журналистка просидела у Марты Рудольфовны до самого обеда. Когда она ушла, Юлька заглянула в гостиную и обнаружила старуху,

ухмылявшуюся с таким довольным видом, словно она только что испакостила жизнь закоренелому врагу.

– Садись! – Конецкая кивнула на кресло. – Продолжим делать из тебя красивую женщину.

Юлька послушно села напротив старухи, но та молчала, думала о своем.

– Зачем тебе быть красивой? – наконец спросила она, и Юлька даже растерялась от такого вопроса.

– То есть как... Ну, знаете, Марта Рудольфовна... Все женщины мечтают быть красивыми для принца, которого они когда-нибудь встретят, – попыталась неуклюже отшутиться она.

– Все женщины? – скептически повторила Конецкая. – Чушь собачья.

– А вы – разве вы не мечтали о принце?

– О принце? Ха-ха! Мечтать о принце могут только дурочки, у которых слишком много свободного времени и нет объекта для приложения усилий по выращиванию принца. А у меня не было времени! У меня были отношения, сплошные отношения – с одним, вторым, третьим! Я скакала из одного романа в другой с легкостью кузнечика! Мне было не до мечтаний, голубушка. А ты запомни: хотеть быть красивой – нормальное состояние нормальной женщины. Не для кого-то, не почему-то, а просто так, без всякой причины. Если женщина говорит, что не хочет быть красивой, – она врет. Если она действительно не хочет быть красивой, значит, в ней что-то испортилось.

Конецкая сделала движение рукой, и солнечный луч рассыпался бликами по столу, отразившись от роскошного кольца на ее пальце.

– Да, а сверху нужно будет подрезать, – сказала она непонятное.

– Что подрезать?

– Волосы. И, разумеется, покрасить.

Юлька была уверена, что короткая стрижка испортит ее окончательно, но она знала, что возражать ведьме нельзя – заколдует, превратит в лягушку, да не оставит сидеть в пруду на листе кувшинки, дожидаясь принца, а использует для французского блюда «лягушачьи лапки в кляре» и с аппетитом съест.

– В какой цвет? – вздохнув, спросила она. – В черный?

– Боже упаси! Тебе стоило бы знать, что черный цвет простит. Из тебя он сделает в лучшем случае продавщицу овощного ларька. Нет, только шоколадный!

Юлька не стала спрашивать, что получится из нее в худшем случае, и лишь поинтересовалась:

- А стрижку какую?
- Все сбрить. Начисто.

Конечно, сбривать ничего не пришлось. Марта пошутила. Но Юлька поймала себя на том, что какое-то время всерьез представляла, как она будет выглядеть лысой, и эта фантазия не вызвала у нее того ужаса, который настиг бы ее еще пару месяцев назад при мысли, что придется побриться.

Мастера Конецкая вызвала к себе домой. Приехала пигалица младше Юльки с короткими белыми волосами, стоящими ежиком, и веселым скуластым лицом, с шутками и прибаутками посадила ее перед зеркалом и состригла жалкие серые прядки, напевая что-то себе под нос.

Потом Юльку красили, сушили, что-то втирали в волосы и снова сушили... И когда в конце концов она взглянула на себя в зеркало, то ахнула и уставилась на девчонку, не понимая, как та сотворила такое чудо.

– Хоть сейчас на выставку, – сказала пигалица и упорхнула к Марте Рудольфовне, оставив Юльку разглядывать себя.

Конецкая зашла в комнату спустя несколько минут, остановилась у домработницы за спиной, поджала губы.

– Терпимо, – наконец вынесла она вердикт.

– А по-моему, здорово! – искренне сказала Юлька, вертя коротко остриженной головой. Едва ли не первый раз за много лет ей нравилось свое отражение. Она представила себя принцессой – современной, но сказочному романтической, – и ей захотелось немедленно надеть то платье, которое они купили с Конецкой.

– Здорово будет, когда в голове содержимого прибавится, – сухо сообщила та. – И хватит любоваться собой, приберись здесь, и побыстрее! Не хватало мне в доме твоих волос...

Напоминание о том, что никакая она не принцесса, а всего лишь прислуга, резануло Юльку. Но девушка овладела собой очень быстро, и даже намек на злость не было в ее голосе, когда она послушно сказала:

– Хорошо, Марта Рудольфовна, сейчас будет сделано.

...На следующий день полил дождь – холодный, весенний. Сергей рассматривал струйки, стекающие по лобовому стеклу, и раздумывал о том, как быстрее выполнить вторую часть задания.

Накануне он сообщил Тогоеву, что нашел его дочь, и испытал чувство глубокого удовлетворения, услышав, как растерялся Олег Борисович при известии о том, у кого обосновалась Юля.

– Не может быть... – пробормотал Тогоев в трубку. – Да они обе свихнулись!

Бабкин это предположение комментировать не стал, лишь спросил, остается ли его задание прежним. Да, сказал Тогоев, ему необходимо выяснить, чем занимается его дочь: работает ли она или живет на полном иждивении старухи.

Поэтому с утра Сергей Бабкин сидел в теплой машине и наблюдал за подъездом. Тогоев еще раз предупредил его о том, что девушка не должна ни о чем подозревать, а для Бабкина это означало, что расспросы пока исключены.

– Ножками-ножками, глазками-глазками, – пробормотал он под нос старую присказку оперативника, с которым когда-то работал в одном отделе, и потянулся за термосом с кофе.

Юля вышла около полудня, когда дождь уже закончился. Вслед за ней из подъезда выскочила какая-то девчонка, прошлепала по луже в смешных резиновых сапогах с нарисованными на них ярко-розовыми бегемотами. Пробегая мимо машины Сергея, она оступилась с бордюра, и брызги долетели до стекла. Бабкин на короткое время отвлекся, а когда обернулся, Сахаровой уже не было видно.

В первую секунду он испугался, что она незаметно села в одну из припаркованных возле дома машин, но уже в следующую заметил ее – Юля успела дойти до угла дома и там остановилась, словно бы в нерешительности.

Сергей не раздумывал больше: выбрался из машины и отправился за ней. Он видел, что девушка достала телефон, но звонить не стала – посмотрела на экран и убрала его в сумочку. «Проверяет, нет ли сообщений? Пропущенных вызовов?» – гадал Бабкин, понемногу приближаясь к ней. Но Юля, не оглядываясь, пошла вдоль дома, спустя пару шагов снова нервным движением вытащила телефон из сумки, и тогда он догадался. «Время! Она смотрит на часы...»

В голове его мелькнула мысль, что Сахарова пришла на свидание, но он тут же понял, что ошибается: выглядела девушка, по выражению тетушки Бабкина, затрапезно: куцая курточка с капюшоном от ветра и дождя, торчащий из-под куртки свитер, грубые ботинки на толстой подошве... «Хотя кто их знает, современных девушек, в чем они ходят на свидания», – подумал Сергей, ощутив себя старым, заплесневелым грибом.

Юля между тем свернула от дома на тропинку, и Бабкин начал догадываться, куда она идет: эта дорожка выводила к торговому центру, построенному возле метро, – серебристому, похожему на огромный

звездолет. Спустя пять минут они и в самом деле вышли к «звездолету», и Юля уверенно вошла внутрь.

Первый эскалатор, второй... Девушка поднялась на третий этаж, где вдоль стены выстроились полтора десятка кафе быстрого обслуживания. Просторный зал с высоким стеклянным куполом был почти пуст в это время дня.

«Не поесть же ты сюда пришла, голубушка? – мысленно обратился Бабкин к Сахаровой, остановившейся посреди зала и озирающейся вокруг. – Тебе кто-то нужен. И где этот „кто-то“?»

Словно отвечая на его вопрос, из дальнего угла поднялась сутулая фигура в мешковатом спортивном костюме, махнула рукой, явно адресуясь девушке. И та быстрыми шагами прошла за столик, а Бабкин, не раздумывая, так же быстро подошел к витрине.

– Чашку капучино, пожалуйста, – попросил он и, получив кофе, пошел вдоль стены, ощущая себя слишком громоздким – как всегда в подобных случаях. Подойти и усесться за соседний столик было невысказано, Сахарова запомнила бы его. Поэтому Бабкин решил ограничиться наблюдением издали, чтобы не привлекать к себе внимания.

Однако ему неожиданно помог случай. Не успел он сесть, как от эскалатора раздались громкие торжествующие крики, и стайка подростков лет тринадцати-четырнадцати рассыпалась по кафе, хохоча и перекрикиваясь. Девчонки с оголенными животами, мальчишки в таких широких джинсах, что, казалось, те вот-вот свалятся с них, – они тут же оккупировали столики, зашумели, требуя пирожных и кофе у растерявшейся официантки. Это был сбежавший с уроков класс, что немедленно стало ясно из выкриков ребят.

Юля и парень в спортивном костюме повернулись на ор, и Бабкин увидел, как скривилась девушка. Сам он, оказавшись неподалеку от детей, встал и двинулся в глубь зала, ближе к столику Сахаровой. Теперь этот маневр выглядел совершенно естественно: взрослому человеку не захотелось находиться рядом с орущими, невоспитанными школьниками. Но, почти добившись своего и уже собираясь поставить поднос с кофе на стол, Бабкин заметил то, что до этого ускользнуло от его внимания: столик Юли и ее приятеля находился возле декоративной колонны, за которой сбоку прятался еще один – маленький, рассчитанный на одного едока.

Решение он принял тут же. Девушка сидела, отвернувшись от него, ее спутник тоже, и Сергей не стал терять время: за несколько шагов преодолел расстояние до колонны, проскользнув за спиной дочери Тогоева, и опустил на легкий алюминиевый стул, бесшумно поставив перед собой

поднос. Теперь пара была справа от него; Бабкин не мог видеть их, но зато слышал отлично. В чем он убедился, стоило парню в спортивном костюме открыть рот.

– Так не пойдет, – протянул слегка гнусавый голос, растягивая гласные. – Мне рисковать не с руки, сама понимаешь.

– Какой у тебя риск? – спросила Юля, понизив голос. – Старуху в подъезде по голове стукнуть? Код от двери я тебе скажу. Подъезд огромный, полутемный, там где хочешь можно спрятаться. Да и не войдет никто! Опасаешься, что тебя заметят? Трусишка ты, Леш! Каким был, таким и остался. Я помню, ты даже списывать у меня боялся.

– Да не... Я ж тебе сказал: половина суммы сразу – и никаких разговоров. Получит твоя бабулька кирпичиком по темечку. Да не стремайся ты, что завертелась?

– А ты погромче не можешь орать? – зашипела девушка.

– Могу и погромче.

По голосу парня Бабкин понял, что тот ухмыляется.

– Я тебе объяснила двадцать раз: нет у меня половины денег, понимаешь? Я их получу только после ее смерти.

– А с чего ты взяла, наследница, что бабулька деньги тебе оставит? Если вы так друг друга любите, что ты хочешь ее раньше времени на тот свет отправить? Или она уже в маразм впала?

– Не твоего ума дела, – огрызнулась Сахарова.

– Да ладно тебе, Юль, не кипятись! Сама подумай: я свою работу сделаю, а потом окажется, что никаких денег и нету. И что тогда? Тебя, что ли, в подъезде подстергать?

Он рассмеялся, очень довольный своей шуткой.

«Да ты, друг, весельчак, – мысленно сказал за колонной Бабкин, начисто забыв про кофе при первой услышанной им фразе Сахаровой. – Где же тебя, такого веселого, нашла дочь Олега Борисовича? Не из Америки ведь привезла...»

– Она меня терпеть не может, хоть и делает вид, что помогает, – помолчав, отозвалась Юля уже спокойнее. – Благодетельница, мать ее! Но других родственников, кроме меня, у нее нет. Завещание я своими глазами видела, можешь мне поверить.

– И что – все тебе оставлено?

– Не все. Часть. С ней подруга живет, старая развалина, и Марта хочет ее обеспечить на случай, если раньше умрет.

– Предусмотрительно.

– Даже половина – это много, можешь мне поверить. Знаешь, сколько

раз старуха замуж выходила? У нее дома в сейфе такие драгоценности хранятся, какие ты только в Алмазном фонде видел. Думаешь, на что она квартиру содержит, шубы покупает, по театрам ходит? Коллекцию свою распродает понемногу. На одно кольцо с топазами, которое она каждое утро надевает, можно полгода безбедно жить где-нибудь в Швейцарии.

– Так, может, проще цацки взять, а? Ты мне дверь откроешь, а код от сейфа старуха от страха сама скажет. Чего ты кривишься-то? Такие дряхлые вешалки больше молодых за жизнь цепляются! А выход на нужных человечков, которые помогут камешки продать, у меня найдется...

– Леша, ты бы не умничал, а? Допустим, возьмем мы драгоценности – и что дальше? Твои «нужные человечки» сдадут тебя с потрохами, когда увидят, что именно ты им принес! А милиция, думаешь, ничего не заподозрит, когда выяснится, кто тебя в квартиру пустил? Нет, нужно действовать проще и вернее.

Звякнула ложечка, упавшая на пол, и следом за недовольным сопением Бабкин услышал:

– Ты, Леша, решай, помогаешь мне или нет. Твоя работа простая, и никто тебя не заподозрит, а я себе алиби обеспечу. Гонорар получишь через полгода. А если хочешь сразу заработать, то иди ларьки грабить – вот тебе и быстрые деньги.

Сейчас она говорила решительно и напористо. «Хорошее словечко „гонорар“, – подумал Бабкин. – На гонорар-то она его и купит». Сергею очень хотелось посмотреть на парня – не потому, что ему было интересно, что в эту минуту отражается на его лице, а потому, что Бабкин не сомневался в ответе. «Как бы мне тебя запомнить...»

– Уговорила, – раздался наконец мужской голос. – Когда поработать-то надо?

– Сначала я все подготовлю. Нужно точно знать, когда она уйдет из дома и когда вернется. Только не вздумай мне звонить, ясно? Я тебя сама найду. Счастливо!

Послышался резкий звук отодвигаемого стула, затем – удаляющиеся шаги. Сахарова ушла. Спустя всего минуту, вздохнув и негромко буркнув что-то себе под нос – что именно, Бабкин не расслышал, – поднялся и ее знакомый. Вскочив, Бабкин пустился быстрым шагом, обогнал его и обернулся, махнув несуществующему знакомому за столиком. Мельком он скользнул взглядом по бледному прыщавому лицу, «фотографируя» его, и отвернулся с равнодушным видом. Все, что ему требовалось, Сергей увидел.

Осталось понять, что же ему делать со свалившейся на него

информацией.

– Почему так долго? – недовольно спросила старуха, когда Юлька выложила на стол свежие булочки к обеду. – Уснула по дороге?

– Ждала, пока машину разгрузят, – объяснила девушка. – Зато теплые, Марта Рудольфовна!

– Уберись в гостиной и в кухне и приведи себя в порядок. Нынче вечером сопровождаешь меня в оперетту.

Юлька открыла было рот, чтобы задать вопрос, но спохватилась и промолчала. В оперетту так в оперетту. «Куда скажете, туда и пойду, Марта Рудольфовна».

Глава 7

Возвращаясь домой, Лена размышляла о своей героине. В старухе было что-то ужасно для нее притягательное. «Звериное жизнелюбие, наверное... и такая подчеркнутая забота о себе, нетипичная для советских женщин, – в ее-то возрасте! Она до сих пор садится так, чтобы свет на нее выгодно падал, и со вкусом подбирает украшения, хотя на другой женщине такое количество колец и браслетов смотрелось бы неуместно... И притом вовсе не пыталась произвести на меня впечатление».

Лена всегда проводила несколько встреч со своими персонажами. Биография сама по себе ничего не значит: Елена неоднократно убеждалась, что обладатель самого удивительного «послужного списка» может оказаться скучноватым, замкнутым человеком, интересным лишь в качестве передатчика информации о той реальности, с которой редко сталкивается большинство людей. Для нее было важным другое: как человек разговаривает, как шутит... Как он ест, в конце концов! Марта Конецкая ела быстро, хоть и аккуратно, – как человек, который очень голоден, но старается скрыть это от собеседника. Легко было представить ее управляющей с палочками в японском ресторане, но еще проще – объедающей куски сочащегося кровью мяса с шампура. В том, что Конецкая – типичный «мясоед», Лена была уверена.

«Нужно будет обязательно спросить ее об этом при следующей встрече», – сказала она себе и остановилась, будто споткнулась. Навстречу ей со скамейки, стоявшей во дворе возле детской площадки, поднялся Вася Ковригин.

Полный, широкоплечий, с вечными своими уродливыми четками, обмотанными вокруг запястья, он улыбался немного растерянно, будто не ожидал, что она появится возле собственного дома. Уголки глаз опущены, как у собак породы бассет-хаунд: когда-то Лена подшучивала над ним, оттягивая ему веки и теребя за ухом, пока он не начинал рычать. Свободная рубашка навыпуск и широкие штаны – Ольга Сергеевна говорила о нем «расхристанный», и это была правда: Вася обыкновенно выглядел так, словно выбежал из дома пять минут назад и застегивался на ходу.

При этом он был очень обаятелен, добродушен и открыт. Человек, замыкавшийся перед любой фотосъемкой, у Ковригина чувствовал себя естественно и свободно. Пару раз Васе удавалось пройти через оцепление, отсеивавшее любопытных, и сделать серию репортажных снимков с места

событий, куда других фотографов не пропустили.

– Привет, Лен, – сказал он, вперевалочку подходя ближе. – Как дела?

– Что ты здесь делаешь?

– Тебя жду. – Он пожал плечами и снова улыбнулся по-детски.

Не желая поддаваться ни на его обманчиво легкий тон, ни на улыбку, она качнула головой, словно говоря: «не пытайся, ничего у тебя не получится».

– Ленка, можем мы с тобой поговорить по-человечески, – спросил он. – Бог с ним, с «поговорить»... Но вот на один вопрос ответь мне честно, а?

– Задавай. – Все-таки ее голос прозвучал не так сухо, как ей хотелось бы. Она приготовилась к одному из тех ужасных вопросов «об отношениях», какие задают друг другу лишь люди, у которых больше не может быть никаких отношений, но он спросил совсем другое:

– Почему ты перестала писать, Лен?

К этому она оказалась не готова и сама почувствовала, что бледнеет. Ей всегда с трудом давалось вранье, а лгать Васе было и вовсе невозможно – он начинал смотреть укоризненно, как пес, которого ни за что ни про что обидел любимый хозяин, качал головой, словно ему становилось неловко за врушку, и разве что сам не краснел. Даже понимая, что все это не более чем игра, Лена не могла сказать ему неправду.

– Я знаю, что у тебя был готов сюжет новой книги. – Ковригин сделал к ней шаг, Лена отступила назад. – Я знаю, что ты очень хотела ее написать. – Еще шаг навстречу. – Так почему же ты этого не сделала? Тебе кто-то угрожал?

Она отрицательно покачала головой.

– Тогда в чем причина?

– Ты подстерег меня возле дома, чтобы поговорить именно об этом?!

Он кивнул, и прядь волос упала ему на глаза. По-мальчишески сдув ее, Ковригин проехался растопыренной пятерней по волосам, и этот знакомый жест больно отозвался в ней. Когда-то Вася казался ей неуклюжим... Потом об этом было смешно вспоминать: разве естественные люди могут быть неуклюжими?

– Да, я подстерег тебя возле дома, чтобы поговорить об этом, – с улыбкой добавил он, не удовлетворившись кивком. – Не в редакции же тебя подстерегать. Ты там такая... как лошадь перед скачками. Я каждый раз боюсь, что ты меня затопчешь.

– Какое тебе дело до того, что происходит в моей жизни?

– Сам удивляюсь. – Он пожал плечами, и на лице его появилась

растерянность, словно он и впрямь этого не понимал. – Но вот есть дело – и все тут.

– Васька, неужели ты хочешь получить премию, обещанную за раскрытие этой страшной тайны?

Сарказм помог ей собраться, но ненадолго. Ровно до той секунды, пока Вася не наклонился к ней, не заглянул в глаза.

– Я хочу помочь тебе. Я всего лишь хочу помочь, дружок.

Самое ужасное заключалось в том, что голос его был искренен. И глаза смотрели так честно, словно он никогда прежде ее не обманывал. Прочно забытое словечко «дружок», которым он всегда ее называл – ласково, как ребенка, – заставило ее на секунду окунуться в воспоминания о том времени, когда почти каждый ее день начинался с его телефонного звонка и этого слова.

«Рассказать ему все, и будь что будет. Васька умный и добрый, он поймет и поможет». В ней выросло и крепло убеждение, что единственный человек, которому она может сказать правду, сейчас стоит перед ней.

Почувствовав ее настроение – он всегда его чувствовал, – Вася взял ее под руку и повел к той самой скамеечке, на которой ее дожидался. Усадил, сам присел на корточки перед ней и потребовал:

– Рассказывай.

Она посмотрела на его участливое лицо и не выдержала.

– Понимаешь... Дело в том, что после пятой книги...

– Лена!

От громкого окрика и он, и она вздрогнули, обернулись. От подъезда к ним шла Ольга Сергеевна – лицо красное, возбужденное, в руке клетчатая продуктовая сумка, которую она хранила лет пятнадцать, если не больше – не любила шуршащие пакеты. При виде матери Лена почувствовала одновременно облегчение и боль. Так она и знала... Так она и знала, что у нее не получится никому ничего рассказать.

– А я тебя увидела, как только из подъезда вышла, – думаю, ты или не ты, – подойдя, заторопилась Ольга Сергеевна. – Здравствуйте, Вася. Леночка, ты мне не поможешь? Я в магазин, у меня сумка будет тяжелая – помоги донести, пожалуйста.

– Конечно, мам, – покорно согласилась Лена, вставая. – Извини, Вась. В другой раз.

– А можно я помогу донести сумку? – вмешался Ковригин. – А потом мы с тобой, Лен, договорим.

Ольга Сергеевна виновато улыбнулась:

– Простите, я хотела кое-что обсудить с Леной по дороге. Тет-а-тет. Но

если я помешала вашему разговору, то я, конечно, пойду...

– Что ты, мам! Я тебе помогу, пойдем вместе. Увидимся, Вась.

Дубровина неловким жестом протянула ему ладонь – она всегда прощалась, пожимая руку, даже с друзьями, и из-за этой привычки над ней посмеивались. Ковригин взял двумя руками ее пальцы, хотел что-то добавить, но промолчал.

Когда две женщины скрылись за углом, он сплюнул, раздраженно пнул камешек, попавшийся под ноги, и пошел прочь с площадки.

На обратном пути из магазина, волоча сумку, груженную мясом и картошкой, Лена бросила взгляд на скамейку. Разумеется, Вася уже ушел – не стал дожидаться ее возвращения.

– Поразительно, как запускают себя некоторые мужчины, – задумчиво сказала Ольга Сергеевна, поймав направление ее взгляда. – Женщины все-таки себе такого не позволяют, если только они не совсем опустившиеся особы. Расскажи мне про ту даму, о которой ты пишешь *историю*.

Лена, у которой после произошедшего испортилось настроение, встрепенулась и принялась пересказывать матери беседу с Мартой, увлекаясь собственным рассказом. И постепенно встреча с Ковригиным и неприятный осадок после нее отошли на задний план, а на переднем остались чувство предвкушения от нового текста и нежность к матери, которая так беспокоилась о том, чем занимается ее дочь.

Вернувшись в редакцию, Вася бесцельно побродил по кабинетам, был отловлен редактором и получил от него задание, которое требовалось выполнить сейчас же, а результат должен был быть готов вчера, и сделал вид, будто немедленно им и занялся. Сохраняя на лице отрешенное выражение человека, который вот-вот углубится в работу, Ковригин зашел в кабинет Ерофеева и уселся верхом на стул.

– Чего тебе? – прогудел тот, уставившись в какую-то статью.

– Саш, отвлекись, – попросил Ковригин и для убедительности просьбы от души ударил ногой по стулу Ерофеева.

Тот вздрогнул, поднял на него мутные глаза.

– Ну чего тебе, чего?!

– Саш, – проникновенно сказал Вася, – ты у нас специалист по творчеству Дубровиной, так?

– Допустим. И?..

– Тогда скажи: последняя ее книга чем-нибудь принципиально отличается от предыдущих?

– Последняя... последняя... – забормотал Ерофеев, польщенный тем, что его считают экспертом, – «Кошачий глаз», что ли? Конечно, отличается! А как же! До этого Ленка писала про восемнадцатый и девятнадцатый века, а тут начала про современность выдумывать. Так что время действия поменялось.

– Про время действия я и сам помню... – протянул Ковригин, зная, что Ерофеев ошибается.

– А раз знаешь, так нечего спрашивать! – разозлился Ерофеев. – Хватит отвлекать меня по ерунде! Иди и у самой Дубровиной спроси, если она с тобой разговаривать захочет. А то Леночка у нас дама высокомерная, свои нетленки с кем попало не обсуждает.

Юноша, взятый Ерофеевым, как он выражался, «в услужение», внимательно прислушивался к их разговору. Наконец он не выдержал.

– А вы тоже хотите выиграть? – обратился он к Ковригину, приободренный добродушным видом того.

– Что выиграть? – не понял Вася.

– Приз на сайте! Тому человеку, который разгадает тайну молчания Дубровиной, обещают тысячу!

– Тысячу чего? – уточнил Ковригин, видя, как у юнца загорелись глаза.

– Не рублей же, – пренебрежительно отозвался тот. – «Зеленых»!

Вася вздохнул, встал со стула.

– «Зеленых» нынче не говорят, молодой человек. Это не модно. И лучше их заработать честным трудом, поверьте мне, старику.

Он назидательно поднял палец, хлопнул Ерофеева по плечу так, что тот затрясся, будто желе, и вышел, вспоминая, где находится ближайший от редакции книжный магазин.

– Вот же маленькая дрянь!

Сергей ходил по комнате, едва не задевая многочисленные углы шкафов, стола, дивана и стульев, успевая уворачиваться от них в последний момент, а Маша, поджав коленки, сидела в кресле и смотрела на него. Десять минут назад по просьбе мужа она перевела с английского статью, найденную им в интернете, в которой подробно описывалось преступление Агнессы Сахаровой, бывшей жены Олега Борисовича Тогоева, и сведения угнетающе подействовали на них обоих. Сергей заявил, что теперь понимает, в кого пошла Юля Сахарова, но не знает, что ему с этим делать.

Он раздраженно отпихнул Костин портфель, попавший под ноги.

– Ты Макару позвонил? – нахмурившись, спросила Маша.

– Разумеется. Первым делом.

– И что он?

Бабкин махнул рукой.

– Он, похоже, влюбился в тихогорскую девицу, и ему ни до чего нет дела. Илюшин так и сказал: не наше это дело, и лезть в него не надо. Тогоев запретил вступать в какие бы то ни было контакты с Конецкой, поэтому заявиться пред светлые старушкины очи с рассказом о том, что замышляет ее юная родственница, я не могу.

– То есть надо, чтобы девочка убила свою двоюродную тетю? – уточнила Маша.

– Ты же знаешь Илюшина... Он тот еще циник.

– А ты?

Сергей остановился и укоризненно посмотрел на нее.

– Извини, – поспешно сказала Маша. – Но я действительно не понимаю... Самое естественное, по-моему, это рассказать обо всем Конецкой. Она – потенциальная жертва, ее нужно предупредить. Встретить ее, сообщить о том, что ты был свидетелем разговора ее племянницы с наемным убийцей... Старушка перепишет завещание, и убийство потеряет смысл.

Бабкин покачал головой.

– Где гарантия, что Конецкая мне поверит? К тому же, Маша, не забывай – у меня запрет заказчика на любое общение с нею.

– Да пропади он пропадом, ваш бизнесмен! – в сердцах воскликнула она.

– Нет, так не пойдет. Если бы я работал один, то уже встретился бы со старушкой. Но на карту поставлена и моя репутация, и репутация Илюшина. Извини, этим я не могу рисковать. Черт возьми, что за идиотская ситуация!

Бабкин опустился на диван рядом с женой, и та, утешая его, провела рукой по колючим коротким волосам.

– Ты можешь пойти к своим оперативникам? – осторожно предложила она. – Написать заявление...

– Могу, только пользы от этого будет ноль целых ноль десятых, – мрачно отозвался он. – Помнишь, герой «Красной жары» говорил... – Он передразнил с акцентом: – «Какие будут ваши доказательства?» Понимаешь?

Маша кивнула.

– Тьфу, надо же так попасть... А я, знаешь, обрадовался: девица найдена, расследование закончено!

– Но расследование и впрямь закончено.

– Верно. Только у меня, помимо необходимой информации, имеется избыточная, и непонятно, что с ней делать. Дай-ка я Илюшину позвоню еще раз и заставлю его очнуться от влюбленности и обсудить положение, в котором я оказался.

Громкий телефонный звонок заставил обоих вздрогнуть.

– Легок на помине, – проворчал Бабкин, взяв телефон и увидев определившийся номер Илюшина. – Да, Макар, привет! Как раз хотел тебе...

Он замолчал, и по лицу его Маша поняла, что происходит что-то странное.

– И надолго задержишься? – спросил Сергей голосом человека, который пытается пошутить, сам понимая, что шутка не удалась.

Выслушал ответ, выключил телефон и посмотрел на Машу.

– Что? – торопливо спросила она. – Сереж, что сказал Макар?

– Сказал, что остается в Тихогорске.

– Надолго?

– Лет на десять. Может быть, приедет на год раньше.

В комнате повисла пауза.

– То есть как?.. – наконец растерянно спросила Маша. – Он пошутил?

– По-моему, он был совершенно серьезен.

– Нет... подожди... Макар не может остаться в Тихогорске! Что он там будет делать?!

Бабкин лег на диван, уставился в потолок.

– Маш, давай сначала разберемся с тем, что я буду делать.

Он вспомнил, как легко Юля Сахарова уговорила парня, и подумал, что времени на принятие решения остается не так уж много.

– Почему-то мы с тобой не рассмотрели самый очевидный вариант, – сказал он Маше, в ошеломленном молчании переваривавшей новость об Илюшине, – поговорить с девчонкой. Формально Тогоев не запрещал с ней встречаться, к тому же я не собираюсь сообщать, что занимался слезкой. Вряд ли она настолько уверена в своем плане, чтобы не испугаться, узнав, что есть свидетели ее разговора с исполнителем.

– А если нет?

– А на этот случай мы подстрахуемся, – деловито сообщил Сергей, в голове которого логично выстроились все предстоящие действия. – Служить остаток дней телохранителем при Конецкой я не собираюсь, а значит, нужно сделать так, чтобы на Сахарову надавил кто-то еще, кроме меня.

– Ты имеешь в виду Тогоева?

- Больше никому ее приструнить.
- Подожди... Сережа, а ты сможешь найти того парня, с которым разговаривала Сахарова?
- Бабкин задумался. Поначалу ему казалось, что это почти невыполнимая задача. Но по здравом размышлении он признал, что ничего не выполнимого в этом нет. При одном условии...
- Они же учились вместе... – пробормотал он.
- Что? – не поняла Маша. – Ты о чем?
- В разговоре Сахарова сказала парню, что он даже списывать у нее боялся.
- Так они бывшие одноклассники!
- Да, скорее всего. А Тогоев предусмотрительно предоставил мне все данные о том, где училась его дочь и с кем общалась.
- А ты сможешь узнать парня по фотографии? – живо спросила Маша.
- Смогу. Вот только, боюсь, парень ни в чем не признается, а девчонка найдет другого исполнителя, вот и все.
- Тогда действительно остается только один вариант, – подумав, сказала Маша. – Поговорить с ней, а затем доложить Тогоеву, что его задание выполнено.
- И пусть дальше сам разбирается со своей дочерью, – подытожил Бабкин.

На этот раз ему пришлось дожидаться Юлю у подъезда гораздо дольше. Сахарова не показывалась до шести часов вечера, и Бабкин уже начал опасаться, что сегодня она совсем не выйдет из дома. Когда вслед за молодой женщиной, держащей за руку мальчишку в съехавшей на глаза кепке, вышла Юля, Сергей не сразу ее узнал.

Сегодня она выглядела иначе. Исчезли ботинки на платформе, спортивная куртка – их сменил тонкий черный плащ, рукава которого были ей чуть длинноваты, как всем невысоким девушкам. Изменилось и что-то еще, но Бабкину некогда было оценивать внешность Сахаровой – его куда больше занимали другие вопросы.

Он специально хлопнул дверью машины, чтобы привлечь ее внимание, и добился своего – девушка обернулась. На секунду задержала на нем оценивающий взгляд и уже собралась уходить, но Сергей окликнул ее:

- Подождите, пожалуйста.
- Она остановилась, заинтересованно глядя на него.
- Вы не уделите мне пару минут? – Бабкин применил метод Илюшина, вспоминая то, чему Макар учил его: стоять расслабленно, не приближаться

к «объекту» вплотную, держать руки вынутыми из карманов, не улыбаться, но сохранять приветливое выражение лица.

– А что вы хотите успеть за пару минут? – Она выжидательно наклонила голову набок. – Что-нибудь продать мне? Спасибо, но я без денег.

– Нет, не продать. Рассказать вам о том, что недавно я оказался в кафе на верхнем этаже торгового центра возле метро. И там услышал очень занимательный разговор. Одна девушка предлагала своему приятелю убить ее пожилую родственницу...

Лицо Юли Сахаровой не окаменело, но приобрело странное выражение – она дернула уголок рта, словно хотела улыбнуться, но передумала, а затем губы ее сжались в узкую полоску. В глазах что-то промелькнуло, и она словно повзрослела за несколько секунд.

– Девушка обещала, что деньги он получит после того, как она вступит в права наследования, – как ни в чем не бывало, размеренно продолжал Бабкин, не нарушая дистанции между ними. – Я достал телефон и записал этот любопытный разговор, потому что у меня такая модель... знаете, с диктофоном. Современные мобильники включают в себя много интересных функций.

– Сколько?

– Что – сколько? – не понял Сергей.

– Сколько вы хотите?

«Быстро же она пришла в себя, – удивленно подумал Бабкин, полагавший, что огорошит ее своими словами. – Молниеносная реакция для девчонки ее возраста...»

– Думаете, я собираюсь вас шантажировать? Нет, не собираюсь. Можете считать меня доброй феей вашей родственницы, которую вы задумали отправить в могилу. Если вы не хотите сесть в тюрьму за убийство, не советую вам претворять в жизнь ваш план.

Тирада была подготовлена заранее, и Бабкин произнес ее неторопливо и веско, как и собирался. Но реакция девушки снова оказалась не такой, как он предполагал.

Она улыбнулась милой улыбкой.

– Сесть в тюрьму за убийство... – повторила Юля Сахарова и негромко рассмеялась. – Значит, вы не шантажист! Вы прекрасная фея! Фея-спасительница!

Бабкин молчал, пытаясь подстроиться под нее, но не понимая, куда она клонит.

– Послушайте, фея... Займитесь своими фейскими делами, а? Вот

честное слово, не лезьте не в свое дело! А? Ну пожа-а-алуйста! Вы мне все испортите, а я не люблю, когда мне что-то портят!

Сергей, не собираясь поддерживать капризный тон, который она взяла, хотел возразить, и тут Юля внезапно шагнула к нему и провела маленькой прохладной ручкой под его подбородком возле горла – то ли погладила, то ли в шутку примерилась, как перерезать. От неожиданности Бабкин едва не отшатнулся, но сдержался и лишь перехватил руку девчонки. Маленькая, худощавая Юля Сахарова смотрела на него, надув губки, и во взгляде ее появились бесовские искорки.

– Отпустите, а не то закричу, – предупредила она, и Сергей разжал пальцы. – Так вот, фея... Вам уже один раз не повезло: вы оказались не в том месте, не в то время и услышали то, что вам не нужно было слышать. Другое сказочное создание на вашем месте успокоилось бы, но вы сегодня только повторили свою ошибку. Не повторяйте ее в третий раз – вот вам добрый совет, милая феечка!

Дочь Тогоева прижала к губам кончики пальцев, поцеловала их, а затем приложила к щеке Сергея – он ощутил холодное прикосновение. Отошла на несколько шагов, обернулась и добавила с притворным сочувствием:

– А то как бы крылышки тебе не обломали, дорогая фея! И волшебную палочку в горло не воткнули.

И ушла, негромко цокая каблучками по высохшему к началу мая асфальту.

Бабкин остался стоять на тротуаре с таким чувством, будто собирался поиграть с ужом, а в руках у него оказалась песчаная эфа. Как-то знакомый Сергея, привозивший в Москву экзотических животных, показал ему эту змейку: небольшую, желто-серую, совсем не казавшуюся опасной. Однако энергия, подвижность и быстрота рассерженной змеи ошеломляли – эфа металась по террариуму, потрескивая чешуей, и броски ее были молниеносными.

Сергей запоздало понял, что выбрал неправильную тактику. «Но кто мог ожидать от двадцатилетней девушки такого владения собой?! Она испугалась только в первые секунды после того, как я заговорил с ней, а затем тут же пришла в себя. Черт возьми, как бы пригодился здесь Илюшин...»

Бабкин сел в машину, чувствуя себя глупцом. Прокрутив всю сцену в голове заново, он осознал, что дочь Тогоева рассматривала его как угрозу лишь до тех пор, пока он не сознался, что не собирается ее шантажировать. А с этого момента он стал для нее помехой, не более.

Обдумывая ситуацию, Сергей поймал себя на том, что испытывает неприличное любопытство: неужели после состоявшегося между ними разговора Сахарова все равно пойдет на убийство Конецкой? Зная, что есть свидетель того, как она обсуждала с потенциальным исполнителем подробности оплаты преступления? Вспомнив ее лицо, надутые губы и капризный голосок, резко контрастировавший с первоначальной минутной напряженностью, он подумал, что, пожалуй, этой девушке свидетель вроде него не помеха. «Найдет другого исполнителя... подстрахуется... Придумает какую-нибудь историю о том, что в кафе она с приятелем всего лишь шутила. К тому же похоже, что она не поверила моим словам о записи разговора на диктофон и, значит, понимает не хуже меня, что никаких улик против нее нет».

Из подъезда, где жила Конецкая, пожилая консьержка выпустила серого кота, легонько подтолкнула его и закрыла дверь. Кот улегся в стороне, в середине солнечного пятна, и принялся гонять между лапами обрывок оранжевой бумажки, выхваченной ветром из мусорного бака.

Бабкин следил за быстрыми движениями животного, а из головы у него не выходил Олег Тогоев, чистивший мандарины. «Папаша – хищник, и дочка – змея», – подумал он. В ту же секунду по боковому стеклу автомашины выбили барабанную дробь, он вздрогнул и обернулся. Наклонившись, в окно смотрела Юлия Сахарова. Пару секунд она не отрывала от него глаз, затем вдруг подмигнула и отошла в сторону. В руках у нее болтался продуктовый пакет с логотипом ближайшего магазина.

«...знаешь, Юлька может быть очень целеустремленной, – вспомнились Бабкину слова Ники Церковиной. – Даже не просто целеустремленной, а упертой, как гвоздь, который только в одну точку можно забить. Но она сама себе и гвоздь, и молоток».

– Кажется, роли меняются, – хмуро сказал вслух Сергей, глядя ей вслед. – Если уже не поменялись.

Он долго колебался перед тем, как ехать к Тогоеву, но в итоге так и не позвонил Макару. Бабкин испытывал редкое для себя чувство острой обиды. Он считал само собой разумеющимся, что напарник никогда не отчитывается перед ним в своих действиях, но сообщить, что задерживаешься в крошечном провинциальном городке на неопределенный срок, и отключить телефон без всяких объяснений – это было для Сергея чересчур.

– Сами разберемся, – проворчал он, стараясь прогнать подальше мысли о том, как теперь он будет работать без Илюшина и что ему делать с

Юлей Сахаровой.

Ему хотелось надеяться, что фраза, сказанная его другом, была лишь шуткой и через пару недель отоспавшийся и довольный Макар вернется в Москву, но в глубине души Бабкин сомневался в этом. Илюшин был непредсказуем, и если он в одночасье решил изменить свою жизнь, ему ничто не помешает.

По телефону Сергей сказал Олегу Борисовичу, что у него есть новости. И первой фразой Тогоева, вставшего навстречу сыщику из-за письменного стола, была веселая:

– Ну что, узнали, чем занимается Юлька?

«Планирует убийство вашей тетушки», – подумал Бабкин, но вслух сказал другое:

– Как раз об этом я и хотел с вами поговорить, Олег Борисович.

Видимо, бизнесмен уловил что-то в его голосе, потому что веселость тут же слетела с него, и Тогоев указал жестом на стул. Сергей сел, уловив краем глаза движение возле книжных шкафов. «У него там охрана спрятана, что ли?» – подумал он, и услышал обращенный к нему вопрос:

– Так что все-таки случилось?

Олег Борисович покачивался в кресле, перекидывая из одной руки в другую пивную крышечку – точь-в-точь давешний серый кот у подъезда. Движение отвлекало Сергея, мешало ему сосредоточиться, и он с трудом отвел глаза от поблескивающего кружка. Усилием воли заставив себя сконцентрироваться на предстоящем разговоре, он коротко и сдержанно пересказал Тогоеву то, что услышал от его дочери в кафе торгового центра.

– Д-дура, – выдавил Тогоев, и Сергею показалось, что он заикается от ярости. «Еще бы – узнать, что родная дочь замышляет хладнокровное убийство», – подумал он с сочувствием к бизнесмену. – Ч-чертова идиотка!

Тогоев поискал под столом, извлек несколько мелких мандаринов, зажал их в руке. С проворством обезьяны принялся чистить один из них, но, не дочистив, остановился и крепко стиснул в кулаке переспелый плод. Шкурка треснула, и сок закапал на матовую черную поверхность стола. Глядя на это, Сергей подумал, что в лихорадочных движениях Тогоева есть что-то болезненное.

– Только о себе и думает! – в бешенстве бросил тот, забыв про мандарин. – А обо мне она подумала?! Если ее, стерву, поймают и прижмут к стенке, то и меня прихватят за одно место!

Он выругался так, что даже привычного к мату Бабкина передернуло. Но куда больше, чем мат, его покорило то, что сказал Тогоев.

– Вас не смущает, что ваша дочь хочет убить человека? – не сдержался

он.

И тут же пожалел о своем вопросе. Будущий депутат перевел на него помутневший взгляд и посмотрел так, словно только что вспомнил о существовании Сергея Бабкина.

– Человека?.. – повторил он со странной интонацией. – Человека-человека... Человечка!

Тогоев втянул воздух через сжатые зубы – получилось что-то вроде потрескивания. Желтая кожа, казалось, пожелтела еще больше, и Олег Борисович сам стал похож на какой-то экзотический фрукт с почерневшей на макушке кожурой, который кто-то тщетно пытался расколоть.

От его взгляда, нервной возбужденности и повторения одного и того же слова Бабкину стало не по себе. Капли сока продолжали падать с мандарина, они уже слились в желтую лужицу – Тогоев выжимал его все сильнее, – и резкий запах раздражал ноздри Бабкина. Правой ладонью бизнесмен постукивал по столу равномерно и быстро, словно вколачивая что-то в столешницу, и этот сумасшедший ритм все убыстрялся и убыстрялся. Наконец Тогоев ударил с силой и остановился.

На лбу его под четкой линией волос вылезли крупные капли пота, и Бабкину представилось, что кто-то все-таки ухитрился выжать из Олега Борисовича мандариновый сок. Его все больше настораживала атмосфера в этой большой комнате с книжными шкафами, за которыми кто-то стоял, и он обдумывал, как бы деликатнее закончить разговор и дать понять заказчику, что теперь тому следует самому разобраться с дочерью.

Но Тогоев его опередил.

– Я с ней сам разберусь, – глуховато сказал он, будто дословно прочитав мысли Бабкина. – А вы не лезьте в это дело. Или вы уже влезли?

Черные глаза уставились на Бабкина.

Прежде Сергей думал, что выражение «глаза, как пистолетные дула» – выдумка литераторов, на которых никогда не направляли оружия. Потому что дуло – это дырка, а глаза – это глаза: радужка, зрачок, ресницы... Но в черных глазах Олега Тогоева не было видно зрачка, и оттого казалось, что он смотрит на Бабкина двумя отверстиями в голове.

– Я поговорил с Юлей, – признал Сергей.

– И что она сказала? – без выражения спросил Тогоев, не выразив ни малейшего удивления.

– То же, что и вы. Попросила не лезть не в свое дело. По-моему, она не собирается отказываться от своего плана. Поэтому я и пришел к вам: должен же ее кто-то остановить!

– А если я не остановлю? – по-прежнему безучастно, лишь с нотой

легкой грусти поинтересовался Олег Борисович.

– Значит, нужно предупредить Конецкую, – упрямо сказал Сергей. – Вы же не собираетесь...

– Нет. – Тогоев перебил его на полуслове. – Не собираюсь. Все сделаю, идите.

Бабкин поднялся, чувствуя растерянность... Все-таки что-то было не так с этим «все сделаю, идите». И весь их разговор получился с налетом безумия, причем неприятнее всего Сергею было ощущать, что и он сам стал полноправным участником этого безумия, что оно осело на нем, как пыльца, и он унесет его с собой.

– Что с моим заданием? – спросил он, чтобы выяснить все до конца.

– Вы все сделали в лучшем виде, – охотно откликнулся Тогоев, выдержав лишь крошечную, едва заметную паузу перед ответом. – Вторую половину гонорара вам перечислят на днях.

Неожиданно он встал и даже улыбнулся Бабкину. Невменяемый человек, из кулака которого капал сок от зажатого в нем мандарина, в одну секунду сменился ответственного вида работником («партийцем», – подумал Сергей), энергично и радостно рапортуящим о последних достижениях в сфере сельского хозяйства.

– Благодарю вас, Сергей, за качественно выполненную работу! – Олег Борисович повысил голос и распрямил спину. – При первой же необходимости я вновь обращусь к вам!

«Служу Советскому Союзу!» – едва не ответил Бабкин, до того нелепо и неуместно прозвучали слова Тогоева. «Как с трибуны выступает... Будущий депутат, мать его!»

Однако Сергей промолчал, лишь неловко наклонил голову в знак признательности за столь высокую оценку его заслуг и вышел, едва не наткнувшись перед дверью на одного из «мальчиков» Тогоева. «Надеюсь, больше ни одной из этих рож я не увижу, – мрачно пожелал он про себя, спускаясь с лестницы под пристальным взглядом дворецкого, и снова вспомнил Тогоева с его насквозь фальшивой улыбкой, произносящего слова благодарности. – Вот же псих...»

Дождавшись, пока машина Сергея скроется в конце начинающей зеленеть аллеи, Тогоев, стоявший возле приоткрытого окна, укоризненно сказал:

– Ай-яй-яй!

За его спиной вырос человек, в котором Бабкин, оказавшись он в эту секунду в кабинете, узнал бы бритоголового, сопровождавшего их с

Макаром во время первого визита.

– Витя, я очень огорчен, – отчетливо произнес Тогоев, дергая левым веком.

– Действительно неприятно, Олег Борисович, – вежливо и тихо согласился Витя, зная по опыту, что с шефом, находящимся в таком состоянии, нужно только соглашаться.

– Юльку можно припугнуть, но ты ведь знаешь, она у меня девочка упрямая, безбашенная, – почти ласково сказал Тогоев. – Припугнуть припугнем, а оно раз – и не подействует! И поступит моя Юленька по-своему. Значит, нужно как-то иначе этот вопросик решить... Вопросик-вопросик! Решить...

Он обернулся к начальнику службы безопасности, но смотрел не на него, а на стул, где сидел Бабкин.

– Ты понимаешь, Вить? Наш доблестный детектив не успокоится.

Виктор согласно кивнул.

– Чего доброго, волну поднимет... – вслух размышлял Олег Борисович. – Сболтнет лишнего... А вдруг и в самом деле Юлька меня не послушает, а? Что тогда? Меня же и обвинят!

Лицо его приобрело удивленно-обиженное выражение, как у ребенка.

– Меня! Ну разве это справедливо, а, Вить? Вот скажи честно, как на духу!

– Несправедливо, Олег Борисович, – покачал головой бритоголовый.

– И я так считаю. Значит, надо восстановить справедливость. Ты этим и займешься.

– Когда?

Тогоев задумчиво покосился на него.

– А зачем ждать с таким важным делом? – спросил он. – Чем быстрее приступишь, тем лучше.

– Понял, Олег Борисович.

Тогоев отвернулся к окну, а когда спустя полминуты обернулся, вспомнив о чем-то, бритоголового уже не было за его спиной.

Глава 8

Юлька вернулась из оперетты радостная, почти счастливая, напевая себе под нос арию Марицы. В театр она надела одно из новых платьев и во всем следовала указаниям старухи: спину держала прямо, двигалась плавно, руками не размахивала. Проходя в антракте по фойе и заметив свое отражение в зеркале, она не сразу себя узнала: короткие гладкие волосы темно-каштанового цвета, бледная кожа, большие глаза, умело подчеркнутые тенями... Впрочем, красилась она, конечно же, не сама.

За час до выхода выяснилось, что наносить макияж Юлька не умеет – об этом ей сообщила старуха, увидев свою домработницу накрашенной. Юльку отправили смывать тени, а затем старуха лично нарисовала ей лицо, заодно обучая азам мастерства.

– Брови и скулы! – приговаривала Марта Рудольфовна, проводя короткой кисточкой по бровям девушки. – Это первое, на что ты должна обратить внимание. Заодно запомни: ты можешь пользоваться дешевой косметикой, но кисти! Кисти должны быть хорошего качества, на них нельзя экономить. Ни в коем случае не превращай лицо в маску: тональный крем тебе не требуется.

– Но у меня кожа бледная, некрасивая... – заныла Юлька, рассматривая свою зеленоватую физиономию. – Мне бы хоть чуть-чуть загореть! Или замаскировать бледность пудрой.

– Не зря загар всегда был уделом плебеев, – отрезала старуха. – Либо американцев, что одно и то же. Посмотри на француженок: ты видела среди них таких закопченных кур, как голливудские актрисы? В том-то и дело! И потом – напони мне, что мы делаем с недостатками?

– Превращаем в достоинства, – послушно ответила Юлька.

Марта Рудольфовна тронула ей губы блеском, помаду решительно убрала в сторону.

– Тебе противопоказано пользоваться помадой, она тебя старит. Посмотри внимательно и запомни: половина твоего макияжа – это маскировка внешних уголков глаз. У большинства женщин они опущены, но те не придают этому значения. А зря. Усталый вид плюс пять лет к уже имеющимся годам, общее впечатление неухоженности... Все, что требуется, – добавить чуть-чуть консилера – да-да, вот этого светлого тона – на уголки. На это даже ты способна.

Синие тени, фиолетовые тени, густо-голубые...

– Я стану похожа на продавщицу!
– Ты сейчас похожа на продавщицу. Правильный подбор оттенка – и голубой цвет сделает из тебя...

Конецкая вдруг осеклась.

– Кого сделает, Марта Рудольфовна? – удивленно спросила Юлька.

– Весьма мило, – невпопад ответила старуха, после чего приказала девушке замолчать и не мешать ей превращать жабу хотя бы в лягушку, поскольку до принцессы ей еще очень и очень далеко.

Но в зеркале фойе Юлька увидела вовсе не лягушку. Она держалась немного скованно, потому что к новому платью, как и к себе новой, требовалось привыкнуть. Первый раз в жизни Юлька ловила на себе заинтересованные мужские взгляды, и это оказалось так приятно и волнующе, что в глубине ее души шевельнулось что-то похожее на благодарность к Марте Рудольфовне.

Но благодарность растаяла, стоило им вернуться домой. Конецкая, словно беря реванш за их поездку, принялась с порога гонять Юльку так, что та едва не разревелась в ванной. Однако когда она, глотая слезы, умывала лицо холодной водой, в дверь заглянула Лия.

– Ты чего? – отчего-то шепотом спросила Юлька.

– А ты чего? – тоже шепотом ответила Лия. – Снова хнычешь? Брось, не принимай к сердцу!

– И вовсе не хнычу! – «И вообще – не твое дело», – хотела добавить она, но сдержалась: в конце концов, от Лии она не видела ничего плохого.

Сиделка покачала головой:

– Ты посмотри на себя – стоит такая красotka и сопли пускает. Старуха, наверное, завидует тебе, потому и срывается.

Юлька заморгала и сама почувствовала, что успокаивается. Если причиной злого настроения Конецкой было то, что она, Юлька, выглядит теперь в тысячу раз лучше ее, то она согласна терпеть любые издевательства.

– Вот, другое дело! Держи хвост пистолетом, кочерыжка! – Подбодрив ее, Лия кивнула и закрыла за собой дверь.

Спустя пять минут Юлька пришла в гостиную, сохраняя полную невозмутимость, и на лице ее не было и следа слез. Она рассчитывала увидеть там Марту Рудольфовну, но вместо нее в кресле обнаружилась Валентина Захаровна.

– Я вам мешаю убираться? Сейчас уйду, деточка, сейчас уйду. – Старуха засуетилась, попыталась встать, но на этот раз без Лии не преуспела.

– Что вы, сидите! Мне только стол протереть – Марта Рудольфовна говорит, что его пальцами захватили...

Присев на корточки, Юлька принялась оттирать невидимые пятна замшевой тряпочкой. Мурашова облегченно откинулась на спинку кресла, с улыбкой посматривая на нее.

– Чем-то вы, Юленька, похожи на мою дочь, – неожиданно сказала она и, помолчав, призналась с обезоруживающей простотой и искренностью: – Мне приятно на вас смотреть.

– Спасибо, – неловко пробормотала Юлька, вспоминая, что Валентина Захаровна, кажется, в ссоре с дочерью.

– Мы с ней не ссорились, – в унисон ее мыслям добавила Мурашова. – Но у нее своя судьба. Она невероятно занята. У нее такая насыщенная жизнь... У меня в ее возрасте не было и трети того, что есть у моей девочки.

Мурашова вздохнула. Юлька хотела спросить о том, почему ее дочь никогда не заходит к ним, и подыскивала слова, чтобы вопрос вышел деликатным, но тут в комнату, неслышно ступая, вошла Лия.

– Валентина Захаровна, уже поздно, – тихо сказала она. – Пойдемте спать.

Придерживая старушку под руку, Лия помогла ей подняться из продавленного кресла. Сильно хромая, Мурашова дошла до двери и обернулась к Юле. На губах ее играла улыбка, одутловатое лицо казалось помолодевшим.

– Спокойной ночи, Юленька. Я рада, деточка, что вы у нас есть.

Когда закрылась дверь в гостиную, Юлька опустила салфетку, ощутив подобие стыда. «Я рада, что вы у нас есть».

– Ты здесь заснула, голубушка?

Юлька обернулась, вскочила. В дверях стояла Конецкая в роскошном махровом халате – бежевом, длинном, пушистом, с волочащимся по полу подолом.

– Нет, я... я разговаривала с Валентиной Захаровной.

– И что наша Валя? – Марта Рудольфовна зевнула, уселась в то самое кресло, где сидела ее подруга.

– Говорит, я похожа на ее дочь.

Сонливость тут же исчезла из темных глаз Конецкой.

– Очень отдаленно, – медленно произнесла старуха. – И, к счастью для тебя, лишь внешне.

– Почему к счастью? – не смогла скрыть интереса Юлька. – И еще, Марта Рудольфовна: почему дочь Валентины Захаровны к ней не

приходит? Она живет в другой стране?

– Она живет в этой стране, – суховати ответила Конецкая. – Более того, в этом самом городе и не так уж далеко отсюда.

– Значит, они поссорились?

– Не совсем. Не уверена, что ты поймешь то, что я скажу... – Она в задумчивости соединила пальцы, на этот раз без единого кольца. – Бывают люди с довольно ограниченной душой. Не плохие и не злые, нет, но вмещающие в себе глубокие чувства лишь к одному человеку – как правило, к самому себе. – Марта Рудольфовна усмехнулась. – На двоих или тем более троих их уже не хватает. Такие люди многим кажутся равнодушными, и отчасти так оно и есть...

– Вы хотите сказать, дочь Валентины Захаровны именно такая?

– Да, она из этих, с ограниченной душой. Представь, что каждый человек несет с собой мешок, в котором помещаются любовь, ненависть, обиды, обязательства... В твоём мешке было бы много несбывшихся надежд и огромная охапка мечтаний – довольно ничтожных, к слову сказать. А у дочери Мурашовой – всепоглощающая любовь к одному человеку, вытеснившая из мешка то, чего там и так было не слишком много: доброту, благодарность, порядочность, в конце концов... Весь свой мир она свела к одному мужчине, вокруг которого и существует, забыв обо всем остальном. Собственно говоря, это история обычной человеческой неблагодарности.

– Неужели дочь совсем не видится с Валентиной Захаровной?

– Отчего же, видится. Изредка. Но с тех пор как девочка вышла замуж, она довольно спокойно вычеркнула мать из своей жизни как человека, полностью исполнившего свою биологическую функцию. Пойми, она в ней попросту не нуждается.

– Так не бывает, – содрогнулась Юлька.

– Разве? Бывает. Взять хоть тебя... Почему ты никогда не звонишь своей матери?

– Она... она умерла.

– Ясно. Но хоть отец-то твой жив?

Юлька молчала.

– Значит, жив. И у тебя нет потребности в общении с ним. Вот и у дочери Валентины нет такой потребности. Нужда в матери могла бы появиться, случись в ее жизни что-нибудь такое, в чем муж не смог бы стать ей опорой. Тогда эта прелестная эгоистка с незамутненным сознанием немедленно бросилась бы к маме за утешением, потому что одна она существовать не может, как плющ, которому непременно нужно вокруг

чего-нибудь обвиться. И обвилась бы вокруг Валентины, искренне полагая, что всегда любила и продолжает любить свою мамочку.

Сарказм и ледяное презрение, которые Юлька услышала в голосе Конецкой, заставили ее опасно покоситься на старуху. «Чего доброго, сейчас и до моих прегрешений очередь дойдет». Но Марта Рудольфовна замолчала, задумавшись о чем-то своем.

– Это ведь предательство, самое настоящее, – сказала Юлька о дочери Мурашовой и, не удержавшись, добавила: – Меня тоже так предали однажды. У меня был друг... мой парень... он меня взял и просто так бросил, представляете?! Без всякой причины! Все было хорошо, а потом он сказал, что больше не будет со мной встречаться.

– В твоем случае это было вовсе не предательство, – мимоходом обронила старуха, продолжая думать о чем-то своем, и Юлька во все глаза уставилась на нее.

– То есть как это?! – От возмущения она даже забыла добавить «Марта Рудольфовна». – То есть как это не предательство?! Он меня бросил, вы понимаете?! Ни с того ни с сего!

Конецкая вздохнула, покачала головой.

– Попробую тебе объяснить... Есть люди, которые меняются под влиянием обстоятельств. Ты видишь: вот человек потерял работу, нашел себе пару, долго лечил заболевшего родственника, тяжело ссорился и мирился с другом – и менялся, менялся, менялся! Взрослел, учился ни у кого не просить жалости, одновременно сам учился жалеть, увидел, какие разрушительные последствия может повлечь за собой доброта, стал жестче. Представила? И все происходящее отражается на нем, меняет его изнутри, и постепенно он становится другим человеком.

Юлька кивнула – пока ничего сложного Марта Рудольфовна не сказала.

– А есть такие, которые эту огромную работу проделывают внутри себя, незаметно. У них нет видимых посторонним людям спусковых крючков – точнее, есть, но они прячутся, как лист в кроне дерева. Эти люди смотрят глупый фильм – и выходят из кинозала изменившимися. Они рассматривают двух подростков, целующихся на эскалаторе, – и понимают что-то такое о любви, чего не понимали раньше. И в одно прекрасное утро ты смотришь на человека – а он уже другой. «Да он предатель!» – возмущенно выкрикиваешь ты очередную глупость, а все потому, что преобразование совершилось не на твоих глазах. Ты пропустила самое главное.

Юлька молчала, осмысливая сказанное. Хотела что-то спросить и уже

открыла рот, но тут в гостиную снова заглянула Лия.

– Можно я книжку возьму? – попросила она.

– Вале почитать? – живо спросила Конецкая. – Она не спит?

– Нет, уснула. Я себе хочу взять.

– А.... Тогда бери и иди отсюда, – равнодушно приказала Марта Рудольфовна.

Высокомерное обращение с сиделкой резануло Юльку. На какое-то время, пока Конецкая рассказывала Юльке о дочери Мурашовой, ей показалось, что старуха – вовсе не такое чудовище, каким виделась ей все это время. Она говорила с Юлькой так, словно делилась чем-то важным для себя, доверяла ей то, что не доверила бы постороннему человеку, и от этой откровенности в ней появилась уязвимость. «Уязвимость, как же! – мысленно фыркнула Юлька, издеваясь сама над собой. – Не чудовище?! Ха! Она и Валентину Захаровну держит при себе для развлечения». – «Как и тебя, голубушка, как и тебя», – напомнил внутренний голос с интонациями самой Марты Рудольфовны.

– Что ты там начала говорить? – осведомилась старуха, когда Лия вышла из комнаты с книгой в руках.

– Ничего, – покачала головой Юлька. – Хотела пожелать вам спокойной ночи, Марта Рудольфовна.

Ковригин стоял возле школы, засунув руки в карманы, и терпеливо ждал. На правой руке болтались четки, привезенные им из Тибета, – длинные, очень тяжелые, из пятидесяти трех рифленых железных зерен. Когда Василия спрашивали, зачем ему такое безобразие и почему бы ему не купить красивую вещь, он всегда отшучивался. По утрам таким же обязательным, как умывание, для него было десятиминутное занятие: сначала четки превращались в цепь, которую он раскручивал перед собою так, что невозможно было различить ни одного зерна, затем, молниеносно обернутые вокруг кулака, – в кастет. С этими четками Ковригин многое умел делать и никогда не делился своим умением ни с кем – кроме тех, кто всем своим поведением молил его об этом. Обычно это случалось ночью в каком-нибудь глухом районе. После демонстрации умения Ковригин тщательно мыл свои четки, вытирал насухо, следя, чтобы не осталась на них кровь, и продолжал заниматься по утрам.

Поначалу он хотел зайти внутрь школы, но, к его изумлению, выяснилось, что охранник не пустит его без пропуска. Невыразительное смуглое лицо охранника было лишено всяких эмоций – словно поставили голема, научили его закрывать собою проход и качать головой, как

болванчик.

Размышляя о том, что он проходил в куда более труднодоступные места, чем общеобразовательная школа, и насмехаясь над самим собой, Василий пропустил момент, когда Дубровина вышла из здания, и спохватился лишь тогда, когда она прошла мимо.

– Ольга Сергеевна!

Он припустил за женщиной следом, и она остановилась, удивленно взглянув на него.

– Вася? Здравствуйте...

Подтянутая, держащая себя в хорошей физической форме – от Лены Ковригин знал, что ее мать фанат здорового образа жизни, – с природным румянцем на скулах, она показалась ему типичной образцовой учительницей с плаката. Она не выглядела ни на день моложе своих пятидесяти пяти лет, да и не прилагала к этому усилий. Длинная синяя юбка в складку, блузка с кружевным воротничком, тупоносые туфли и собранный на затылке пучок – Василию захотелось расчехлить камеру и запечатлеть Ольгу Сергеевну на фоне красного кирпичного здания школы с букетом гладиолусов в руках – вечных первосентябрьских цветов. Чем-то она сама неуловимо напоминала ему этот цветок: красивый, но начисто лишенный аромата.

– Добрый день! Ольга Сергеевна, я хотел бы побеседовать с вами. О Лене, – добавил Вася, хотя и без того было ясно, о ком пойдет речь.

– О Лене? – переспросила она и задумалась. – Ну что ж, отчего бы и не поговорить? Пойдемте к нам – Лены сейчас нет дома, так что мы с вами сможем пообщаться без помех.

Ковригин бывал и раньше в квартире Дубровиных, и каждый раз его от души забавляла разница между комнатой Лены и остальной квартирой. Стараниями Ольги Сергеевны везде поддерживалась стерильная чистота, и горе той пылинке, которая осмеливалась присесть на зеркало. Входя в эту квартиру, Вася против своей воли ощущал, как с него слетает уличная пыль, комочки сухой грязи отваливаются от подошв ботинок, а клочок собачьей шерсти, приставший к свитеру еще дома, приземляется на вычищенный ковер. Это чувство проходило лишь тогда, когда он закрывал за собой дверь в комнату Лены.

Здесь царил беспорядок, в котором угадывалась система. Как почти все инициаторы беспорядка, Лена прекрасно ориентировалась в своем «мусоре» и помнила, где что лежит. Ковригин знал от нее, что прежде мать требовала поддержания такой же удручающей чистоты и в комнате дочери, но с тех пор, как та стала писать книги, смирилась с существующим

положением дел.

– Так о чем вы хотели поговорить?

Ольга Сергеевна усадила Василия на кухне и поставила перед ним тарелку рыбного супа.

– Я знаю, что мужчины всегда хотят есть, – улыбнулась она. – Прошу вас.

Рыбный суп Ковригин не любил с детства, но отказаться было невозможно. Он начал было что-то объяснять, но мать Лены с улыбкой подняла руку в протестующем жесте:

– Нет-нет, до того как вы поедите – никаких разговоров!

Вася почувствовал себя школьником, которого мягко, но непреклонно направляют в нужное русло. Решив не сопротивляться, он покорно съел невкусный суп, отложил ложку в сторону, посмотрел на мать Лены и спросил:

– Скажите, Ольга Сергеевна, вы что-нибудь знаете о причинах, по которым ваша дочь перестала писать?

Она не выразила удивления, но нахмурилась. Большой, полноватый, но всегда держащийся раскованно и непринужденно, Ковригин напоминал ей кота – ласкового, сытого, урчащего... Ее дочь называла его «пушистый Вася», и Ковригину подходило это прозвище. К кошкам и котам Ольга Сергеевна относилась плохо, считая их животными непредсказуемыми, а главное, совершенно не поддающимися дрессуре.

– Что бы вы ни думали обо мне, я лишь хочу ей помочь. – Он наклонился к ней через стол. – Ольга Сергеевна, я вижу, что Лене скверно. Я не верю в то, что она исписалась. За последние два дня я прочел все ее книги, но либо я недостаточно хорошо искал, либо там нет ничего такого, чем можно было бы объяснить ее решение. Вы ее самый близкий человек – так, может, вам что-нибудь известно?

Дубровина отрицательно покачала головой.

– В некоторых вопросах Лена бывает крайне скрытна, – вздохнула она, – поэтому мне известно не больше, чем остальным. Поверьте, Вася, я была бы рада вам помочь, но, к сожалению, не могу.

– Неужели вы ничего не знаете? – недоверчиво спросил Ковригин. – Ольга Сергеевна, простите, такого быть не может! Вы же наверняка обсуждали с Леной ее решение, спрашивали ее...

– Вы плохо знаете мою дочь. – Дубровина позволила себе едва заметную пренебрежительную усмешку. – Если Лена не хочет о чем-то говорить, из нее невозможно вытянуть ни одного слова. Я пыталась добиться от нее объяснения, но все, что она сказала: «Мама, я больше не

хочу придумывать истории». Поймите, я видела, как тяжело дался ей отказ от писательской карьеры, и не хотела усугублять ее расстройство своими назойливыми расспросами. И без меня хватало желающих... – Видя, как вытянулось от огорчения его лицо, Ольга Сергеевна добавила: – Хотите, я скажу вам честно свои предположения на этот счет? Лена испугалась.

– Кого? – быстро спросил Вася.

– Не кого, а чего. Вы хорошо знаете, что ее называли талантливой... Но от вас, я думаю, нет смысла скрывать правду: никакого таланта у моей дочери нет.

Ковригин вскинул брови.

– И никогда не было, – спокойно продолжала Ольга Сергеевна, не обращая внимания на его подчеркнутое удивление. – Она способная девочка, очень способная, но не более того. Поверьте мне как человеку, много лет занимающемуся литературой и обучающему других.

– Но ее успех...

– Не будем лицемерить друг перед другом: ее успех – это стечение обстоятельств. Лена сумела удачно занять ту нишу, в которой до нее никто не успел обосноваться. А она это сделала. Удача, случайность – называйте это как хотите, но факт есть факт: заслуги самой Лены в этом не так много. И в какой-то момент она прозрела и осознала, что не сможет долгое время держаться на том уровне, который сама себе задала. Она неизбежно превратилась бы в многостаночника, а для писателя это сродни творческому самоубийству. Думаю, именно такой перспективы она испугалась и поэтому оборвала свою работу. А то, что вы не нашли в ее текстах признаков, говорящих о том, что Лена стала писать хуже... Знаете, как стареющая театральная прима видит признаки увядания на своем лице, не заметные другим? И понимает, что нужно уйти со сцены, пока не поздно? Что-то в этом роде случилось и с моей дочерью. И, по совести говоря, я не могу не признать, что она поступила правильно.

– Значит, все разговоры об угрозах, о том, что она раскопала какую-то запретную тему...

– Совершенно беспочвенны, – без колебаний ответила Ольга Сергеевна. – Никаких угроз, поверьте мне – уж я-то бы знала, если бы они были! А потом, не нужно недооценивать Лену: все свои истории она выдумывала от начала до конца.

– Может быть, случайное совпадение с реальными людьми... – пробормотал Ковригин, цепляясь за единственную версию, которая хоть что-то бы объяснила.

Ольга Сергеевна рассмеялась.

– И чем же оно могло им навредить? Бросьте, Вася! Я понимаю ваше стремление найти сенсацию, но вы ищите не там.

– Какую сенсацию?! Я же объяснил вам... Я действительно хотел помочь!

– Хорошо-хорошо! – Она успокоительно выставила вперед руки. – Сделаю вид, что я вам поверила. Прошу вас только об одном: ради бога, не трогайте Лену, не приставайте с расспросами. Не бередите в ней эту рану. Вы ведь когда-то тепло относились к ней, правда? Хотя бы в память о том, что в прошлом вас связывали близкие отношения, пожалуйста, проявите такт.

Вечером, после того как все тетради были проверены, а новости обсуждены, Ольга Сергеевна спохватилась:

– Кстати, сегодня ко мне заходил твой фотограф... Ковригин.

– Вася? – обернулась к матери удивленная Лена.

– Он самый. Очень любопытствовал, почему ты больше не занимаешься писательством.

Лена уставилась на мать во все глаза.

– Выглядит он по-прежнему довольно потасканным, – сочувственно признала Ольга Сергеевна. – Раньше в нем было хоть какое-то обаяние, а теперь ничего не осталось, кроме журналистского азарта.

– Какого азарта? Мама, что он хотел?!

– Я же сказала: хотел узнать, что с тобой случилось. Он, конечно, довольно неуклюже постарался замаскировать истинные мотивы своего любопытства, но, по-моему, ему настолько нужны деньги, что он не брезгует никакими сенсациями, которые можно продать.

– Мама, ты ошибаешься. – Лена покачала головой. – Вася – отличный фотограф, и придумывать какую-то чепуху... Нет, этим он не занимается.

– Раньше не занимался, – поправила ее Ольга Сергеевна. – Я недавно разговаривала с Оксаной Лавровой, она рассказала, что видела ребенка твоего Ковригина. Девочка-то подрастает... Одежда нужна, платить за школу тоже необходимо. А мать у нее из небогатых – кажется, продавщица в местном супермаркете.

Лена изменилась в лице.

– Да... – пробормотала она, не глядя на мать. – Надеюсь, он тебя не очень утомил?

Ольга Сергеевна безразлично махнула рукой, и на этом тема Васи Ковригина была закрыта.

Сергей Бабкин возвращался домой из спортзала, и на душе у него скребли кошки. Все шло не так, как надо. Во-первых, Сахарова с ее замыслами... Во-вторых, ее странноватый папаша. Встреча с Тогоевым оставила у Сергея крайне неприятное ощущение, и в памяти отчего-то настойчиво всплывало воспоминание о том, как Олег Борисович без предупреждения бросил в него мандарин и какой липкой была потом ладонь.

Но главное – Илюшин, застрявший в своем Тихогорске невесть на сколько! Илюшин, который не мог просто так уехать из Москвы! Который до мозга костей был жителем мегаполиса, привыкшим получать удовольствие от всех проявлений большого города, даже от пробок и толп людей в метро. «Девушку он себе нашел!» – мысленно фыркнул Бабкин. Насмешливого Макара, ввязывавшегося исключительно в легкие отношения и так же легко выбиравшегося из них, невозможно было представить в сонном городке, где люди знают всех соседей по именам и последний человек, который может их заинтересовать, – это умный частный сыщик, специализирующийся на поиске пропавших людей.

Если на то пошло, это он, Бабкин, мог бы остаться в каком-нибудь Тихогорске, если бы встретил там Машку! Впрочем, ради Машки он согласился бы жить и в деревне.

Сергей замедлил шаг, представил жену с длинной рыжей косой, в скромном платочке, выглядывающей из сказочного вида избышки на пригорке, вообразил себя самого с коромыслом и усмехнулся. Настроение немного улучшилось.

«Завтра же утром приеду к старухе и все ей расскажу, – неожиданно решил он, хотя после беседы с Тогоевым приказал себе выкинуть из головы это дело. – Пусть проваливают к чертовой матери со всем их семейством. И уговорю ее написать заявление. Может быть, и уговаривать не придется».

Определившись с дальнейшими действиями, Бабкин повеселел окончательно. Отсутствие плана угнетало его, а теперь он почувствовал, что ничего плохого, в общем-то, не случилось. Завтра он поговорит с Конечкой, и на этом дело о розыске дочери Тогоева можно будет считать окончательно закрытым, в том числе и с моральной точки зрения. А Илюшин...

Подумав о Макаре, Сергей, не колеблясь, достал телефон и набрал номер. У него, непонятно откуда, появилась уверенность, что на этот раз он не услышит «аппарат абонента выключен или временно заблокирован». И так оно и случилось.

– Макар, здорово! – оживленно сказал Бабкин, когда Илюшин

ответил. – Ну что, прохлаждаешься в своем Тихогорске, пока другие работают?

– Напоминаю тебе, что я здесь раскрыл целое дело, в том числе убийство десятилетней давности, – снисходительно сообщил Макар, но по голосу его Сергей слышал, что он рад его звонку. – Как твои дела, Серега? И что с поисками Сахаровой?

Бабкин кратко доложил, как обстоят дела, а затем, не дав Илюшину сказать и слова, рассказал о встрече с Тогоевым.

– Я решил, что старуху в любом случае нужно предупредить, – закончил он. – Что бы ты ни говорил.

Последовала длинная пауза, во время которой Бабкин сперва решил, что Илюшин рассердился, а затем – что связь прервалась.

– Алло! Э, Макар!

– Я здесь, – ответил Илюшин, из голоса которого пропало все веселье. – Серега, можешь повторить мне разговор с Тогоевым? Сдается мне, ты сделал большую глупость...

– Знаешь что?! – Бабкин вышел из себя. – Больше всего мне сейчас требуется твое высокомерное объяснение, что я сделал правильно и чего не сделал! Именно этого я и ждал, черт возьми!

– Не кипятись, – прервал его Илюшин. – И, пожалуйста, повтори как можно точнее все, о чем ты говорил с заказчиком.

Сергей неохотно повторил рассказ, и в трубке снова воцарилась тишина.

– Серега, ты сейчас где? – наконец спросил Илюшин.

– Подхожу к дому, – немного растерянно отозвался Бабкин. – А что?

– Ты собирался еще раз встретиться с Тогоевым?

– Нет. Зачем? Работа сдана, девушка найдена.

– Вот и хорошо... Даже если он предложит тебе встретиться, откажись под любым предлогом. Ты меня понял? Серега, слышишь?

– Да понял, понял... Чего тут не понять? Скажи только...

Телефон пискнул, и связь прервалась. Озадаченный Бабкин позвонил Макару еще раз, но теперь услышал знакомое «аппарат абонента выключен».

– Телефон у тебя сел, что ли... – пробормотал он и вошел в прохладный полутемный подъезд.

Из квартиры на первом этаже уютно пахло борщом, и при мысли о еде Сергей понял, что ужасно проголодался. Он подумал о том, что Маша, наверное, уже ждет его на ужин, представил, как она суетится возле духовки и щека у нее испачкана в муке... Но через все эти домашние

уютные мысли упорно пробивался неясный привкус беспокойства, навеянного разговором с Илюшиным. «Даже если он предложит тебе встретиться, откажись под любым предлогом...»

«На черта ему со мной встречаться?»

Но Сергея по-прежнему не оставляло чувство, что из его короткого рассказа Илюшин, находящийся за двести километров от Москвы, понял что-то такое, о чем не догадался он сам. Недовольный собой, Сергей ускорил шаг, собираясь одним махом перепрыгнуть пять ступенек, ведущих к лифту, но тут под ногу ему попало что-то твердое, острым углом врезавшееся в щиколотку.

Коробка, сдвинутая пакостным котом! Споткнувшись об нее, Сергей не упал, а пробежал несколько шагов, пытаясь удержать равновесие. И ему бы удалось это сделать, если бы не притаившийся возле ступенек кот, об которого Бабкин и запнулся вторично.

Нелепо взмахнув руками, он грохнулся на холодный бетонный пол, а животное, заорав, отскочило на лестницу. Но в падении Сергей успел увидеть странное: на его глазах стена напротив вдруг брызнула раскрошившейся штукатуркой – один раз, затем другой – и оцерилась двумя белыми вмятинами, похожими на выбитые зубы.

В первую секунду Сергей не понял, откуда они взялись. Но тут кот, взлетевший на ступеньки, внезапно присел, как собака, разинул пасть с мелкими зубами, страшно зашипел и сиганул под лестницу. И отчего-то именно от вида кошачьего страха в голове Бабкина что-то включилось, и до него наконец дошло, что означало двойное чпоканье за его спиной.

Тяжеловесный, грузноватый Сергей при необходимости проявлял удивительную для его габаритов скорость. Особенно тогда, когда понимал, что следующая пуля, пущенная из пистолета с глушителем, пробьет его череп. В висках бешено запульсировало, словно пошел ускоренный отсчет секунд, и, повинувшись этому пульсу, он перекатился по полу, краем глаза фиксируя в темном закутке возле двери высокий силуэт, вскочил и, в отчаянном рывке перескочив все ступеньки, обогнул лифт и метнулся вверх по запасной лестнице.

«Первый пролет... второй... четвертый...» Ему показалось, что тень человека с пистолетом мелькнула внизу, и Бабкин пригнулся. Однако выстрела не последовало. Запыхавшись, он ворвался на свой этаж и заколошматил в дверь изо всей силы, одновременно утопив кнопку звонка.

Оттолкнув в сторону Машу, открывшую ему с перепуганным лицом, он захлопнул дверь и посмотрел в «глазок». На площадке никого не было.

– Где Костя? – рывкнул Сергей, оборачиваясь к жене. – Где он?

– Дома... – Она побледнела. – В своей комнате. Сережа, что случилось?!

На шум в коридор выглянул мальчик, изумленно посмотрел на запыхавшегося Бабкина, сунувшегося в ящик, где лежал пистолет.

– Я сейчас позвоню в отделение, – уже спокойнее сказал тот, – а вы на всякий случай не подходите к двери и окнам. Понятно?

Прежде чем Сергей успел закончить фразу, в кармане его куртки вздрогнул и завибрировал сотовый телефон. С осторожностью, словно опасаясь, что черный корпус может взорваться у него в руках, Бабкин вытащил его из кармана, увидел, что номер не определился, и с нарастающим мрачным предчувствием поднес к уху.

– Сергей, – проговорил в трубке неторопливый мужской голос, – вы меня слушаете?

– Кто?..

– Меня просили вам передать, что не надо никому рассказывать о том, что произошло. Держитесь подальше от милиции и от старухи. Считайте это небольшим предупреждением.

Бабкин отнял трубку от уха, несколькими нажатиями включил диктофонный режим.

– Вы меня внимательно слушаете? – вежливо спросил голос.

– Очень, – чувствуя, что скулы сводит от ненависти, подтвердил Сергей. – Еще что-нибудь интересное скажете?

– Самое главное я вам сказал. Не нужно лезть в чужую жизнь, займитесь своей. И не будьте вы таким инициативным! Инициатива наказуема, кому, как не вам, это знать. У вас жена красавица, сын подросток... Не дай бог с ними что-нибудь случится. Вы же себе этого до конца жизни не простите, правда?

– Ах ты гнида! – зарычал Сергей, не сдержавшись.

Трубка отозвалась короткими гудками.

Глава 9

Олег Борисович хохотал уже пять минут – влаивал, гоготал, морщил нос и раздувал щеки. На сидевшую напротив него девушку это не производило никакого впечатления.

– Валерьянки выпей, – посоветовала она, устав ждать, пока отец успокоится. – Придешь в себя.

– Ах ты...

Поток нецензурной брани излился из Тогоева, как до того изливался смех. Его дочь не моргнула и глазом: к истерикам отца она успела привыкнуть за то время, что жила у него.

– Ты! Подставить меня захотела, а?! Чего задумала?! Во что ввязалась?! Сыщика на хвосте привела, дура!

– Ты свихнулся на том, что тебя все хотят подставить! Ни о чем другом говорить уже не можешь. Попробуй понять, что не все постоянно думают о том, как бы подложить тебе свинью. Папочка!

Сарказм в ее голосе охладил Олега Борисовича.

– А с сыщиком ты сам разберешься, – добавила она, внимательно следя за отцом. – Или уже разобрался?

Тогоев застыл.

– Откуда ты знаешь?

Юле несложно было выдерживать видимость «ледяного спокойствия», поскольку из всех способов воздействия на отца этот производил наиболее подходящий для ее цели эффект, но тут она рассмеялась:

– Пап, ты такой предсказуемый! Вы все предсказуемые – и ты, и он... Только тетя Марта меня пока удивляет. – Она сделала акцент на слове «пока».

Тогоев подошел к креслу, в котором сидела дочь, опустил перед ней на корточки, упер пухлые ладони в подлокотники. Она улыбалась, но во взгляде ее была странная рассеянность, словно ей было все равно, что он скажет, и даже неважно, к чему приведет их разговор.

– Юленька, ты это дело брось! Ты ведь у меня девочка хорошая, не будешь глупости творить, правда?

По щеке Олега Борисовича сползла слезинка – следствие недавнего истерического смеха, и дочь почти ласковым движением провела по его лицу, стирая соленую каплю.

– Глупостей – не буду! – пообещала она. – Но моя идея с Мартой –

вовсе не глупость, папа.

Несколько секунд Тогоев смотрел на дочь темными глазами, не моргая, как сова, пытаясь разобраться, сколько бравады в ее словах, а сколько правды. Проблема состояла в том, что он совершенно не понимал это существо женского пола, скалящее мелкие зубки в его кресле.

За то время, что он не видел дочь, в ней что-то изменилось – словно разобрали механического человечка, а затем собрали его из тех же деталей, но переставив их в другом порядке, и вместо Железного дровосека получился железный рыцарь с забралом. Он заметил, что она стала держать спину очень прямо, как будто напялила корсет, но это было лишь внешнее изменение. Тогоев никогда не воспринимал женщин всерьез, считая любую бабу предназначенной для одного – удовлетворять похоть мужчин. Но в этой, его собственной дочери, прежде понятной и видимой насквозь, появилось что-то такое, от чего Олегу Борисовичу становилось не по себе. Редко встречая людей, одержимых идеями, Тогоев не знал, как с ними обращаться и чего от них ожидать.

– Зачем тебе это нужно, дура? Ты что, в тюрьму хочешь?

– Не хочу. Я туда и не попаду. А что касается причин... Понимаешь, папочка, сначала мне банально хотелось пожить в свое удовольствие, не выпрашивая у тебя или Марты каждую копейку. Ты знаешь, что завещание написано на меня? Марта такая странная... она может меня ненавидеть, но при этом считать, что деньги должны остаться в семье.

Она негромко рассмеялась и, смеясь, стала почти хорошенькой.

– Представь, для некоторых принадлежность к роду – это не пустой звук. Так что мне повезло, что у тебя был такой замечательный дядя, который женился именно на Марте, а не на другой женщине. Так о чем это я? А, о причинах!

Улыбка сползла с ее лица, и вернулось прежнее, чуть рассеянное выражение, настораживавшее Тогоева больше, чем радостный смех дочери. Она пару раз кивнула, словно неслышно для отца разговаривая сама с собой.

– Я сказала тебе, что Марта меня ненавидит, но это неправда. Она меня презирает. Я, видишь ли, не заслужила ее ненависти, лишь снисходительное презрение! Даже к безмозглой старой курице, которую она приютила, чтобы под рукой всегда был мальчик для битья, она относится с уважением, а ко мне – нет!

Впервые за все время разговора с отцом в ее голосе прорезались настоящие эмоции, а не то, что она считала нужным продемонстрировать. Тогоев встал, не отрывая взгляда от дочери.

– Я тебе дам денег.

– Ты-ы?! – Она недоверчиво уставилась на него. – Откуда такая доброта? А-а, ясно! Ты боишься, что у меня все сорвется или меня поймут, и тогда прости-прощай твоя политическая – с ума сойти, политическая! – карьера! Ты ведь окончательно успел испортить отношения с желтой прессой, да? Значит, все та же старая песня... А я было подумала, что ты беспокоишься обо мне или о любимой тетушке.

Он не сдержал пренебрежительной гримасы, и девушка встала с кресла, оказавшись почти вровень с низкорослым отцом.

– А раз так, папа, я буду делать то, что считаю нужным, – промурлыкала она. – А свои деньги лучше потратить на отдых. Он тебе требуется. Посмотри на себя: ты ведешь себя так, что тебя впору показывать студентам в психиатрической лечебнице!

Звонкая пощечина оборвала ее на полуслове. Олег Борисович замахнулся для второго удара, но Юля увернулась и отпрыгнула за кресло.

– Стерва!

– Сволочь!

Они стояли друг напротив друга. Ее щека наливалась густо-розовым румянцем.

– Купить меня вздумал? Любопытно знать, сколько же мне выделит любимый папочка, учитывая его патологическую жадность? – Она пришла в себя быстрее, чем Тогоев. – Опять будешь выдавать по двадцать тысяч в месяц? Мерси, мон папа! Я уж как-нибудь без вас обойдусь.

– Не обойдешься! – высоким дребезжащим голосом пообещал Олег Борисович. – Как прихватят тебя за одно место, так и начнешь звонить и умолять, чтобы тебе лучшего адвоката оплатили!

– Вот тогда и оплатишь, – усмехнулась она. – Все, мне пора идти. Твои идиоты даже не догадались отогнать машину подальше от подъезда. Если Марта видела, что я уехала на «Лексусе» вместо того, чтобы идти в аптеку, она может насторожиться.

Она пошла к выходу, обогнув отца по широкой дуге, и Тогоев, не сдвинувшись с места, проводил ее взглядом. Возле двери она остановилась.

– Кстати, вот что мне пришло в голову... Ты можешь решить проблему несколькими способами. Во-первых, ты можешь прикончить меня, чтобы я не создавала тебе трудностей.

В глазах Олега Борисовича что-то промелькнуло, и его дочь криво улыбнулась:

– Вижу, что эта идея приходила тебе в голову. Честно говоря, я бы не советовала тебе воплощать ее в жизнь. Поверь мне на слово, папа: ты

всегда меня недооценивал, считая ленивой и тупой, но при необходимости я могу быть очень предусмотрительной.

Она подождала ответа, но его не последовало.

– Во-вторых, ты можешь сам убить Марту и избавить меня от хлопот. То есть не сам, конечно же, а кто там у тебя занимается такими делами... Витя, наверное. Между прочим, я не шучу и была бы за это очень тебе признательна. Не хочешь, нет? Ну ладно. Тогда третий вариант – ты не вмешиваешься, потому что веришь в меня и знаешь, какая я у тебя умница. Вся в мать! – Она издевательски хихикнула. – И понимаешь, что если ты не будешь строить мне препятствий и увозить, как сегодня, почти силой, то у меня все получится. И тогда, папочка, я буду совершенно от тебя независима! Тебе ведь этого хотелось, правда?

Она повернулась и вышла.

Тогоев наклонил голову и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, на вдохе надувая желтые щеки.

– Если бы ты, идиот, не завалил все дело... – сказал он, обращаясь в пространство.

Из-за стеллажа с книгами материализовался Виктор, встал, как обычно, за его спиной.

– Случайность, Олег Борисович. – Голос его был тихим и виноватым.

– Случайность! Этот опер, должно быть, уже строчит заявление!

– Не строчит, Олег Борисович. Такие, как он, завязаны на своей семье. Он будет сидеть тихо.

– Завязаны, значит... – Тогоев усмехнулся. – В узелочек. А я вот, Витенька, не завязан на своей семье, но тоже буду сидеть, как баран перед мясником. Ты слышал эту стерву?

Хруцкий промолчал, понимая, что вопрос риторический.

– От ведь паскуда... С нее станется какую-нибудь хитрую бумажку написать на случай своей смерти и у нотариуса спрятать. Станется, как ты полагаешь?

– Вполне возможно, Олег Борисович.

Тогоев прищелкнул языком.

– Ай-яй-яй... Детишки-детишки... Вырастают, маленькие. Родителей не слушаются. Юлька девочка упрямая, если в голову себе что-то вбила, то уже от своей затеи не откажется. Что же делать-то, а? Может быть, и впрямь самому ей подсобить с тетей Мартой?

Он ловко крутанулся на носках, обернулся к помощнику.

– Не стоит, Олег Борисович. Зачем лишние сложности себе создавать?

– А я не себе, я тебе их создам! – снова развеселился Тогоев. – Хи-хи!

А, Хруцкий? Да ладно, не мрачней. С сыщиком ты не справился, так что тетушку я тебе и подавно не доверю.

– Я же объяснил, это была...

– Случайность, верно, я уже слышал! То-то и плохо, что ты такие случайности стал допускать. Черт с ним... Скажи, ты уверен, что сыщик сейчас не сидит в прокуратуре, а? Подумай, Витя, прежде чем ответить, хорошенько подумай!

Тогоев выжидательно уставился на Хруцкого. Тот позволил себе едва заметно улыбнуться.

– Нечего думать, шеф. Он взъярился, конечно, после моего звонка, но еще больше струсил. Ради чужой бабки он не станет рисковать своей семьей.

– Ну хорошо... Убедил. Значит, здоровяка пока не трогаем? Пусть живет, если один раз цел остался?

– Пусть, Олег Борисович.

– Плохо-плохо-плохо... Он мне совсем не нравится.

– Так вам, шеф, вообще мало кто нравится, – с неожиданной фамильярностью заметил Хруцкий. – Что же теперь, всех перестрелять?

Тогоев закивал, засмеялся:

– Верно, Витенька, верно! Всех не перестреляем. А жаль, между прочим, очень даже жаль! Как хорошо было бы, а? Ну да бог с ними, с неприятными людьми. Раз уж не мы с ними разберемся, то другие это сделают, так? Вот и пусть, вот и ладно... А мы со стороны посмотрим и подождем, чем все это закончится. Ну и все. Иди, Вить. Иди, иди! Я тебя позову, когда понадобится.

Олег Борисович опустил в кресло, нагретое дочерью, и уставился на полку с книгами, морща нос, будто от неприятного запаха.

– Витя! – окликнул он помощника, когда тот уже почти закрыл за собой дверь. Виктор вернулся и выжидательно уставился на шефа. – Значит, считаешь, что дочурку трогать не надо? А то бы раз – и одним махом от всех проблем избавились... И от нее, и от него.

– Я считаю, что от живой Юли вреда будет меньше, чем от мертвой, – ответил тот, бросив быстрый взгляд в сторону коридора, где ждали охранники. – И, возможно, от сыщика тоже.

Тогоев поерзал на сиденье, будто птица, устраивавшаяся на гнездовье, и зажмурился. Хруцкий пару секунд смотрел на него, затем вышел и тихо прикрыл за собой дверь.

Сергей не пошел в отделение. Он сидел на кухонном полу, положив

руки на согнутые колени и прикрыв глаза, и Маша со страхом следила за тем, как быстро его пальцы перебирают четки, сделанные Костей прошлым летом из вишневых косточек. В самих четках не было ничего пугающего, но Сергей отщелкивал их с монотонной равномерностью, и звук действовал Маше на нервы.

– Сережа, надо написать заявление, – наконец не выдержала она.

Бабкин не отреагировал. Это тоже было страшно: он совсем не смотрел на нее и, кажется, даже не слышал. Она понимала, что он чувствует, но ничем не могла ему помочь.

Год назад на них с Костей покушались, и Маша помнила свой безумный страх за сына, прижимавшегося к стене подъезда, запах пропахшей потом и куревом куртки от одного из тех, кто держал нож у ее горла, прикосновение чьей-то влажной руки к своей... И еще у нее тогда отчего-то закладывало уши.

После покушения их спрятали в загородном доме у приятеля Илюшина, и пока Сергей с Макаром искали нападавших, они провели несколько невыносимых недель. Невыносимых потому, что каждую минуту она боялась услышать звонок, сообщающий ей о несчастье с Сергеем. Ей снились кошмары: люди в черных масках нападали на дом приютившего их человека, проходили сквозь стены и убивали всю его семью – жену с двумя детьми, пожилую тетушку, брата-студента, – а затем принимались искать их с Костей. Во дворе она боялась отходить от собак – двух гигантских белых алабаев, неприязненно поглядывавших на чужую женщину и ее ребенка, за которым она следовала по пятам^[3].

Когда Бабкин, расследовав дело, приехал за ними, он нашел Машу поправившейся на пять килограммов и был от души рад, что с ней все в порядке. Она не стала ему рассказывать, что две недели только и делала, что ела – постоянно жевала все, что попадало под руку, пару раз даже сорвала стебли весенней травы, которая оказалась горькой. Как-то ночью, проснувшись от страшного сна, она побоялась идти на кухню по темному дому и сжевала лист бумаги, на котором днем рисовал Костя. После этого ей удалось уснуть.

– Нужно написать заявление, – повторила Маша, сдерживаясь, чтобы не вырвать у Сергея щелкавшие четки. – И позвонить твоим ребятам, с которыми ты раньше работал. Мише, Вадиму...

Бабкин не пошевелился.

– Господи, Сережа, ну скажи же хоть что-нибудь! Уже два часа прошло!

Он открыл глаза и уставился на нее с таким удивлением, словно

вообще не ожидал, что она находится на кухне.

– Пойдем спать, – сказал он, помолчав. – Машка, не бери в голову. Мне просто нужно немного пораскинуть мозгами, вот и все.

Она смогла уснуть только под утро. Костя, встревоженный происходящим, до двух часов ночи то и дело выходил из своей комнаты, просил то одно, то другое, требовал, чтобы ему рассказали, что происходит и почему он завтра не пойдет в школу. В конце концов Маша прикрикнула на него, и только после этого мальчик утомился.

Сергей так и не уснул. Она видела, как он сидит в кресле, тихонько пощелкивая четками, ходит по дому, напоминая ей тех алабаев, что охраняли дом их временного хозяина. Когда Маша наконец провалилась в сон, последним, что ей запомнилось, была ссутулившаяся фигура Бабкина, склонившегося почему-то над разложенной на полу газетой.

Звонок в дверь рано утром прогремел по всей квартире, и Маша подскочила на кровати. Сергей уже стоял в коридоре – когда он успел выйти?! – и она чуть не закричала. В правой руке он держал черный блестящий пистолет, показавшийся ей очень большим. Не подходя к «глазку», хотя это был самый простой способ выяснить, кто за дверью, Сергей наклонился, оставаясь за косяком, и громко спросил:

– Кто?

Ему что-то ответили – Маша не расслышала, что именно, – и Бабкин, изменившись в лице, быстро глянул в «глазок» и отпер засов. Затем шагнул назад, недоверчиво улыбаясь, и в квартиру ввалился Макар Илюшин со спортивной сумкой на плече.

– Я выехал сразу после твоего звонка. Кстати, почему у тебя телефон отключен?

Загорелый Илюшин с выгоревшими светлыми волосами, выглядевший, как турист после долгого отпуска в горах, занял лучшее кресло в комнате и по привычке вытянул длинные ноги. Маша заметила, что за время отсутствия он похудел и сразу стал выглядеть старше – уже не студент престижного вуза, в меру наплевательски относящийся к учебе, а тридцатилетний мужчина с насмешливым и умным лицом.

Бабкин полез в карман, поглядел на телефон.

– Точно... Разрядился, должно быть.

– Маш, а твой?

Не сразу сообразив, о чем ее спрашивают, Маша пошла в комнату и вернулась с севшим телефоном, который лежал в сумке со вчерашнего дня.

– Ну вы даете! – Макар укоризненно покачал головой. – Я, понимаешь,

нервничаю, а они даже телефоны не проверяют!

– Что ты делаешь? – недоверчиво переспросил Бабкин. – Нервничаешь?

– Представь себе, да, мой патологически честный друг. Зачем ты отправился к Тогоеву с рассказом о его дочери? Чего, интересно знать, ты ожидал от этого психа?

– А я не подозревал, что он псих, – огрызнулся Сергей. – А если ты это видел, какого дьявола мы стали с ним работать?

– Потому что он платил, – пожал плечами Макар, не собираясь напоминать Бабкину, что именно тот настоял на заключении контракта с Тогоевым. – Кто ж знал, что ваши с ним отношения выйдут за рамки рабоче-денежных.

Маша не выдержала.

– То, что в него стреляли и чудом не убили, ты называешь «вышли за рамки рабоче-денежных отношений»? – вполголоса спросила она. – А потом позвонили и пригрозили убить нас с Костей, если он хоть одной живой душе заикнется о том, что узнал о Сахаровой.

– Я хотел сказать... – Илюшин взглянул на нее и осекся.

На несколько секунд в комнате повисла полная тишина.

– Извини, – наконец сказал он, обращаясь к Маше, но вместо нее, принимая извинения, кивнул Бабкин. – Я постараюсь все уладить.

Машу внезапно отпустило. Она села на ковер, обхватив руками колени.

– Да, постарайтесь. Только учтите, что мы с Костей отсюда никуда не уедем.

Военное совещание, как назвала его Маша, шло за закрытыми дверями два часа. Она успела написать сценарий и отправить его редактору, разобраться вместе с Костей в задании по химии, а из комнаты все доносились приглушенные голоса. Наконец в коридор выглянул Сергей и весело потребовал их покормить.

Когда она помешивала суп в кастрюльке, размышляя, хватит ли на всех хлеба – спуститься в магазин она сейчас отказалась бы даже под угрозой недельного голода, – муж неслышно подошел сзади и обнял ее, прикоснулся губами к шее.

– Все еще злишься?

Она качнула головой, и пушистые волосы, собранные в хвост, защекотали его лицо.

– Машка, пойми: важно не то, что Илюшин проповедует, а то, что он бросил все и рванул к нам на первом же проходящем поезде.

– Да знаю я, знаю! – понизив голос, ответила она. – Но мне иногда безумно хочется прибить его за эту напускную невозмутимость и нежелание признать, что он живой человек и тоже может ошибаться.

– Ты же сама понимаешь, что все это притворство. Защита, вьевшаяся в кожу.

Сергей отпустил ее, сунул нос в кастрюльку и вдруг расплылся в широкой улыбке. Маша непонимающе посмотрела на него.

– Чему ты улыбаешься?

– Слушай, я так рад, что Илюшин приехал... Даже самому смешно.

– Да... – призналась она, помолчав. – Я тоже.

– Плохо то, что у нас нет никаких доказательств, – сказал Макар. – Я по-прежнему думаю, что самым верным решением было бы пойти напрямик в прокуратуру, но отсутствие даже самой паршивой записи разговора Сахаровой с исполнителем осложняет нашу задачу. Все, что мы можем предъявить в качестве доказательства, – это та запись невнятных угроз, которую ты сделал после покушения. И, конечно, следы от пуль.

– В записи ни к чему не придерешься, я ее уже двадцать раз прослушал. Хитрый, сволочь, выбирал выражения. Подъезд я обыскал рано утром, пока Машка спала, и не нашел ни гильз, ни пуль – видимо, он их забрал, так что эта улика тоже отпадает.

– Также не лучшая новость. Вряд ли Тогоев держит киллера на случай непредвиденных осложнений вроде твоего. Готов ставить свою сумку об заклад, что стрелявший – один из тех дурачков, которых мы видели в его охране. Его можно было бы установить по стволу, но без пуль и гильз... Зря, Серега, ты не позвонил вчера в отделение.

– Я испугался, – просто сказал Бабкин. – Вспомнил встречу с Тогоевым и подумал, что он из банального каприза может приказать всех нас перестрелять.

– В следующий раз, прежде чем брать заказ, будем просить у клиента медкарту с заключением психиатра.

Оба усмехнулись, переглянувшись.

– Кстати, что ты собирался предпринять, если не секрет? – спросил Илюшин равнодушным голосом. – Подожди, не отвечай. Зная тебя, могу предположить, что, не мудрствуя лукаво, ты обдумывал перспективу полного устранения Олега Борисовича. Охрану ты видел, маршруты знаешь... Добыть ствол для тебя не проблема. Могу себе представить, какое громкое дело получилось бы: «Борец за восстановление российской монархии застрелен возле своего загородного особняка».

– За демократию, – поправил Бабкин, не глядя на него. – Борец за демократию.

– Ты отстал от жизни. За демократию уже не модно бороться – Тогоев у нас пламенный монархист. Как думаешь, монархисты могут быть пламенными?

Сергей пожал плечами, не желая углубляться в тонкости политического окраса Олега Борисовича, и вдруг спохватился:

– Стоп! Откуда ты знаешь о том, что он монархист?

– В периодическом издании прочитал, – невинно сказал Илюшин. – А что?

– В «Вестнике Тихогорска», что ли?

Макар рассмеялся.

– Ладно, подловил. Пока я ехал в Москву, нарыл кое-какие сведения самого общего характера.

Илюшин умолчал о том, что сразу же после вечернего разговора с Бабкиным позвонил одному из своих знакомых, коих у Макара было несчетное количество, и попросил найти всю доступную информацию на Тогоева. Ему перезвонили через час. Услышанное так не понравилось Илюшину, что он готов был уехать из Тихогорска на машине – но, к счастью для него, проходящий поезд останавливался в городке на целых восемь минут.

– В этой информации есть для нас что-то полезное?

– В любой информации есть что-то полезное, самое главное – это разобраться, что именно. Серега, а ты в самом деле пошел бы его убивать?

Что-то в его интонации заставило Бабкина поднять голову и посмотреть напарнику в лицо.

– Все нормально, Макар, – сказал он. – Не дергайся. Ничего же не случилось.

Илюшин хотел ответить резко, но сдержался.

– Ладно. Сделаем вид, что ты ничего не задумывал. Тогда перед нами стоит одна задача: защитить вас от Тогоева, прости за высокопарный слог.

– Две задачи, – поправил Бабкин. – Вторая – защитить бабульку от внучки. А если эта мелкая стерва все-таки совершит убийство, то сделать все, чтобы оно не сошло ей с рук.

– Они взаимосвязаны, эти задачи, если я правильно понял положение дел.

– Напрашивается самый простой вариант: я отправляюсь к Конечкой, как и собирался, рассказываю ей обо всем, что мне известно, и после этого старушка живет еще долго и счастливо десять лет – или сколько ей там

отпущено господом богом.

– А затем взбесившийся Тогоев снова отправит за тобой придурка с пистолетом, – в тон ему продолжил Макар. – Просто потому, что ты посмел его послушаться. Серега, такие люди не переносят, когда кто-то им сопротивляется. Знаешь, откуда ножки растут у капитала Олега Борисовича?

– Догадываюсь. Ты говорил, что деньги – криминального происхождения.

– Да, но это не банальное «золото партии», отмытое в двадцати реках. Если начать с истоков, то в юности Тогоев занимался боксом, довольно успешно...

– Можно было догадаться по его физиономии, – вставил Бабкин. – У него нос переломан.

– У него много чего переломано. В армию он ушел нормальным, а из армии вернулся...

– Со съехавшей крышей?

– Твой жаргонизм в данном случае как нельзя лучше отражает положение дел. Будешь смеяться, но с него в армии сняли скальп.

Сергей недоверчиво посмотрел на Илюшина, но тот не шутил.

– Знаешь, Макар, мне что-то совершенно не смешно. – Бабкина передернуло. – Как это – сняли скальп?

– Подробностей не знаю, но там, как водится, случилась грязная история с дедовщиной. Похоже, Олег Борисович достал троих салаг, и они решили отомстить ему таким изуверским способом. Оглушили, затем, вспомнив книги о Чингачгукке – Большом Змее, попытались сдернуть с его головы кожу вместе с волосами. Но что-то у них там не задалось, и Тогоев остался жив, хотя и лишился половины волос.

– А что же у него сейчас...

– Понятия не имею. Может, нацепил парик, а может, операцию сделал. Вернувшись, Олег Борисович сколотил небольшую группировку из бывших боксеров, которая занималась «крышеванием» ларьков и мелких магазинчиков. Тогда же он приобрел кличку Таран – подозреваю, за привычку переть напролом в любых ситуациях. Кстати, его бритоголовый помощник по фамилии Хруцкий появился около него примерно в то же время и с тех пор следует за Тогоевым как рыба-прилипала. За группировкой числилось не меньше пяти трупов, но лишь неофициально, потому что Тогоева с его командой ни разу не взяли.

– Значит, все были в доле, – мрачно заметил Бабкин. – Если бы хотели, то взяли бы как миленьких.

– Сейчас это уже неважно. Олега Борисовича слушались и боялись, потому что он временами вел себя как законченный психопат, а сумасшедших люди всегда опасаются. Затем в моей истории имеется пробел, после которого Тогоев выплывает – кем бы ты думал? – заместителем начальника местного РОВД.

Бабкин недоверчиво присвистнул.

– Какой был год?

– Девяносто первый. На этой должности он сидел недолго и быстро перебрался в руководство муниципальной организации, которая занималась переработкой мусора.

– У-у-у! – протянул Сергей. – Золотое дно!

– Да, только для некоторых конкурентов Олега Борисовича оно стало песчаным. Опять-таки в прямом смысле слова: двух бизнесменов, пытавшихся спорить с ним за денежную мусорную жилу, нашли на дне реки с ногами в цементном ведре – в лучших традициях итальянской мафии.

– Тогоев опять вышел сухим из воды?

– Уголовное дело на него было заведено, но все окончилось пшиком. Затем он опять пропадает из виду, а выплывает уже в девяносто пятом акционером завода минеральных удобрений, что под Ростовом. Ходили слухи о том, что заказное убийства Эдуарда Росинова – помнишь такого? – его рук дело, но доказательств не было.

– Росинов у слишком многих торчал бельмом в глазу, – вспомнил Бабкин, в памяти которого всплыли отголоски известий о расстреле крупного чиновника.

– Верно. Но дело отличалось крайней наглостью и, не побоюсь сказать, тупостью. Среди бела дня на людной улице, запруженной машинами, расстрелять шофера и пассажира – это был бы полный идиотизм, если бы он не увенчался успехом. Чуть позже Олег Борисович решил заняться рейдерством и с помощью грубой физической силы и подкупленных судей присвоил себе бизнес небезызвестного тебе Аслана Коцбы^[4]. Третий завод по производству удобрений – тот самый, который в Подмосковье.

– Постой-ка... У Коцбы?! Не может быть! Тот сам у кого хочешь что угодно отберет.

– Тогда он только начинал свое дело.

– Таран, говоришь, – почесал в затылке Сергей. – М-да. Хорошенького противника мы себе нашли. И что нам с ним делать?

Макар задумался, сполз с кресла и растянулся на ковре.

– В первую очередь... – отрешенно сказал он, глядя в потолок, – не будем считать Олега Борисовича своим противником.

– В каком смысле?

– Нам он не по зубам.

– Я рад, что твоя мания величия уступила место голосу разума, – съехидничал Бабкин. – И что ты нам предлагаешь? Уехать в Тимбукту и там провести остаток дней, валяясь в зарослях бамбука?

– Акации.

– Что?

– Акации, а не бамбука. Бамбук в Мали не растет, там вокруг сплошная пустыня.

– Я поражен широтой твоих географических познаний. Но вопрос о том, что нам делать, остается открытым. Я начинаю думать, что мой замысел по избавлению мира от личности Олега Борисовича был не таким уж неудачным.

– Он был бесперспективным, – бросил Макар, явно поглощенный какой-то идеей. – И уголовно наказуемым. Выкинь его из головы.

Он поднялся, открыл балконную дверь, и в комнату ворвался шум двора: гудение машин на соседней улице, шелест зеленеющих деревьев, мерное шарканье метлы дворника по сухому асфальту. За спиной Илюшина Сергей говорил о том, что он действительно очень сглупил, не обратившись вчера в прокуратуру, и по здравом размышлении понял, что это единственное, что им стоит сделать...

– Машку с Костей спрячем, – говорил он с нарастающей уверенностью в голосе. – Они уедут, никуда не денутся. А Тогоева уголовное дело припугнет и заставит притихнуть. Не полный же он идиот, в конце концов! Собирается депутатскую неприкосновенность получить...

– Безусловно, это свидетельствует о наличии у него мозгов, – сказал Илюшин, оторвавшись от созерцания качающихся под ветром деревьев, и по его лицу Бабкин понял, что Макар слышал только окончание его монолога. – Но ты, Серега, сейчас не о том говоришь... Одну умную мысль ты уже высказал, твой лимит на сегодня исчерпан.

– И какую же? – осторожно спросил Бабкин.

– Не считать Тогоева противником.

– Это была твоя мысль. Но все равно спасибо за комплимент. А то мне уже не по себе стало: ты три часа как приехал, а еще ни разу меня не ужалил. Может быть, расшифруешь, что ты вкладываешь в эту умную мысль? Что с того, что мы не будем считать Тогоева противником?

Макар повернул к нему загорелое лицо и прищелкнул пальцами, как

фокусник, собирающийся вытащить яркий шелковый платок из пустой стеклянной бутылки.

– Это значит, что противником ему будет кто-то другой.

Василий Ковригин был пьян. Не безобразно, как говорили раньше – *мертвецки* пьян, а почти культурно, хотя были времена (и чего там скрывать, не такие уж и давние), когда культурно напиться представлялось ему таким же малореальным, как прыгнуть зимой с двадцатиметрового моста и точнехонько угодить в единственную прорубь на льду. Вроде и можно, но вряд ли получится, как ни старайся.

Он выпивал с юности и даже в состоянии, которое Лена в гневе называла скотским, сохранял свое обаяние, ласковую ухмылку, делающую его похожим на героя из голливудских фильмов – прохвоста и неудачника, вечно влипающего в разные истории, но притом любимого зрителями. Вот и он, Вася, тоже был из таких – любимых зрителями.

Его пьянство было не побегом, а ритуалом. Так он сам себе говорил. Просто привычка, может, и не самая хорошая, но безобидная для окружающих. А за себя самого Вася Ковригин попросил бы никого не беспокоиться. Что радовало его, так это собственная способность фотографировать в любом состоянии – иной раз, на следующий день просматривая снимки, он пораженно качал головой: неужели этот отличный кадр он сделал после того, как они ушли из «Текила-бума»? Он уже и «Текила-бум»-то к тому времени помнил с трудом...

Ленка, которую он считал выросшей в каком-то выморочном книжном мире, поначалу его забавляла. Но однажды он увидел, как из оболочки испуганного, недоверчивого существа выглянул кто-то другой: веселая, насмешливая женщина, похожая на любопытную маленькую девочку. Девочка когда-то давным-давно отправилась исследовать мир, находившийся за пределами своего дома, но что-то испугало ее, и она убежала обратно, закрылась на все засовы и даже дверь подперла старой табуреткой, чтобы никто не забрался в ее убежище. Но сама не могла удержаться – и смотрела наружу из окна с жадным любопытством.

Эта женщина-девочка очаровала его. И почему-то вызвала в нем непреодолимую нежность – первая из десятков баб, которые были у него: красивых, уверенных, влюбленных. Она не была красивой, испытывала постоянную неуверенность в себе, и он так и не смог понять, влюблена ли она в него хоть немного. Но она оказалась своей, родной, скроенной по подходящей ему мерке. «Не потому, что от нее светло, а потому, что с ней не надо света».

После того как она ушла, Вася даже не запил – до того был уверен, что это ее женская блажь, с которой она быстренько разберется и вернется к нему. Понимание, что она не вернется, настигло его внезапно, и он хорошо запомнил этот момент: он остановился посреди аллеи, будто врезавшись в стену, и мальчишка на роликовых коньках налетел на него и жалобно ойкнул. Это был подросток лет тринадцати, с бритой башкой и густыми насупленными бровями. Будь на его месте Ковригин, он покрыл бы хорошим подростковым матом взрослого раззяву, вставшего посреди аллеи, а этот только пискнул, потер ушибленное колено и рванул дальше по растрескавшемуся асфальту.

Но даже тогда он еще держался. И первый раз напился – уже осознанно, понимая, от чего бежит, – когда при неожиданной встрече в коридоре редакции увидел на ее лице не ожидаемое отвращение, а испуг. Лицо у нее стало несчастное и очень некрасивое, а он смог только ухмыльнуться фирменной улыбочкой кота Васьки и помахать рукой – мол, все нормально, мы же цивилизованные люди! Ничего не было нормально – это он честно сказал себе в тот же вечер, разбив пивную кружку и порезавшись осколком.

Но сегодня он выпил совсем немного. Разговор с Ленкиной мамашей, которая не смогла ему сказать ничего вразумительного, не выходил у него из головы. Что-то не нравилось ему в ее словах... В них была какая-то неправильность, но спяну он не мог сообразить, какая.

Он не врал ей, когда говорил, что пытается помочь ее дочери. У Васи в голове не укладывалось: как могла Лена перестать писать, когда он видел, как она менялась с каждой написанной книгой! Зажатая, пугливая девчонка, несчастная, стиснутая со всех сторон запретами, уходила прочь. Она даже улыбаться стала по-другому.

– Может, я и пьяный дурак, – пробормотал Ковригин, рассматривая обложку лежавшей на столе «Шотландской бродяжки», – но по доброй воле от такого дара не отказываются.

Он раскрыл книгу на первой попавшейся странице, и взгляд его упал на фразу: «Небольшой шрам на щеке в форме полумесяца, оставшийся после удара саблей, не слишком портил ее, и все же она предпочитала не поворачиваться к собеседнику правым профилем».

– Небольшой шрам, – бессмысленно повторил Ковригин. – На щеке. После удара саблей.

Еще первый раз, читая роман, он обратил внимание на этот шрам. В форме полумесяца. Если хорошенько подумать, вряд ли сабля могла оставить такой след.

– Без челюстно-лицевого хирурга не обойтись бы тебе, красавица, – сообщил Вася нарисованной на обложке героине. – Саблей, надо же! Если бы тебя саблей по щеке полоснули...

Он вздрогнул и замолчал. Ему вспомнилось, как Катюша Солина, общепризнанная красавица из бухгалтерии, рассказывала о собственном отчине, который много лет назад, допившись до белой горячки, полоснул ее по щеке ножом.

Ковригин торопливо начал листать страницы, ища нужное описание, и вскоре нашел его. «Черноволосая, высокая, похожая на княжну древних восточных кровей, Мари обладала вспыльчивым, но отходчивым характером. Она была проста душой, не очень образованна и сама, смеясь, рассказывала, что еле выучилась читать. Но отзывчивое сердце и красота привлекали к ней людей, хотя и не всегда тех, которых выбрал бы ее ангел-хранитель».

– Ха! Это ж Катька! – сказал Василий, слегка огорошенный.

Почему-то прежде он не задумывался над тем, что своих персонажей Лена списывает с реально существующих людей. Открытие, что авантюристка Мари – это переброшенная в прошлое бедовая Катюха, вечно влипающая в непонятные истории, насмешило его и одновременно озадачило.

«Может, она и меня описала?»

Он напряг память, вспоминая персонажей книг, но не смог обнаружить никого, похожего на себя. Зато без труда нашел главного редактора в образе свирепого пирата – и это превращение заставило его хохотать от души. Вчитавшись в начало второй главы «Амулета и короны», Вася по мелким деталям, переданным с фотографической точностью, узнал их общего приятеля, известного журналиста, человека едкого и склочного, – в книге он стал монахом. От точности подобранного журналисту образа у Василия брови полезли на лоб: он никогда не предполагал в Ленке такой наблюдательности. Но журналист и в самом деле был аскетом, хотя заметить это могли только близкие ему люди.

Ковригин почти протрезвел. Листая страницы, он выискивал новых персонажей и безошибочно опознал еще пятерых, причем далеко не всех по описанию внешности. Лене удавалось так точно схватить ключевые черты характера, что в паре случаев Вася догадался о прототипах по репликам героев – правда, это относилось только к последним книгам, действие которых разворачивалось в современной России.

– Вот, значит, что у нас делается... – пробормотал он, покачивая головой. – Ну, Ленка, ты молодец!

Однако состояние подъема и веселья от своего открытия вскоре сменилось в нем прежней мрачностью. «Ну и что такого в твоём открытии, что приблизило бы тебя к объяснению? – спросил себя Ковригин. – Если бы ты не напился, толстая жирная свинья, то на трезвую голову куда быстрее вспомнил бы о том, что в интервью она сама об этом говорила. Тоже мне, открыл Америку – оказывается, бывают писатели, которые умеют не только выдумывать героев, но и подбирать уже готовеньких!»

Он вспомнил предположение о том, что Дубровина случайно описала чью-то тайну и поплатилась за это. Если раньше оно казалось ему абсурдным, то теперь при ближайшем рассмотрении Ковригин понял, что скептицизм его был напрасен. «Почему бы и нет?.. Почему бы и нет! При ее наблюдательности вполне могла подглядеть что-то такое, чего остальные не заметили, а прочитавший узнал себя и очень расстроился». Что ж, это казалось вероятным. Но в таком случае искать, очевидно, следует что-то, связанное с преступлением.

Охваченный новой волной возбуждения, Ковригин сгреб к себе все книги и достал из ящичка тетрадь. Он листал романы, выписывал одного за другим действующих лиц и пытался примерить к ним маску жертвы либо преступника. Затем спохватился, что тайну можно толковать в куда более широком смысле, и стал просматривать текст внимательнее, надеясь обнаружить зацепку в любых отрицательных поступках героев.

Но его ждало разочарование. Герои и впрямь совершали плохие поступки, они убивали, крали, похищали детей, но оставались лишь бумажными фигурками, скачущими по вышитой ткани истории Лены Дубровиной. Озарение, которого самонадеянно ждал Ковригин, не приходило к нему, и он начал злиться.

Кто мог опасаться, что его узнают читатели книги? И чем могло грозить разоблачение? Он изучил эпизоды, в которых описывалось, как преступник задумывает свое злодеяние. Но сцена, в которой коварная Наталья Вербина покупает яд, чтобы медленно отравить им дальнюю родственницу, и все последующие, где она подсыпает отраву в пищу, никак не связывались в его голове с живыми людьми. Безвредная учительница химии из последнего романа гибла под поездом по вине своего сына, но Василий понятия не имел, кто прототипы этих героев. А что делать с заговором против министра из «Логова волчицы» (министр был взорван, но его жена с ребенком уцелели)?

Вдобавок Ковригину не давал покоя один вопрос. Если, сказал он себе, предположить, что Ленка и впрямь ухитрилась описать чье-то преступление – уже совершенное или только планируемое – и этот кто-то,

узнав себя, стал угрожать ей, то почему она не рассказала об этом ему, Василию? Положим, после их разрыва она не захотела ничем с ним делиться, но были и другие люди, к которым она могла бы обратиться за помощью, а Лена этого не сделала. Но самое странное заключалось в другом. «Зачем возможному преступнику нужно было запрещать ей писать книги?! Это же полная нелепость! Достаточно исключить один сюжет – скажем, продолжение линии Натальи Вербиной, кочующей по трем книгам, – и все».

– Е-рун-да! – вслух сказал Вася, потирая ладонью лоб, вспотевший от жаркой настольной лампы. – Такого не бывает. Не там ищите, дети мои, – обратился он к сонму поклонников, поддерживавших именно эту версию молчания Дубровиной. – И я вслед за вами.

И все-таки какое-то рациональное зерно в этой идее было, подумалось ему. Если зайти с другой стороны...

Он перевернул тетрадный лист и начал работу снова. Теперь Ковригин выписывал только значимых персонажей, по воле автора погибших насильственной смертью. Пройдя, будто с бреднем, первые две книги, Вася глянул на небольшой список и рассмеялся.

– Исследователь современного русского женского романа, – глумливо сказал он себе, подливая в стакан текилы. – Журналист, мать твою. Расследование затеял.

Ленкино лицо встало перед его глазами – то выражение облегчения, которое появилось на нем, когда она решила все ему рассказать в их последнюю встречу. Ковригин обругал себя за то, что не настоял тогда на своем, позволил ей уйти с матерью... Второй раз она не поддастся на его уговоры. Что-то было плотно заперто в ее душе – от всех, в том числе и от него.

– Ленка, дружок, чего же ты боишься?

Страх. Произнеся это слово вслух, Василий тут же понял, что он прав. Она боялась – кого-то или чего-то.

«Значит, все-таки угрозы...»

Но почему она молчала, если ей угрожали?

Он сердито отодвинул книгу, и та углом задела бутылку текилы, стоявшую на краю стола. Бутылка упала на пол, булькающая жидкость вылилась из нее на ковер, от которого сразу резко запахло. «Высушу его, – иронически подумал Ковригин, глядя на геометрический узор ковра, – и когда денег на выпивку не останется, буду лизать, как кот пузырек из-под валерьянки».

Разлившаяся текила вернула его мысли к герою одной из книг –

тренеру, завязавшему алкоголику, прототип которого был ему знаком. В «Небесном колодце» Николай Евсеевич носил имя Иван Трофимович и занимался не фигурным катанием, а конным спортом, но столь мелкие детали не играли роли. Ковригин познакомился с ним случайно, когда они с Леной встретили его, гуляя на набережной. После она рассказала, что он старый знакомый их семьи.

– Алкоголик? – недоверчиво переспросил тогда Вася. – И с детьми работает?

– Бывший алкоголик, – поправила она его. – И потом, уже не работает. Он устроился на ипподром – говорит, всегда любил лошадей. Там частные конюшни, за животными постоянно требуется присмотр. Я занималась у него в детстве, а потом мама помогала ему несколько раз, когда он был в особенно плохом состоянии.

Ковригин придерживался мнения, что бывших алкоголиков не бывает – бывают только сдерживающиеся. До поры до времени. Но возражать Ленке не стал – по ней было видно, что она с нежностью относится к этому пожилому усачу в кепке, радостно раскрывшему объятия, стоило ему увидеть бывшую воспитанницу.

Подумав, Василий встал и открыл ящик с рассортированными фотографиями. Ему не потребовалось долго искать, и вскоре он вытащил на свет божий снимок трехлетней давности – яркий летний день, размытые линии моста и перил, рябь реки и два лица на переднем плане: одно – женское, полуобернувшееся к фотографу, второе – мужское, смущенное. «Он не хотел фотографироваться, стеснялся, и я сделал лишь один быстрый снимок. Хороший, кажется, мужичок, хоть и потрепанный жизнью».

Бегло просмотрев книгу, Ковригин удостоверился в том, что верно помнил ее: по сюжету Иван Трофимович, крестный отец героини, после смерти близкого друга не выдерживает, напивается и, попытавшись сесть на коня, падает и сильно калечится.

Вася снова припомнил тот день, когда его познакомили с Николаем Евсеичем. Вспомнил дряблую, морщинистую шею, мешком свисавшую под горлом, потертую рубашку с пожелтевшими обшлагами, его старую машину, припаркованную возле дешевой шашлычной, и то, как радостно пожилой одинокий человек цеплялся за них, не давал им уйти, все рассказывая свои, интересные ему одному, новости...

– Напился и упал с лошади... – вслух выговорил Ковригин.

Им овладело предчувствие, что истина где-то рядом. «Как же его фамилия?.. Ленка называла мне ее, я точно это помню».

Ругая себя алкашом, пропившим все мозги, Вася напряженно пытался

вспомнить фамилию человека, которого видел один раз в жизни. У него была хваткая память на имена – еще в юности он освоил простой метод, позволявший запоминать их в привязке к обладателю, и много лет пользовался им автоматически при знакомстве с любым человеком.

Нужно вспомнить, как его зовут, этого бывшего тренера... Обязательно нужно вспомнить...

Закрыв глаза, уткнувшись лбом в руку, Ковригин постарался воспроизвести ощущения того дня. Фотография помогла ему – он помнил, как вскидывал камеру, как старался включить в кадр фрагменты моста, помнил негромкий голос Лены за своим плечом.

Мост... старик... Улыбка на его лице – сначала неуверенная, затем радостная, узнающая... Некрепкое рукопожатие...

Сосредоточившись, Вася пытался поймать тот солнечный день за хвостик луча, раскрутить до нужного ему момента. Всего-то ничего: собственная ассоциация при произнесении чужого имени; губы, складывающие слово; оседающее в памяти сочетание букв. Он был близок, он почти поймал этот день и теперь потихоньку вытягивал его из памяти, как рыбак вываживает крупную осторожную рыбу.

Мимоходом Ковригин подумал, что облик тренера сохранился в его памяти целиком, от стоптанных ботинок до усов. Со словами дело всегда обстояло хуже. Мысль его переключилась на школьную учительницу русского языка и литературы, которая любила Васю и оттого, стараясь быть объективной, относилась к нему строже, чем к остальным ребятам. Ковригину доставалось за прическу, за расхлябанность, за то, что он вечно все забывал и терял... «Ковригин! Опять твой мешок со сменкой валяется в физкультурном зале! Что он там делает, можно узнать?»

Вася усмехнулся. Точно, мешок со сменкой! Где только он не оставлял его! Как-то раз забыл в автобусе, и пришлось вечером идти в парк – денег на другую пару у его матери не было.

«Мешков», – четко сказал внутренний голос, и воспоминание о школе исчезло, словно закрыли дверь в комнату. Ковригин хлопнул ладонью по столу. Точно! Вот откуда всплыло воспоминание о школе – подсознательная память всеми обходными путями пыталась подсказать ему нужное слово. У старика под шеей был такой морщинистый кожистый мешок, что Вася, недолго думая, запомнил его именно по этому признаку. Мешков Николай Евсеевич.

Торопливо и при этом толком не отдавая себе отчета в том, что делает, Ковригин включил компьютер и ввел имя и фамилию старого тренера в поисковике. Первая же выпавшая ссылка привела его в архив новостей

районной газетки, где сообщалось об аварии: пьяный водитель, не справившись с управлением, врезался в ограждение дороги. К счастью, никто не пострадал, кроме самого водителя – его с переломами увезли в больницу.

Смутная идея забрезжила в Васином сознании. Он открыл книгу и снова перечитал тот отрывок, где говорилось о трагедии, случившейся с Иваном Трофимовичем. Будучи пьян, тот сел на лошадь, и она сбросила его.

Ковригин перевел взгляд на экран, где висела старая статья, написанная в обличительном духе. «Пьяный водитель, не справившись с управлением, врезался в ограждение».

Идея перестала быть смутной.

«Да нет, быть не может, – отверг ее Ковригин. – Ей-богу, так не бывает».

Идея никуда не уходила. Она сгустилась, как туча, и теперь могла быть выражена уже словами, а не ощущениями.

Ковригин подтащил к себе тетрадь, в которую были выписаны герои, потерпевшие от чьих-либо действий. Персонажа, в которого по воле Лены Дубровиной превратился старый Мешков, там не было – Василий счел его недостаточно пострадавшим для того, чтобы внести в список. Теперь он написал его имя большими буквами над всеми остальными.

– Совпадение, говорите? – произнес Вася вслух. – Совпадение, значит...

Он поиграл этим словом, повертел его со всех сторон. Хорошее слово, оно все объясняет. Совпадения всегда все объясняют. Тем более всего один случай...

«А если не один? – спросил кто-то в голове Ковригина. – Тогда все становится куда занимательнее».

Глава 10

– Собирайся, – сказала Марта, зайдя в Юлькину комнатушку. – Пару часов проведем в художественной лавке.

Юлька бросила взгляд в окно. Ветреный майский вечер звал гулять, вдыхать запахи весны, тревожиться непонятно о чем... «Что еще за новости с лавкой? Зачем? Куда?»

– Не стой, как осоловелая тетеря, голубушка моя! – прикрикнула старуха. – Шагом марш в комнату, двадцать минут тебе на сборы. И чтобы выглядела прилично – там будут мои знакомые, не вздумай меня опозорить.

– А что надеть, Марта Рудольфовна?

Старуха ненадолго задумалась.

– Надень платье-«колокольчик». И возьми блеск, которым я тебя мазала в последний раз.

Когда они вышли и ветер вихрем пронесся рядом с ними, взъерошил волосы, по-хулигански запустил озорную теплую руку под подол и за шиворот платья, Юлька даже глаза прикрыла от удовольствия. Старуха остановилась, щелкнула замочком зеленой крокодиловой сумочки, достала крошечный граненый флакон с заостренной крышечкой.

– Возьми, открой. Да осторожнее, не пролей.

Юлька подергала крышечку из стороны в сторону, затем потянула вверх, и из откупоренного флакончика донесся незнакомый аромат.

– Можешь попробовать, – разрешила Марта. – Да не бойся, оставь немножко на запястье.

Желто-коричневая капля, расплзшаяся на коже, пахла увядшей розой, подгнившим сеном и чем-то еще, вроде шкурки хищного зверька. Правда, Юльке не довелось нюхать шкурок хищных зверьков – не считать же за них домашних толстопузых котов, охотящихся на очередную котлету из сковородки хозяина, – но ей казалось, что сравнение верно передает ощущение от аромата. Запах был совсем не похож на те туалетные водички, которыми когда-то пользовалась она сама, – веселенькие, свежие, цветочные.

Юлька еле сдержалась, чтобы не поморщиться, и когда Конечкая сказала, что передумала пользоваться духами, обрадовалась – не хватало еще, чтобы от старухи разило такой вонючкой. Но в такси, когда запах разошелся, она обнаружила, что принюхивается. Запах был чудным, непривычным. Даже одна капля мигом пропитала ароматом всю одежду, и

Юлька сидела в шлейфе духов Марты Рудольфовны, словно в чужом нижнем белье. «Надо же – от меня пахнет, как из склепа, где похоронили престарелую любовницу графа вместе с ее любимой кошечкой. Но мне это нравится».

Такси остановилось возле ограды, за которой виднелся трехэтажный оштукатуренный особняк, белый, с красной дверью, во дворе которого стояло всего несколько машин. Заходящее солнце отсвечивало в верхних окнах. Место было тихое, спрятавшееся за высокими кирпичными домами-великанами, отгораживавшими его от шумных дорог.

– Заезжать не нужно, мы дойдем пешком, – распорядилась Марта.

Возле поста охранника она что-то сказала, и ворота открылись.

– Художественная лавка? – недоверчиво спросила Юлька, проходя мимо охраны и оборачиваясь на скрип закрываемых ворот. – И много в ней покупателей?

– Сегодня – только мы, полагаю. Кстати, я представлю тебя как внучку своей подруги, если ты не возражаешь. Признаться, что возишь с собой домработницу, – значит шокировать местную чопорную публику, а я не хочу излишнего эпатажа.

Юлька замедлила шаг, думая, как ей отнестись к этой новости, но ничего не придумала и торопливо догнала Марту. Слова о чопорной публике заставили ее насторожиться, и она остро ощутила, как глупо смотрится в своем голубом платье-«колокольчик», накрашенная давно вышедшей из употребления косметикой старухи, с дурацкой стрижкой на голове. Сама Конецкая в широких брюках и черной блузе, сколотой под горлом посверкивающей алой брошью, казалась престарелой герцогиней, решившей осчастливить своим визитом менее знатных родственников.

Возле деревянной красной двери, оказавшейся неожиданно простой, с облупившейся краской возле блестящей медной ручки, они остановились. Конецкая окинула Юльку долгим взглядом, и та внутренне сжалась, ожидая очередного саркастического замечания, которое уничтожит остатки ее гордости за себя и свое преображение. На ум ей пришла акула, лоскутом снимающая кожу с незадачливого ныряльщика. «Куда я только сунулась?! Черт, мне не хватит сил довести дело до конца».

– Должна отметить, что ты хорошо выглядишь, – с непривычной мягкостью сказала старуха. – Мои уроки пошли тебе впрок. В тебе даже – кто бы мог подумать! – появилось нечто, похожее на чувство собственного достоинства. Вот что осанка делает с женщиной.

У Юльки отвисла челюсть.

– Боже, нет! – испугалась Марта. – Только не открытый рот! Дорогая,

ни одну девушку не может украсить открытый рот, если только она не заливается смехом. Кстати, со смехом тоже нельзя перебарщивать, хотя у тебя, нужно отдать должное создателю, он довольно приятен.

– Вы меня похвалили, – выговорила Юлька. – Не могу поверить!

Конецкая пожала плечами.

– Ты это заслужила. Я всегда говорю тебе правду, пора бы уже привыкнуть. Толкни дверь – должно быть, ее уже открыли.

Зарумянившаяся от ее слов, охваченная желанием вести себя так, чтобы удостоиться еще одной похвалы, Юлька поднялась по лестнице за Мартой Рудольфовной и вошла в просторную мансарду, залитую вечерним светом. Такой и увидел ее Роман Мансуров, готовившийся встретить одну только старую ведьму, а вместо этого обнаруживший рядом с ней ангела.

«Как прост рецепт... Коктейль из нового аромата и платья приправить томлением весны, добавить чуточку уверенности, насыпать горстку одобрения... К месту рассказанная история, будоражащая воображение двадцатилетней девочки, – и вуаля, мадам и месье, можно дегустировать!

Он опешил, конечно же... Первый раз за многие годы я увидела Рому растерянным, не знающим, что сказать и сделать. Разумеется, в конце концов он взял себя в руки, рассыпался перед ней в комплиментах, но, нужно отдать ему должное, быстро понял, что это все не то, что с ней это неуместно. И тогда сменил тактику. Водил ее по мастерской, делая вид, что разговаривает с нами обеими, показывал картины, а она, маленькая дурочка, смотрела на него такими глазами, что моему маленькому *petit diable*, сидящему за левым плечом, оставалось только довольно потирать лапки.

Мне все удалось. Внезапная блажь с визитом к ортопеду выглядела вполне естественной, и, кажется, даже Мансуров ни о чем не догадался. Как и Кристина, вошедшая четверть часа спустя после моего возвращения якобы от врача и обнаружившая прелестную троицу, такую живописную, совсем в стиле полотен ее мужа: старую развалину, брюнета с лицом героя и маленькую девочку в голубом, тоненькую, просвечивающую, словно эльф.

Я поняла по ее лицу, что она не узнала замарашку, ревущую возле кафе, – не узнала даже тогда, когда я напомнила ей о пари. Как недоверчиво она рассматривала ее, удивленно расширяя глаза, и как великодушно признала мою полную победу! Если бы она знала, к чему я иду, то вряд ли сохранила бы свое великодушие.

Вот только одно тревожит меня... Грусть, которую я ощущаю, глядя на

эту девочку, не входила в мои планы. Моя нежданная находка – пластичная масса, из которой мне вполне по силам слепить то, что требуется. В меру податлива, управляема и предсказуема. Никакого внутреннего стержня. Или я ошибаюсь?

Как она обрадовалась, когда я похвалила ее, чтобы она держалась *при нем* раскованнее. Как засияла, преобразилась, расцвела недоверчивой благодарностью. А затем отыграла свою роль как по нотам – не напрасно же я готовила ее в течение последних месяцев! „Умница Марта“, – так говорил мне последний муж, и он был совершенно прав.

Сегодня я сделала большой шаг, почти гигантский. Дальше придется ступать осторожно, семеня, как балерина, чтобы не испортить то, что так удачно складывается по моей воле».

«Невероятно!»

Юлька закружилась по комнате, подняв руки вверх, воображая себя танцовщицей. Но тут старый шкаф, неодобрительно наблюдавший за ней, исподтишка выставил угол, и она, конечно же, врезалась в него.

– Ой-ей-ей!

Здрав подол, Юлька, морщась, рассмотрела место удара. Синяка пока не было, но она чувствовала, что быть ему синим, с лиловой каймой, в тон ее платью, которое с этого вечера она решила считать счастливым. Подумав о прошедшем вечере, она тут же выкинула из головы синяк и перестала сердиться на шкаф.

Потому что именно в нем, в этом счастливом платье, она встретила Его! Юлька поднесла к лицу запястье, втянула в себя слабый аромат, витавший над кожей. Теперь этот запах будет связан с их встречами, разговорами, его улыбкой... « Попрошу старуху, чтобы она разрешила мне взять духи еще раз. Нет, не разрешит! Возьму без спроса».

Они провели у Мансурова в мастерской почти три часа! Точнее, она провела, потому что вскоре после их прихода Конецкая спохватилась, что забыла зайти к какому-то удивительному специалисту, делавшему обувь ей на заказ и жившему по соседству. Заохала совершенно по-старчески, и на миг Юльке даже стало жаль ее, особенно когда она бросила взгляд на старухины ноги, костлявые, в замшевых ботинках.

Она уже решила, что сейчас им придется уйти, и от этого всю ее жалость смыло в одну секунду, но тут как-то само собой сложилось, что Марта Рудольфовна пойдет одна и вернется буквально через двадцать минут. «Нет-нет, не нужно меня провожать!» Они с художником настаивали, но старуха обиделась – кажется, заподозрила, что к ней

относятся покровительственно. И в итоге укывляла, а они с Романом остались вдвоем.

Господи, как он на нее смотрел! Она, конечно, запомнила его лицо по тем фотографиям, что показывала ей Конечкая, но в жизни он оказался еще лучше. В густых волосах у него заплелась седина, в уголках глаз были мелкие-мелкие морщинки, делавшие его мужественное лицо добрее. Художник! Талантливый художник, которого знает вся Москва! Ну хорошо, пусть не вся, а только образованная Москва, просвещенная Москва, к которой сама Юлька благоразумно себя не относил.

Она не запомнила, о чем они говорили так долго – почти весь вечер. В памяти осталось чувство полета и нереальности происходящего, пока они были вдвоем, которое не нарушилось даже с приходом Марты Рудольфовны. Зато реальность громко заявила о себе, когда в мастерскую поднялась миниатюрная женщина с голубыми глазами, тонкими руками и такими крошечными пальчиками, словно ее недавно превратили из мышки в женщину, и превращение завершилось не до конца.

– Кристина, моя жена, – познакомил их Мансуров, и тут Юлька поняла, что все происходящее с ней – взаправду.

Только в грубом реальном мире у невозможно прекрасных художников могли существовать маленькие жены с невинным и в то же время внимательным взглядом. С одной стороны, это не могло не огорчать. С другой, свидетельствовало о том, что у ее так внезапно начавшейся сказки может быть продолжение! Жена была старая, наверное, лет тридцати пяти, а может, даже и сорока – Юлька знала, что к такому возрасту люди уже не умеют любить и от их семейной жизни остается только добротная привычка. Когда Марта Рудольфовна увела Кристину «посекретничать», Роман даже не возражал, и он не посмотрел вслед жене «долгим взглядом», как пишут в женских романах, – а это означало, что он к ней равнодушен. Вместо этого он посмотрел на нее, Юльку! И сделал ей такое предложение, от которого она потеряла дар речи...

– Что?! – ахнула Кристина. – Портрет?!

Роман нахмурился, отвел взгляд, пытаясь скрыть смущение. Собственно, ничего такого, из-за чего стоило бы ахать, в его словах не заключалось. Он всего лишь упомянул мимоходом, что собирается написать Юлин портрет – он уже мысленно видел его и чувствовал знакомое лихорадочное нетерпение перед работой, которое последние годы совсем не приходило к нему.

– И с каким же букетом ты собираешься ее писать?

Он удивленно вскинул брови и посмотрел на жену так, чтобы она поняла – вопрос крайне неуместен. Хотя в действительности уже знал, что у Юли в руках будут ландыши – тонкий, хрупкий цветок, воплощение поэтичности. Нежный, как она сама.

– Пока не решил.

Кристина быстро заморгала и отвернулась. Роман огорченно посмотрел на нее, хотел сказать что-то утешающее, но взгляд споткнулся на косточках бюстгальтера, пропечатавшихся под тонким платьем, и Мансуров промолчал. Его оскорбляли подобные бросающиеся в глаза свидетельства принадлежности жены к полчищу глупых женщин, пользующихся лифчиками.

У этой девочки, мечтательно вспомнил он, такой стеснительной и одновременно естественной, маленькая грудь прорисовывалась под платьем, не скованная никакими лишними деталями туалета. Ножки с тонкими щиколотками, узкие плечики с выпирающими даже из-под ткани ключицами – она была такая трогательная, такая неземная... О ней хотелось сказать «бестелесная». Кристина, конечно, очень хороша, но нужно смотреть правде в глаза: у нее уже нет той свежести и прелести юности, которая подкупала его в женщинах. И еще эти дурацкие косточки бюстгальтера...

– Я хочу присутствовать при ваших сеансах!

Он раздраженно посмотрел на жену – она оторвала его от приятных мыслей.

– Зачем? Ты же знаешь, я не могу работать, когда рядом посторонние.

– Посторонние?! Быстро же я стала для тебя посторонней!

– Кристина, ради бога! Ты ведь понимаешь, что я имею в виду.

– Нет, не понимаю! Объясни, пожалуйста!

Он давно заметил, что когда она злится, в ней появляются черты матери – бесформенной колоды с глупым лицом. Это даже пугало его.

– Надеюсь, ты не ревнуешь? Просто смешно...

– Смешно, что ты, как стареющий плейбой, ухватился за первые юные ножки, которые появились в пределах досягаемости!

Кристина выпалила фразу и тут же пожалела об этом. С упреком, но без злости покачав головой, муж отвернулся, и она почувствовала стыд. До чего она опустилась – до мещанских оскорблений! А Роман всегда бежал от пошлости мещанства. Нет, она испробует другой способ.

Кристина подошла, прильнула к его широкой спине.

– Прости меня! Ты же знаешь, как я люблю быть рядом с тобой, что бы ты ни делал!

Он выдержал паузу, обернулся, проникновенно взглянул на нее:

– Знаю! Но есть то, что выше наших с тобой желаний.

И указал на холст. Это действовало всегда, должно было подействовать и сейчас – против такого сильного приема у нее не было аргументов.

Судя по тому, как вытянулось ее лицо, их не нашлось и в этот раз. Конечно, ведь он апеллировал к тому, чего она была лишена, – к миру творчества! К тонким материям, требовавшим, чтобы он отдавал им себя без остатка.

Впрочем, Мансуров не был циником и искренне верил в то, что сказал жене. И хотя вслух скромно называл себя лишь работоспособным ремесленником, мысленно всегда говорил «мое творчество», ибо знал себе цену.

Критики смеялись над ним: смеялись и много лет назад, когда он был малоизвестным художником, смеялись и после, когда успех уже прочно сопутствовал ему. Завистники называли его поставщиком розочек, намекая на то, что на всех своих портретах он неизменно писал женщин в цветах. Кто-то из неумных журналистов после первой большой выставки написал о нем высокопарную статью, назвав Мансурова трубадуром женственности. Прозвище пристало к нему, и Роману доводилось слышать за спиной насмешливое: «Гляньте, трубадур со своей трубадурой!»

Он знал, что завидовали всему: его успеху у женщин, наградам, его выставкам. «Певец ширпотреба» – это было лишь одно из оскорблений, которым его награждали. Но, к счастью, хорошенькие дамы не слушали критиков: им нравилась манера Мансурова, такая реалистичная и в то же время льстившая им. «Мансуров проникает в тайники женской души, – написал о Романа толстый художественный журнал. – Его портреты – это квинтэссенция любви, нежности и восхищения Женщиной. Может быть, в наше время они кажутся незатейливыми, но эта простота искупается искренностью настоящего Художника и Прекрасного Человека».

За эту статью Мансуров тоже поплатился – насмешки над «Прекрасным Человеком» были жестокими. Намекали, что текст написал сам Роман, но это была неправда: он всего лишь заплатил журналистке. Ему хотелось наконец прочесть о себе правду, и он ее прочитал.

Что бы ни говорили вокруг, женщины любили его бескорыстно – чувствовали, что он преклоняется перед ними. Он был такой добрый, нежный, понимающий, готовый бесконечно слушать их истории, ждущий, чтобы ему излили душу. И при этом фантастически красивый! Если бы Мансуров рассказал, что из приписываемых ему десятков романов у него не было и трех, ему бы не поверили. Но это была правда.

Он никогда целенаправленно не искал плотских отношений с женщинами. Одна из них, обнаружив, что Роман не собирается, как она ожидала, соблазнять ее и уводить из семьи, в ярости обозвала его импотентом. Мансурова это даже не задело. Да, он не видел смысл своей жизни в том, чтобы совокупиться с как можно большим количеством красивых женщин, несмотря на то что, видит бог, вокруг него они вились, как бабочки. Сам Роман называл свой темперамент нордическим, хотя ему потребовалось некоторое время на то, чтобы приучить жену считать его сдержанность нормальной, – поначалу Кристина была ненасытной настолько, что это его утомляло и даже пугало. Все-таки люди – не кролики! Они – творцы (во всяком случае, он сам)! К счастью, после года супружеской жизни она угомонилась.

Роман искренне любил ее, и Кристина об этом знала. Он так красиво добивался ее! Знакомые, слышавшие историю их любви, рассказывали ее своим друзьям: женщины – с придыханием, мужчины – со скрытой завистью, замаскированной под насмешку. Они-то были не способны на такие жесты! А вот он способен. Он и не на такое был бы способен ради своей музыки.

Потому что Муза была Мансурову необходима. Что-то случалось с ним, когда он видел женщин определенного типа: маленьких, худеньких, как мальчики,двигающихся с неуклюжей грацией, стриженных так, что взгляду открывалась тонкая шейка со всеми ямками-впадинками, хрупкими птичьими косточками. Роману хотелось бесконечно запечатлевать их как воплощение гармонии на земле. Он работал до изнеможения, брался за любые заказы и успешно завершал их – а все потому, что в каждой позировавшей даме ему виделась та единственная, что воздействовала на него как катализатор, запускающий химический процесс.

Они были редки, эти женщины – крупницы бесценного сокровища среди однообразного шлака модельного вида. За всю его жизнь Мансурову встретились всего три таких. И, что самое неприятное, они имели склонность к быстрому старению. Кристина, пленительная Кристина, всего четыре года назад похожая на резвого шалуна-пажа, на его глазах неумолимо расползалась, превращалась в дамочку, стриженную слишком коротко для ее начинающего оплывать лица. Из-за этого он писал все хуже и хуже и сам видел с подступающим ужасом, что во всех его портретах вместо неземного создания проглядывает эта дамочка с намечающимися брылями. За последние полгода он не создал ни одной картины.

Мансуров пришпоривал свое воображение, вслух говоря, что это временно, что ему лишь нужен перерыв, а затем он снова вернется к

работе... Но скрывать правду от самого себя было бессмысленно. Его муза уходила все дальше и дальше, и Роман уже предвидел то время, когда у него останутся лишь воспоминания о счастливом периоде его творчества, полном света, красок, цветов и прекрасных ликов, создаваемых им на холстах.

И вдруг – подарок судьбы! Кто бы мог подумать, что старая тощая язва – злость высушила ее тело, но питала ум и душу, если только последняя у нее имелась, – вздумает привести к нему внучку своей приятельницы! Не иначе, захотела похвастаться знакомством с прославленным московским художником. Поначалу он недоверчиво отнесся к ее желанию посмотреть картины и полагал, что старуха выкинет какой-нибудь финт. Она его терпеть не могла, хотя и скрывала это под ледяной насмешливой вежливостью. От нее можно было ожидать чего угодно – но не такого сюрприза!

И что же – теперь отказаться от него? Только из-за того, что Кристина чувствует себя обделенной его вниманием? По губам Мансурова пробежала усмешка. Не могла же она всерьез рассчитывать на то, что будет всю жизнь его вдохновлять?! Он – художник! Он лучше знает, что ему нужно.

А ему нужна эта девочка-веточка, девочка-подросток, юная принцесса с такими глазами, словно ее лишь недавно расколдовали от долгого сна. Юля, Юленька, Юлька.

Ника Церковина возвращалась с прогулки, держа ротвейлеров на поводках – рядом с домом вечно крутились хозяева мелких крысopodobных собачонок, которые поднимали визг, стоило им заметить ее псов. Ника старалась не обращать на них внимания, хотя вопли о намордниках раздражали ее. «Спустить бы на них Весту! Мигом поутихли бы, старые пердуны».

Возле подъезда ошивались двое мужчин, в одном из которых она со смешанным чувством удивления, радости и досады на себя за то, что не оделась поприличнее, узнала сыщика, заходившего к ней несколько дней назад. Ей нравились подобные мужчины – крупные, сильные, матерые, с таким взглядом, словно по ночам они превращаются в волков... Когда-то у Ники был парень из тех, кого Юлька презрительно называла «рабоче-крестьянскими выкидышами». Не сказать чтобы он хорошо трахался, но в чем, в чем, а в неутомимости ему было не отказать.

Ника торжествующе улыбнулась про себя, подходя ближе. Значит, он все-таки вернулся... Фригидная тощая Юлька, у которой были проблемы с парнями, всегда завидовала ее сексуальным флюидам, хотя вслух и

уверяла, что никаких флюидов нет, а просто она, Ника, неразборчива. Ха-ха! Вот тебе и нет флюидов. «Утрись, Юленька», – мысленно обратилась Ника к бывшей подруге и тут поняла, что второй мужчина пришел вместе с Сергеем.

Она сразу отметила, что он совершенно не в ее вкусе, хотя и хорош собой. Недостаточно высок, к тому же худой – мускулатуры явно не хватает. То ли дело Сергей с накачанным телом – она видела его бицепсы под майкой, когда он расспрашивал ее о Юльке. И одет парень простовато: линялые джинсы да рубашка навывпуск. Но глаза серые, красивые, морда обаятельная, и вид такой... породистый, что ли. Чем-то он смахивал на иностранца, давно ассимилировавшегося в России, но сохранившего неуловимый налет принадлежности к другому миру.

– Привет! – Сергей улыбнулся, шагнув ей навстречу. – А я тебя жду. Познакомься – это Макар, мой напарник. Ника, у нас к тебе дело.

За час до того, как отправиться к Церковиной, он второй раз выслушал инструктаж Илюшина. И второй раз подумал, что у них ничего не получится. Не говоря о том, что вся затея не имеет смысла, потому что Макар, как обычно, сделал странные выводы из ничего.

В этом месте своих печальных размышлений Бабкин остановился, потому что вынужден был откровенно признать: за способность делать странные выводы из ничего Макару стоило бы давно вручить какой-нибудь ценный приз, потому что удивительное свойство его прозрений заключалось в том, что в девяти случаях из десяти они оказывались верными. Объяснить это логически Сергей не мог. Принять на веру объяснение Илюшина («Поверь мне на слово, мой недоверчивый друг, – скромно говорил тот, – я гений сыска. Уникум») он тоже не мог, потому что бывали случаи, когда Макар все же ошибался. Оставалось только следовать его указаниям, ругаясь про себя и проникаясь уверенностью, что на этот раз Акела все-таки промахнулся.

– Уговаривать ее будешь именно ты, – тем временем объяснял Илюшин. – Судя по твоему рассказу, ты ей понравился. Но не дави на нее ни в коем случае, ясно? Она должна чувствовать себя в полной безопасности и считать, что это ее решение.

– Макар, Церковина нас даже на порог не пустит! Ты бы разрешил постороннему человеку обыскивать твою квартиру?

– На определенных условиях – разрешил бы. Именно это нам и нужно сделать – создать такие условия для девушки. Мотив, понимаешь?

Сергей тяжело вздохнул. Чертовски нелепо себя чувствуешь,

собираясь очаровывать молоденькую девушку с сонными глазами и пухлой нижней губой.

– Уверен, что мы ничего там не найдем.

– Может, и не найдем, – не стал возражать Макар. – Но мы должны попробовать.

И вот они пробовали. Объяснить Нике, зачем они собираются обыскать ее квартиру, оказалось сложнее всего: как и предполагал Илюшин, она заинтересовалась причинами куда сильнее, чем самим фактом обыска.

– Что спрятала? – недоверчиво спросила девушка, разглядывая Бабкина.

– Мы не знаем, что, – признал тот. – Возможно, то, что могло бы ей помочь...

– Я предполагаю, что оружие, – перебил его Макар, и Сергей едва сдержал удивление: эту версию он услышал впервые.

– Оружие?! – Ника перевела взгляд на Илюшина. – У меня дома?! Да вы что! Я бы его нашла.

– Оно может быть укрыто очень хитро. Вы даже не представляете, какими изобретательными бывают люди, прячущие улики. Вы ведь не моете крышку унитаза изнутри, правда? Вот видите! А это весьма популярное место у тех, кто желает спрятать оружие.

Бабкин признал, что Макар чертовски убедителен. В его интонациях в правильных дозах сочетались заинтересованность в успехе, желание помочь Нике и обеспокоенность тем, что у такой милой девушки в унитазе может плавать пистолет, завернутый в целлофановый пакет.

– Если я прав, из этого пистолета убили человека, – добавил Илюшин, и это небольшое замечание окончательно решило дело: Ника дернулась, словно увидев змею, и на лице ее появилось отвращение.

– А в милицию позвонить не нужно? – жалобно спросила она, глядя на Бабкина.

– Обязательно, – заверил тот. – Но только после того, как мы найдем оружие.

Самым сложным оказалось начать поиски по-настоящему. Сергею не раз доводилось обыскивать квартиры – прежде, когда он работал оперативником, – но сейчас ему мешали собрату присутствие девушки и подспудная уверенность в том, что догадка Макара не стоит ломаного гроша. Они зря тратили время.

Выручил его снова Илюшин. Протиснувшись мимо напарника, перегородившего проход, он окинул взглядом коридор и повернулся к Нике:

– В какой комнате жила Юля?

– Здесь. – Девушка указала на дальнюю дверь.

– С нее и начнем.

Полтора часа поисков ничего не дали. Поначалу Ника рвалась им помогать, однако быстро скисла и села на пол в углу, наблюдая за их действиями. Но прежде она сходила в туалет и убедилась, что в бачке нет пистолета. После этого ее испуг заметно уменьшился, и теперь на лице было написано мрачное недовольство.

Бабкин обыскивал комнаты по квадратам, Илюшин – по какой-то одному ему понятной схеме. В бывшей Юлиной комнате – вытянутом помещении с большим окном – было немного мебели: диван, книжный шкаф, стол да пара стульев, но Ника завалила ее тем, что Сергей про себя называл бабским хламом. Пыльные игрушки, открытки и рамки для фотографий, одежда, которую Церковина даже не попыталась убрать... Бежевые атласные портьеры не подходили к прочей обстановке, да и к самим окнам – слишком длинные, они пыльными волнами лежали на полу.

– Скажите, где хранятся вещи? – спросил у девушки Илюшин.

Она молча указала на огромный шкаф с раздвижными дверями, стоявший в коридоре. По ее взгляду Сергей догадался, что вряд ли им дадут обыскать шкаф, и тяжело вздохнул.

По истечении второго часа ему захотелось спросить у Макара, что же все-таки они ищут, но при Церковиной он не мог этого сделать. Они осмотрели комнату, где останавливалась Юля Сахарова, спальню Ники, ванную, туалет и перешли в кухню, но по неуловимым признакам Бабкин видел, что Илюшин теряет уверенность в успехе. Псы ходили за ними по пятам, тыкались слюнявыми мордами в ноги, и Сергей чувствовал себя крайне неуютно под пристальным взглядом черных собачьих глаз. В конце концов он стал ощущать себя неуютно и под Никиным взглядом – девушка начала проявлять недовольство, и он не мог ее осуждать за это: кому понравится, что два незнакомца роются в твоих вещах, разыскивая неизвестно что. «Интересно, сколько раз она уже пожалела, чтопустила нас в квартиру?»

– Думаете, там может быть пистолет? – резко поинтересовалась Ника у Илюшина, когда тот заглянул в маленькую белую сахарницу, стоявшую на самой верхней полке. – Или вам сахарку захотелось?

– Нет, не думаю, – серьезно ответил Макар, не обращая внимания на ее тон. – Но я не исключаю, что Юля оставила в вашей квартире что-то

другое.

– И что же? – вскинула брови Церковина, и Бабкину захотелось присоединиться к ее вопросу. – Кстати, с чего вы взяли, что она вообще у меня что-то оставила?!

«Странно, что ты не задала этого вопроса раньше, – мысленно сказал Сергей. – С него нужно было начинать».

– Поверьте мне на слово, пожалуйста, – попросил Макар.

Покосившийся на Церковину Бабкин увидел, что это предложение не вызвало у нее энтузиазма. Но она промолчала.

Кухня, туалет, ванная комната... Они торопились, начинали действовать небрежно. Мешали собаки, мешала Ника, которая неохотно отходила в сторону, когда ее просили. К тому же осмотр ее личных вещей они не могли провести – Бабкин чувствовал, что стоит им заикнуться об этом, и их немедленно попросят из квартиры.

Но ее терпение и без того было на исходе. После того как они бегло осмотрели гостиную, она не выдержала:

– Ну вот что! Мне с собаками нужно гулять! Вас одних я в квартире не оставлю. Так что простите, мальчики, но еще десять минут – и мы сворачиваем ваш... обыск.

– Хорошо, – послушно согласился Илюшин. – Еще десять минут – и сворачиваем.

Они не успели осмотреть кладовку, и Бабкин двинулся к ней. Но, оглянувшись, увидел, что Макар уселся на стул с задумчивым видом, и его расслабленная поза наводила на мысль, что именно так он и собирается провести последние отведенные им десять минут. Ника удивленно посмотрела на него, хотела съязвить, но сдержалась.

– В общем, я пока переоденусь, – сообщила она. – В мою комнату не заходите.

– Макар, в чем дело? – спросил Бабкин, как только она скрылась за дверью.

– Не мешай, я думаю, – отмахнулся от него Илюшин. – Неужели я ошибся? Но из твоего рассказа однозначно следовало, что...

Он замолчал.

– Макар, давай сворачивать эту пародию на обыск, – устало попросил Сергей. – Все, хватит. Мы и так...

– Конечно, она могла сделать это только в той комнате!

Бабкин замолчал на полуслове, потому что Илюшин поднялся с воодушевленным лицом.

– Серега, прости! – с искренним раскаянием сказал он. – Куча зря

потраченного времени, а все потому, что я забыл про уборку.

– Что еще за уборка? Макар, в чем дело?!

Последний вопрос Бабкин задал уже в спину Илюшину – тот резвым шагом направился к комнате, которую они обыскивали первой.

Войдя внутрь и остановившись посередине, Макар огляделся.

– Стол осматривали... – пробормотал он, – диван осматривали... Я бы предположил, что она использовала игрушку, но тогда не было бы и скандала.

Он обошел комнату, провел рукой под подоконником и достал платок, чтобы стереть пыль с пальцев. Провел платком по ладони и вдруг замер, сжав его в руках. Затем медленно обернулся и уставился в окно – во всяком случае, так поначалу решил Сергей, сочувственно наблюдавший за попытками друга найти непонятно что. Но уже в следующую секунду он понял, что ошибся: Илюшин подошел к портьеру, встряхнул ее, перевернул изнаночной стороной к себе и внимательно осмотрел. Не ограничившись этим, он подтащил стул, встал на него и принялся осматривать тяжелую пыльную штору там, где она крепилась к карнизу.

Бабкина охватило предчувствие, что все-таки они не зря пришли в квартиру Ники Церковиной. И тут же сверху раздался голос Макара, приглушенный плотной тканью.

– Есть! Нашел! Серега, тащи ножницы.

Когда Илюшин разрезал нитки, которыми к обратной стороне портьеры крепилось что-то маленькое, и спрыгнул вниз, сжимая в руке найденное, Бабкин возбужденно потребовал:

– Показывай! Что мы искали?

– Вот это!

Макар разжал кулак. На ладони у него лежала прозрачная пластиковая коробочка, в которой виднелся синий прямоугольник со скошенным уголком.

– Флешка?! – изумился Сергей. – Вместо обещанного пистолета?!

– Моя интуиция подсказывает, друг мой, что это значительно опаснее пистолета. Пойдем сообщать хозяйке, что наши поиски, к сожалению, не увенчались успехом, и извиняться за причиненные неудобства.

– Почему? – не понял Бабкин.

– Чтобы она не проговорила Сахаровой о том, что мы нашли ее секрет. Пусть Юля думает, что ее маленький тайник в целости и сохранности.

На обратном пути Сергей долго сдерживался, но в конце концов

вздохнул и повернулся к Илюшину, вертевшему в пальцах находку.

– Ладно, сдаюсь! Откуда ты знал, что Сахарова что-то спрятала в квартире Церковиной?

– На дорогу смотри. Это следовало из твоего рассказа об эпопее с ее поисками, и если бы ты пораскинул мозгами, то сам додумался бы до того, что Сахарова что-то прячет.

– Я пораскинул. Все равно не понимаю.

– Смотри: она скрывалась от отца и предупредила подругу, чтобы та ее не выдавала. Помнишь, когда к Церковиной приезжали головорезы Тогоева, Ника ничего им не сказала, хотя ей угрожали? Думаю, Юля провела с ней большую работу. Но скажи, зачем нужно скрываться от родного отца?

– Не хотела, чтобы он потащил ее обратно в родовой замок, – предположил Бабкин.

– Но он бы ее *не* потащил. Олег Борисович честно сообщил, что никаких теплых чувств к Юле не испытывает. И она знала об этом. Все, что ему требовалось, – это контролировать ее, чтобы дочь не подложила папеньке свинью. Но силой везти обратно – на это Тогоев вряд ли бы пошел. Значит, секретность была связана с чем-то другим.

Вертя флеш-карту в руках, Макар едва не уронил ее и спрятал в нагрудный карман.

– Кроме того, – продолжил он, – когда Церковина говорила тебе о ссоре с Сахаровой, она упомянула, чем была вызвана ссора. Помнишь?

– Какой-то ерундой, – нахмурился Бабкин. – Кажется, парня не поделили.

Илюшин укоризненно покачал головой.

– Серега, ты меня разочаровываешь. Нет, они поссорились не из-за этого. Напряги память и вспомни то, что ты сам мне рассказал.

Бабкин смутился. Черт возьми, у него действительно вылетело из головы то, о чем поведала ему Ника. Осталось только воспоминание о ее жадном взгляде.

– Они поскадалили из-за уборки, – сказал Илюшин, не дождавшись ответа, и Сергей прищелкнул языком: точно, как он мог забыть! – Юля возмутилась тем, что в ее отсутствие Ника убралась в комнату, которую она занимала. Когда я услышал от тебя об этом, мне подумалось, что предлог для ссоры кажется странным. Сахарова – неглупая девица, и она не могла не понимать, что целиком зависит от доброй воли своей подружки. Зачем пилить сук, на котором сидишь? А главное – из-за чего? Из-за того, что хозяйка выполнила грязную работу? Нет, здесь что-то не складывалось. Вот я и подумал: а что, если Сахарова вышла из себя не просто так, а потому,

что в комнате было нечто, не предназначенное для глаз Церковиной? То, что та могла обнаружить, убираясь в комнате. По всему выходило, что принести это «что-то» могла только сама Юля. Идея спрятать предмет в чужой квартире кажется странной только на первый взгляд, а если подумать, у нее есть масса положительных сторон.

– Что мешало Сахаровой взять карту памяти с собой?

– Страх, что ее будут обыскивать люди Тогоева, – незамедлительно ответил Илюшин. – Объяснить иными причинами ее поступок я не могу. То есть, конечно, есть другие варианты – например, она хотела подставить подругу, – но вероятность их я оцениваю как незначительную. Слишком убедительно все складывается в одну картинку. Смотри: Юля неожиданно уходит из дома – для этого не было никаких видимых причин – и направляется к подружке. У нее она ничем не занимается, при этом уверяет, что по ее желанию отец принесет ей все на блюдечке с голубой каемочкой. Так было сказано?

Бабкин кивнул.

– Откуда такая уверенность у молоденькой девушки, живущей за счет отца и до последнего времени подвергавшейся его насмешкам? Я насторожился еще тогда, когда ты упомянул об этом эпизоде. Сложи вместе внезапный уход Сахаровой из дома, запрет разглашать место своего пребывания, слова о том, что отец даст ей все, что она захочет, вспышку гнева из-за уборки в комнате в ее отсутствие, и в итоге ты получишь следующее: она украла что-то из дома отца – то, чем могла бы его шантажировать.

– Вот почему ты сказал о пистолете?

– Честно говоря, нет, – усмехнулся Макар. – Я лишь хотел подтолкнуть Церковину к правильному решению. Мало того, что я понятия не имел, что мы ищем – у меня было лишь подозрение, что это документы, – так еще и начисто забыл о ссоре из-за уборки. Если бы вспомнил о ней раньше, то сообразил бы, что остальные комнаты в квартире Церковиной обыскивать ни к чему.

Бабкин загнал машину на стоянку возле дома Илюшина, вынул ключ зажигания, и вдруг у него зародилось крайне неприятное подозрение, которое он тут же озвучил:

– Макар, а что, если карта принадлежит Церковиной? Мало ли по какой причине она ее спрятала...

– А вот это мы с тобой сейчас узнаем, – пообещал Илюшин, выбираясь наружу. – Пойдем посмотрим, что на ней записано.

Двадцать минут спустя Сергей отвел взгляд от экрана ноутбука, заложил руки за голову и откинулся в кресле, уставившись в потолок.

– Прекрасно, просто прекрасно, – сказал он. – Теперь я понимаю, почему Юля Сахарова сбежала из дома и спряталась от папаша. Если бы я был на ее месте, я бы тоже сбежал и прятался. Вот только какая нам польза от найденного? Хотя оно и взрывоопасно.

– Да, – согласился Макар, – бомбой назвать это нельзя, но гранатой – можно.

– Получи, фашист, гранату, как говорил кладовщик, выдавая немцам боеприпасы со склада.

– Только не из наших рук. Она нас самих взорвет, так?

– Так, – неохотно признал Сергей. – Нести это в прокуратуру я бы не решился. Не знаю, насколько у Тогоева длинные руки и дотянется ли он до следователя, которому поручат дело, но рисковать и проверять это не хочется.

Он покосился на ноутбук – Макар делал копию с документов, записанных на флеш-карте Юли Сахаровой.

– Зато теперь мы точно знаем, что эта штуковина принадлежит не Церковиной, а Сахаровой, – пробурчал Бабкин. – Интересно, где она ее взяла?

– Переписала с тогоевского компьютера, вот и все.

– Точно! – вспомнил Сергей. – Помощник Тогоева рассказывал, что накануне побега видел Сахарову выходящей из кабинета отца! Он тогда решил, что она искала деньги, но ничего не нашла.

– Возможно, так оно и было, но она увидела включенный компьютер и скопировала файл. Или включила его сама – хотела подстраховаться на тот случай, если когда-нибудь захочет повлиять на отца. Просто так использовать эту информацию Сахарова не решилась, оставила ее на крайний случай...

– Должно быть, понимала, что ее ждет, вздумай она его шантажировать. Вряд ли Тогоев оставил бы дочь в живых.

Бабкин вспомнил стену со следами от пуль, вспомнил звонок после покушения, и откуда-то от позвоночника, разливаясь по всему телу, пошла волна горячего бешенства. Он сильно, до боли, выпрямил и напряг пальцы, представляя, как кладет их на короткую толстую шею Тогоева и несильно сжимает, вдавливая в желтую кожу... Олег Борисович опрокинулся, черные глаза полезли из орбит, нашлепка гляцевых, как жучий панцирь, волос съехала набок, открывая мясистое ухо...

Илюшин нажал на флешку, вынимая ее из порта, и негромкий щелчок

заставил Бабкина опомниться.

– Надо ее спрятать, – сказал Макар, убирая карту в футляр. – И переходить ко второй части нашего плана.

– А у нас есть план? – изумился Сергей, отгоняя видение – задыхающегося Тогоева.

Макар насмешливо взглянул на него.

– Думаешь, мы действуем наобум? Когда я говорил о том, что противником Олега Борисовича станет кто-то другой, то уже предполагал, как будут развиваться события. А ты считал, что мы просто спрячем найденную информацию в дальний угол и постараемся сделать вид, что ничего не нашли?

– Я считал, что мы сами затеем с Тогоевым игру, раз уж к нам в руки попала такая карта... Смотри-ка, каламбур получился.

– Нет, мой опрометчивый друг, мы с тобой никаких игр затевать не будем, – покачал головой Илюшин. – Олег Борисович нас раздавит, как букашек. Я не готов удирать от нашего вспыльчивого заказчика, отстреливаться и лежать в окопах. Окопы – это не для меня. Нет, все должно быть сделано цивилизованно!

– Что значит «цивилизованно»? – нахмурился Бабкин, прогоняя вновь всплывшее воспоминание о чпоканье за спиной в холодном подъезде.

– «Цивилизованно» – значит чужими руками. Мы говорили о противниках... Протяни, пожалуйста, руку за моим телефоном. Там есть номер некоего Перигорского Игоря Васильевича. Помнишь такого? Помоему, пора ему о нас напомнить.

Глава 11

Стол был завален бумагами. Интервью, небольшие заметки, статьи... Их накопилось много, но большинство журналистов цитировали друг друга, попутно копируя куски из пресс-релиза издательства, либо задавали одни и те же вопросы, на которые получали одинаковые ответы. Листы, распечатанные Ковригиным – он терпеть не мог читать текст с компьютера, – один за другим отправлялись в мусорную корзину.

– Халтурщики!

Ковригин в сердцах стукнул кулаком по столешнице, и лампа, мигнув, выключилась, будто испугалась. Комната погрузилась в полумрак, в котором белела кипа бумаги на столе и синевато светился компьютерный монитор.

Кряхтя, Василий поднялся, нашел на кухне запасную лампочку и вернулся. На ощупь, обжигая пальцы разогревшимся стеклом, вывинтил перегоревшую лампу из патрона, отложил ее в сторону, вкрутил новую... И уселся, мрачный, подперев подбородок ладонью и щурясь от яркого света.

Он бродит в потемках. Придумал себе идею фикс, вцепился в нее, как бродячий пес в штанину прохожего, и не отпускает. А прохожий-то – призрачный! И не штаны он треплет, а гнилой капустный лист, воняющий прямо под его чутким собачьим носом. Он, Василий Ковригин, обманул самого себя, выдал натужную фантазию за реальную возможность, а все почему? Потому что упустил Ленку, идиот. И не может смириться с этим, все ищет, чем бы оправдаться, а сам прикрывается заботой о ней, чтобы, упаси бог, не признаться самому себе – профукал ты жизнь свою и свой единственный шанс профукал. Так и останешься одиночкой. Нет, ничего плохого, конечно: легкая холостяцкая жизнь без обязательств всегда ему нравилась. Но раньше у него был шанс попробовать что-то другое – теперь этого шанса не осталось.

Задумавшись, поедая самого себя, Василий почти машинально протянул руку к пачке статей. Пальцы вытащили из-под десятка распечатанных листов самый нижний, и буквально с первых строк Ковригин понял, что наконец-то ему повезло!

Разговор журналиста с писательницей Дубровиной сразу начался с выяснения вопроса о том, выдумывает ли она своих героев или списывает их с «живых людей». Это было стандартно – каждый интервьюер считал своим долгом спросить об этом, – но журналист оказался настойчивее

своих коллег и попросил привести примеры. «Героем моих книг может стать любой, – читал Василий ответ Лены, – например, в моем доме живет очаровательная девушка, которая каждое утро катается на роликовых коньках в соседнем парке. Я позаимствовала у нее внешность для своей героини Эльзы. Эльза живая, подвижная, и мне легче было описывать ее характер, когда практически перед глазами находился такой энергичный, жизнерадостный прообраз».

Эльза Гири, героиня книги «Логово волчицы», находилась в списке Ковригина, который он с черным юмором назвал «перечнем калек». Он записал напротив ее фамилии все, что узнал о прототипе, и отложил список в сторону. Пора было двигаться дальше.

Героев было много. Словно идя по дну мутного пруда с бреднем, Вася выискивал любые упоминания о ком-то из них, искал параллели, представлял, в каком образе Лена могла перенести в свою книгу того или иного персонажа. Иногда ему казалось, что он почти уловил ход ее мысли, влез в писательскую шкуру и смотрит на мир изнутри ее глазами.

Но каждый раз это оказывалась иллюзией.

– Только факты, – бормотал Ковригин, борясь с зевотой. – Только факты, вашу мать!

У него не было ничего, кроме неосознанного подозрения, связанного со схожестью литературной и реальной судьбы встреченного ими бывшего тренера. Но Василий искал подтверждение своей теории с таким упорством, как будто от этого зависела жизнь – его или Лены Дубровиной. Правда, он полагал, что второе верно: от результатов его поисков действительно многое могло измениться в ее жизни.

И в конце концов он нашел. У него ушли сутки на то, чтобы в разных источниках разыскать и сопоставить между собой скудные крохи информации. И улов на первый взгляд был ничтожно мал – один, всего один персонаж... Лишь один, о котором достоверно можно было сказать, что именно с него списала Дубровина свою героиню.

А всего их получалось трое.

Старый Николай Евсеич – Иван Трофимович из «Небесного колодца».

Девушка, о которой он прочел в интервью, – Эльза Гири из «Логова волчицы».

Учительница из школы, в которой когда-то училась сама Лена, – Вера Алексеевна из «Кошачьего глаза».

Каждый из них был в его «перечне калек». В романах Лены Иван Трофимович разбился при падении с лошади; Эльза находилась на судне, врезавшемся в скалы, и спаслась, но осталась калеккой на всю жизнь;

учительница погибла, попав под поезд.

– Завтра, – пообещал им Василий, неудержимо зевая и ощущая себя так, словно не спал несколько дней. – Завтра выясним, что с вами случилось здесь, на нашей стороне.

На нашей стороне, повторил он, засыпая. Понять бы еще, чья это – наша?

На следующий день он начал действовать. Задача казалась ему несложной: узнать номер школы, в которой училась Лена, было парой пустяков. «Если бы еще не отвлекаться на работу, дело пошло бы куда быстрее», – невесело пошутил он.

Но день складывался для Василия неплохо. После обеда он съездил в школу и, поговорив с секретарем – пожилой аккуратной девой, во время разговора без конца поправлявшей вязаную брошь на блузке, – получил список учителей, работавших в школе в те годы, когда там училась Лена. Сказать, кто именно преподавал в классе Дубровиной, секретарь не смогла, но Василию это и не требовалось: он вспомнил, что у него сохранился телефон парня, которого когда-то на вечеринке бог знает у кого Лена представила ему как своего бывшего одноклассника. Одноклассник был таким же разгильдяем, как сам Ковригин, и, помнится, тогда они неплохо провели время, смывшись с вечеринки и напившись в одном из баров на Полянке.

Ковригин позвонил парню, напомнил о себе и вскоре получил все требуемые сведения.

– Вася, а это тебе зачем? – под конец разговора спросил одноклассник. – Что, статью о Ленке хочешь написать?

– Вроде того, – отшутился Ковригин.

– Ты ж, кажись, по фотографической части?

– Расширяю горизонты. Пробую себя в разных ипостасях. Экспериментирую с материалом.

– Кстати, о материале и экспериментах! – оживился одноклассник. – Вася, как насчет «сегодня вечером»? Свободен?

Еле отбрыкавшись от предложения выпить, Ковригин снова поехал в школу, захватив по дороге букет мелких кустовых роз, и получил от секретарши директора фотографии всех учителей, преподававших у Лены.

Сопоставить «объект» с описанием оказалось куда сложнее, чем думал Василий, но здесь ему помогла профессиональная память на лица: просматривая старые портреты, он вспомнил, что эту женщину где-то уже видел, и, напрягшись, понял, где именно – в домашнем Ленином

фотоальбоме. Почти уверенный в том, что попал в точку, Ковригин все же сравнил изображение со словесным портретом, данным в книге. Оно подходило.

«Спасибо вам, дорогой писатель, за вашу привычку так подробно описывать внешность людей, – расчувствованно поблагодарил Василий Лену, представив ее на воображаемой встрече с читателями. – Если бы вы знали, как это помогает нам в повседневной рутине!»

Он ушел из школы, унося с собой имя прототипа героини, которая в последней книге Дубровиной была единственной жертвой.

С девочкой оказалось еще проще, хотя Ковригин подозревал, что здесь его ждут большие сложности. Но, повертевшись возле подъезда Лены, он разговорился сначала с коротконогим мужичком, выгуливавшим такую же коротконогую дворняжку, а затем с парой мальчишек, выкативших велосипеды во двор. Владелец дворняжки сообщил ему, что девочку видит по утрам – она живет выше его, а сам он на пятом. Мальчишки, услышав про ролики и «выше пятого этажа», дружно сказали: «Нинка! Она на восьмом, окна во двор выходят».

– А вам, это самое, зачем? – решил проявить бдительность один из велосипедистов.

– Я ее фотографировать буду для журнала, – ответил Василий с самым честным лицом. Ему хотелось поскорее отвязаться от мальчишек: Лена могла вернуться, застать его возле своего подъезда, а он не желал попадаться на глаза ни ей, ни ее матери.

– Зачем для журнала-то?

– А как же! Краса и гордость вашего дома, спортсменка на роликах... Обязательно нужно таких в журнал!

Он собрался уходить, решив, что получил от ребятни все, что ему нужно, как вдруг за его спиной басовито заявили:

– Только вы ее на роликах не сможете сфотографировать. Она на них больше не катается. Давно уже.

– Почему? – обернулся Ковригин.

– Потому что в больнице лежала, а потом ей мать запретила, – вступил второй мальчишка.

– В больнице – потому что упала, катаясь? – уточнил Ковригин, не веря своим ушам.

– Ага. Сюда даже «Скорая помощь» приезжала, я им двери держал! – похвастался первый. – Да вы не расстраивайтесь. Можете меня снять для вашего журнала!

Ковригин поднялся на восьмой этаж и долго звонил в квартиру девушки по имени Нина. Безрезультатно. Озадаченный, он сел на ступеньки и стал размышлять, что делать дальше. Пока Вася раздумывал, шахта лифта загудела, заскрипела, двери раскрылись, и невысокая, крепко сбитая скуластая девушка на вид лет двадцати двух вышла из лифта, потряхивая ключами. Заметив Василия, она вздрогнула и отступила назад.

– Здравствуйте! – Он вскочил, успел отметить спортивную куртку с капюшоном, кроссовки и подвернутые джинсы. – Нина?

– Ну. – Девушка исподлобья разглядывала его, и Василий обратил внимание, что связку она держит наготове: зажав в кулаке так, что самый длинный ключ выставлен между пальцев наружу.

– Нина, не пугайтесь, я журналист, – весело сказал он, доставая из кармана удостоверение. – Вы знаете о том, что стали героиней женского романа?

Нина Кудряш не знала о том, что писательница Елена Дубровина вывела ее в образе одной из своих героинь. Поначалу она отнеслась к Ковригину подозрительно, но продемонстрированное удостоверение, камера, а в еще большей степени добродушный облик Васи сделали свое дело, и хотя в квартиру его не пустили, беседа все же состоялась. На лестничной клетке.

– На меня наехал какой-то придурок, – пожаловалась она в ответ на вопрос Ковригина о травме. – Представляете, еду утром по парку, народу – никого, и вдруг из-за поворота вылетает парень в мотоциклетном шлеме!

– На роликах?

– Да, на коньках. Я на него посмотрела – надо же, думаю, так хорошо едет, а зачем-то шлем надел! Ну, знаете, шлем – это же защита... Он детям нужен. Нет, и взрослым, по-хорошему, тоже, только взрослые на это плевали. А мотоциклетный шлем на роллере – такое я вообще первый раз в жизни увидела. Так вот, этот роллер катится мимо и вдруг как вильнет в мою сторону! А у него, козла, еще и уклон был под гору... В общем, снес меня на полной скорости.

– А сам упал?

– Упал, конечно, как вы думаете! А я, как говорится, затормозила об дерево. До сих пор как вспомню, так рука болит – и локтем вмазалась, и ногами... На коленях защита спасла, наколенники, а вот локоть был ничем не закрыт. Таковую боль почувствовала, будто иглу в него со всего размаху воткнули! Потом врачи сказали, что я там все кости переломала. Я упала, лежу, кричу от боли, а эта сволочь встает и, даже не оглянувшись, уезжает!

Сбил меня – и уехал, можете себе представить? А я так обалдела от всего этого, что встала, до дома доковыляла на роликах, а там возьми да и бухнись в обморок. Вот папка-то испугался!

В голосе ее прозвучали торжествующие ноты, и Ковригин ни с того ни с сего решил, что ее отец хотел мальчика, а не девочку.

– «Скорую» вызвали, меня в больницу увезли... Месяц ничего делать не могла, руку загипсовали. А потом мать запретила мне кататься.

Она вздохнула, посмотрела на Василия с детской обидой.

– Не то чтобы запретила... Попросила. Чуть не плакала, манипуляторша несчастная. Пришлось согласиться. Теперь по утрам просто бегаю по парку.

– А того парня больше не видели?

– Если бы видела, то догнала бы и оторвала кое-что! Нет, не видела. Слушайте, а как вы узнали, что Эльза из книжки – это я? А?

Отделавшись от ставшей любопытной до назойливости девушки, Ковригин отругал себя за легенду, вызвавшую так много вопросов. Ему пришлось изобразить, что он записывает за Ниной, якобы стенографируя ее слова. Она не знала, что писательница Дубровина живет в одном подъезде с ней, и Василий не стал сообщать девушке об этом – ему вовсе не хотелось, чтобы при встрече роллерша рассказала Ленке о том, что к ней приходил веселый толстый журналист с большой фотокамерой.

На следующий день он отправился по адресу, найденному в пиратской базе адресов Москвы, – на западную окраину города. Найдя нужную улицу, Ковригин вышел из машины и обомлел.

Вокруг него был один из старых районов, которые грозились снести вчистую, да так пока и не снесли. Серые пятиэтажки выстроились квадратом вокруг двора, много лет назад засаженного деревьями. Ночью прошел дождь, и к утру деревья расцвели. Грушевое дерево вскипело белой пеной. Две рябины на детской площадке стояли, словно осыпанные прозрачно-белым конфетти, и земля под ними уже была усыпана лепестками. Черемуха возле машины Василия качала почти отцветшими, но все еще пахучими ветками.

В центре двора находился самодельный деревянный стол, вокруг которого собрались местные обитатели – человек восемь пожилых мужчин, игравших – Василий едва поверил собственным глазам – в шахматы. Среди них он заметил и Мешкова: наклонившись над одним из игроков, он горячо шептал что-то тому на ухо и водил пальцем над доской, а противник смахивал его ладонь, словно муху.

«Московский дворик», – подумал Ковригин, борясь с желанием срочно расчехлить камеру. Но снимать было нельзя – не за этим он сюда приехал. Может быть, потом...

И вдруг он понял, что совершает большую ошибку. Василий вынул фотоаппарат из кофра, сделал несколько пробных снимков, взглянул на экран... И медленно пошел по двору, то прицеливаясь, то опуская камеру, подолгу выбирая правильный ракурс, чтобы сфотографировать лепестки, упавшие на скамейку возле дома.

Ему не пришлось долго ждать. Когда он приблизился к играющим, его окликнули.

– Э-э, парень! – Старый дед с такой же белой, как грушевый цвет, бородой приподнялся, с любопытством разглядывая длинный объектив. – Чего ерунду снимаешь-то, а? Нас щелкни!

Вокруг засмеялись.

– С удовольствием, папаша! – бодро ответил Ковригин, и тут приглядевшийся к нему Николай Евсеич воскликнул:

– Э! Да я тебя знаю! Ну-ка поди сюда... Где ж мы встречались-то, а, елы-палы?

Дальнейшее было делом нескольких минут. Правда, Ковригину потребовалось преодолеть сопротивление остальных участников игры, требовавших, чтобы разговор велся при них, но Василий при желании умел быть очень убедительным. Вскоре они со стариком сидели на скамейке и вели разговор «за жизнь».

Навести Мешкова на нужную тему удалось не сразу: старик обходил молчанием то, что интересовало Ковригина больше всего. Почти отчаявшись, Вася уже собирался задать прямой вопрос, но тут бывший тренер услышал обращенное к нему громкое восклицание одного из игроков, сопровождаемое соответствующим жестом, и отрицательно помотал головой:

– Без меня, братва, без меня. Я человек, потерянный для общества, то бишь непьющий.

– Что, язва, Николай Евсеич? – спросил Ковригин, ухватившись за кончик этой ниточки.

– Не... Просто завязал. С концами. – И, чувствуя, что собеседник ждет продолжения, старик добавил: – Был один случай... Выпил всего ничего, а машину разбил и сам едва не покалечился. В общем, с тех пор ни капли.

– Расскажите, пожалуйста, что случилось, – проникновенно попросил Вася, решив больше не ходить кругами вокруг того, что ему требовалось. – Мне как раз такие примеры нужны. Для поддержания собственного

морального духа.

– А ты чего, употребляешь, что ли? – Бывший тренер настороженно взглянул на фотографа, подозревая насмешку.

Василий, не покривив душой, подтвердил, что употребляет, и был окончательно зачислен в «свои».

– Я ведь и до этого не пил, – поделился старик. – В смысле, до того случая. А тут принесла нелегкая одну знакомую...

Ковригин выслушал незамысловатую историю о том, как в гости к Мешкову внезапно нагрянула старая приятельница, которую он не видел несколько лет. Она привезла с собой в подарок бутылку эликсира – для поправки здоровья.

– Эликсир забористый оказался, собака! – говорил Николай Евсеич, вытирая губы тыльной стороной ладони. – Я и выпил-то немного, а чувствую – захмелел. Мне бы остановиться, а я все подливаю да подливаю. Под хороший разговор да закусочку знаешь как оно идет?! Эх! По лицу вижу, что знаешь.

Под конец встречи приятельница попросила подбросить ее до магазина. Бывший тренер к этому моменту соображал плохо, но не настолько, чтобы не понять: садиться за руль ему нельзя. Как его уговорили, он не помнил – так же, как и саму поездку. Осталось в памяти, что приятельницу высадил, а как домой возвращался – выпало из головы начисто.

– Вот помню только – столб на меня летит, а я удивляюсь: отчего он в воздухе? А потом – все, труба. Машина – вдребезги, остался я без моей ласточки на старости лет. Хорошо, что сам живой.

Возвратившись домой после разговора с Мешковым, Василий открыл последнюю книгу Лены Дубровиной на той главе, где описывалась гибель учительницы. Впервые за все время расследования, которое он сам пренебрежительно называл доморощенным, Ковригину стало не по себе.

– Старая уже бабулька, могла и сама умереть, – успокаивающе сказал он. – А может, еще жива. Вот это я и узнаю.

Бабкин остановил машину возле ворот. Через две минуты вышел охранник, постоял напротив них, сунув большие пальцы за ремень, и, вернувшись в свою будку, наклонился над столом.

– Номер наш записал, – подал голос Илюшин с пассажирского сиденья. – Сознательный.

– Помню я, какой он сознательный. Год назад мимо него можно было

отряд ОМОНа провезти. Если хорошенько накрыть рулоном мха^[5]. До сих пор, как вспомню, в носу щекочет.

Сергей пробежал взглядом по воротам и высокому трехметровому забору. На первый взгляд здесь ничего не изменилось за прошедшее время – даже забор не покрасили. Разве что на маленькой дверце рядом с воротами появилась табличка, извещавшая, что по данному адресу располагается пейнт-клуб «Артемида».

Год назад, разыскивая пропавшую Вику Стрежину, Бабкин проник на территорию клуба, предполагая, что девчонку похитили и держат именно здесь. То, что он увидел внутри, произвело на него куда большее впечатление, чем все остальное расследование. Пожалуй, в Москве это был единственный в своем роде клуб.

Благодаря помощи Илюшина ему удалось тогда выбраться с территории «Артемиды» без отрицательных последствий – если не считать продолжительной головной боли и нескольких синяков, а также насмешек Макара. Положительным же во всей этой истории было то, что человек, возглавлявший клуб на протяжении многих лет, запомнил их обоих, особенно Илюшина. Сам Макар после говорил, что ради знакомства с Игорем Перигорским стоило побегать по оранжереям «Артемиды». Правда, Сергей придерживался другого мнения, особенно учитывая тот факт, что носиться по ним сломя голову и наблюдать за очень странными делами пришлось ему, а не Илюшину.

– Молодец Перигорский, – пробормотал Макар. – Следит за своей вотчиной, лишнего внимания к ней не привлекает. Непростой он человек, очень непростой.

«А ты к этому непростому человеку прямо в пасть лезешь», – хотел сказать Бабкин, но смолчал. Он понимал, для кого Илюшин это делает, и знал, что другого выбора у них нет.

– Мы в любом случае станем должниками, – сказал ему накануне Илюшин, объясняя свое решение. – Перигорский – далеко не худший выбор, поверь мне. Меня больше всего беспокоит не это, а то, как бы он не отказался принять участие в нашем маленьком размене фигур на большой доске. Стратегия его такова, что он старается держаться как можно дальше от политики.

– Хочешь сказать, от бизнеса?

– Это одно и то же. Но в данном случае ему не нужно ни в чем участвовать – лишь передать наше предложение Коцбе. Только учи, я пойду к нему один – боюсь, при виде тебя у него могут проснуться неприятные воспоминания.

Неприятные воспоминания при виде «Артемиды» проснулись у самого Сергея. Охранник по-прежнему смотрел на них из-за стекла.

– Флешку взял? – спросил Бабкин.

Макар рассмеялся.

– Не волнуйся, Серега. У тебя такой вид, словно меня ожидает погоня по всем оранжереям с «охотниками» наперегонки. Мы с тобой приехали с деловым предложением, весьма незамысловатым, и максимум нехорошего, что может нас ожидать, – это отказ Игоря Васильевича быть посредником или же отказ самого Коцбы. Но здесь уже все зависит от моей способности объяснить цель визита.

Бабкин кивнул и замолчал. Цель визита...

Он так до конца и не понял, почему они не могут напрямую связаться с Асланом Коцбой, раз уж тот заинтересован в том, чтобы подвинуть предпринимателя Тогоева из занимаемой им ниши, но Макар настаивал на том, что им нужен весомый посредник. Илюшин фактически отстранил его от дела, приказав позаботиться о Маше и Косте, хотя обоим было очевидно, что вся забота заключается лишь в том, чтобы не давать им выйти из дома. «Потерпите недолгое время, – сказал им Илюшин. – Скоро все решится».

И уехал. Вернулся в квартиру Маши и Сергея лишь сутки спустя, усталый, пахнувший коньяком и почему-то селедкой. Бабкину показалось, что даже загар почти сошел с него за эти сутки. Папку с документами Илюшин бросил на пол так, что бумаги разлетелись в стороны, но на попытку Сергея собрать их только махнул рукой: «Оставь. У меня есть кое-что куда более ценное».

Информация. Оба знали, что для них нет ничего ценнее информации. С кем в этот раз встречался Илюшин, Бабкин не спрашивал, да это было и неважно, но вечером Макар нарисовал Сергею схему, на которой маленькие кривоногие человечки стояли вокруг предмета, похожего на завязанный мешок.

– Это – Тогоев, – сказал Макар, ткнув пальцем в фигурку с шариком в руке, и Сергей догадался, что шарик символизирует мандарин. – Это – Коцба. Мне нужно было проверить, насколько верны сведения о том, что они с Тогоевым сталкивались лбами.

– Ну и?

– Более чем верны. Много лет назад Олег Борисович, как я тебе и рассказывал, решил, что завод минеральных удобрений – лакомый кусок. Тогоев тогда уже был владельцем фабрики под Ростовом, а замахнулся на завод, поскольку производимые им удобрения приобретает половина

населения России, и на оборудовании завода можно удешевить процесс производства тех реагентов, которые выпускает ростовская фабрика. Он подкупил всех, кого только можно было подкупить, и в результате Коцба остался без завода. Несмотря на то, что в этой борьбе его изрядно потрепали, он пытался сопротивляться и осложнять Тогоеву жизнь, но у него ничего не вышло – не в той весовой категории был тогда Аслан. К тому же у Олега Борисовича существовала возможность влиять на ситуацию следующим образом...

Стрелки, пересечения, нелепо нарисованные человечки... Карандаш чертил все новые линии, и перед Бабкиным оживала история злоупотреблений, махинаций, взяток, хищений... Поясняя ситуацию, Макар рисовал условные обозначения рядом с фигурками: возле первой появился домик, возле второй – прямоугольник с круглыми окошками, возле третьей – такой же условный мешок, что и в центре рисунка. Бабкин слушал очень внимательно, про себя поражаясь тому, как быстро его друг успел найти людей, согласных рассказывать ему всю подноготную биографии Олега Борисовича Тогоева. Или это был один человек?

Сергей понимал, что ради возможности написать под каждой фигуркой фамилию Илюшин и работал последние сутки.

– Макар, а почему ты был так уверен, что раздобудешь что-то в этом роде? – спросил он, кивнув на рисунок, испещренный значками.

Илюшин свысока взглянул на него.

– Человек рожден в грехе и зачат в мерзости, – процитировал он, – и путь его – от пеленки зловонной до смердящего савана.

– Да ты что? – театрально удивился Бабкин. – Правда?

– Это из Роберта Уоррена, мой невежественный друг. «Вся королевская рать».

– Рад за армию его величества. А Тогоев здесь при чем?

– При том, что «всегда что-то есть», как сказал Вили Старк. Имея в виду, что на любую более-менее заметную личность можно найти какой-то компромат, а уж на человека с биографией Тогоева – и подавно. Нам нужно было знать наверняка, что за счета имеются у Аслана Коцбы к Олегу Борисовичу, и понимать, чем мы можем заинтересовать Коцбу, чтобы тот при удачно подвернувшемся случае решил доставить максимум неприятностей Тогоеву с возможной выгодой для себя.

Он поднял изрисованный лист и помахал перед носом Сергея.

– Ну так мы это узнали.

Трель телефонного звонка прозвучала в машине очень громко.

– Да, – сказал Макар. – Слушаю вас, Игорь Васильевич. Нет, я уже на месте. Хорошо.

Он спрятал телефон, повернулся к Сергею.

– Пока ты беседуешь с Перигорским, я навещу нашего маленького жадного друга, – сказал Бабкин. – Если уложишься с разговором меньше чем в полчаса, попроси, чтобы тебя пустили в первую теплицу. Там голые женщины бегают.

– Ностальгируешь? – Илюшин ухмыльнулся, небрежно подбросил коробочку с флеш-картой. – Все, я пошел.

– Удачи, – проворчал ему вслед Бабкин, глядя, как Макар ныряет в приоткрывшуюся дверцу.

Леша Макеев вышел из помещения покурить и присел на корточки возле грязного ручейка, стекавшего под его ногами в придорожную канавку. Страхивая пепел в ручей и следя за тем, как его тут же уносит вода, он обдумывал планы на сегодняшний вечер, и настроение у него было спокойное и умиротворенное. Правда, начальство весь день гоняло его туда-сюда, но Макеев умел хорошо уклоняться от работы. Помогать механикам в гараже он не рвался.

Возле машины рядом с автомойкой стоял мужчина и внимательно рассматривал его. Леша покосился на него с таким выражением, которое ясно должно было дать понять: нечего пялиться на отдыхающих людей. Однако на мужчину взгляд не подействовал, и Макеев, обругав его козлом, быстро докурил и поднялся. Умиротворение куда-то исчезло.

Он уже собирался вернуться обратно на мойку, как вдруг мужчина направился к нему. «Клиент, – понял Леша. – Спросить чего-то хочет». Однако «клиент» молча остановился перед ним, разглядывая Лешу со странным блеском в глазах.

Был он выше Макеева на полторы головы и в полтора раза шире, с глубоко посаженными темными глазами, коротко стриженный. Лицо умное и очень недоброе, как у медведя, разбуженного посреди зимы и понявшего, что он голоден, а еды нет и не предвидится. «Сиделец, что ли?» – мелькнуло в голове у насторожившегося Макеева. Вид у клиента был мрачный, чтобы не сказать – злобный, и веяло от него опасностью – Леша такие вещи с ходу просекал.

Он собрался спросить, что от него хотят, но клиент его опередил.

– Ты у нас Леша, верно? – сказал широкоплечий, ухмыльнувшись так, что Макееву немедленно захотелось возразить и заявить, что Леша – это не он, а кто-то другой. Но вместо этого он откинул голову назад, вызывающе

уоставившись в непроницаемые темные глаза под широкими, почти сросшимися на переносице бровями.

– Ну, Леша, и что? Ты сам-то представься, дядя!

– Вот что я скажу тебе, Леша... – с доверительными нотками в голосе сказал «дядя». – Старуху ты, положим, прикончишь... Но от тюрьмы тебе после этого не уйти. Я тебя посажу лет на двенадцать, не меньше. Наемный убийца – это вам не хухры-мухры. Ну а с зоны тебе уже не выйти, поверь мне на слово. Я об этом позабочусь.

День вокруг Леша Макеева перестал быть теплым: ему показалось, что температура упала градусов на десять – буквально за последние несколько секунд. «Откуда узнал?!»

– Вот ты сейчас смотришь на меня и думаешь, откуда мне про тебя все известно, – неторопливо продолжал мужик. – Глупый ты, Леша. И жадный. Но больше все-таки глупый. Слышал фразу «Моя милиция меня бережет»? Так это правда. Милиция всех бережет, в том числе и Марту Конецкую. От таких, как ты. Поэтому я к тебе и пришел – предупредить по-хорошему. У нас неплохо налажена работа с подрастающим поколением, никто еще не жаловался. Кстати, глянь-ка...

Он сунул под нос Макееву удостоверение, в котором тот не прочитал ни единого слова – только тупо смотрел на строчки, ощущая, что на этот раз, похоже, его взяли за жабры.

– Ознакомился?

Мужик захлопнул удостоверение и спрятал в карман. Затем шлепнул продолжавшего молчать Макеева по плечу – несколько раз и, кажется, даже не особенно сильно, но Леше показалось, что его ноги завязли в земле.

– А ты чего молчишь-то, а? – поинтересовался здоровяк, который – теперь-то это было ясно – был ментом. – Неужели стыдно стало? Иди просто не хочешь двенадцать лет на зоне оттрубить от звонка до звонка? Смотри, тебе решать.

Он еще раз приложил Макеева своей клешней по плечу, слегка подтолкнув напоследок, и от его несильного удара Леша врезался в стену и упал на покрышки.

– Макеев! – заорали из гаража. – Кончай перекур, работать пора!

До Макеева донеслись ругательства и обещания нелегкой жизни. Но ему было не до гнева начальства. Испугавший его мент вернулся в машину и теперь ждал своей очереди, даже не глядя на Алексея. Тот вскочил с земли, попятился и, не отряхнувшись, нырнул в гараж.

А Сергей Бабкин, помыв машину, выехал с автомойки. Звонок застал его на подъезде к пейнт-клубу.

– Все в порядке, – сказал Илюшин, и по голосу его Бабкин понял, что все и правда в порядке. – Я выхожу, жди у ворот.

На этот раз штаб организовали не у Макара, а в небольшой квартире Маши и Бабкина, в основном потому, что Сергею не хотелось оставлять жену и пасынка одних. Сидя на ковре, Макар обложился альбомными листами, позаимствованными у Кости, и разрисовывал их своими каракулями, помогавшими ему думать. Из соседней комнаты доносились взрывы и стрельба – лоботряс Костя, радуясь запрету ходить в школу, дорвался до компьютера и теперь методично уничтожал монстров в подземельях. В кухне Маша стучала по клавиатуре, придумывая очередной сценарий детской передачи: сюжет о жизни Мышки, Зайчика и Ежика должен был быть готов независимо от того, что происходит вокруг.

Сергей подумал, что выдержать следующие несколько дней будет очень тяжело. Они сделали все, что могли, и теперь их ждал период бездействия, а бездействие он переносил с трудом.

– А если их не будет, результатов? – задал он ненужный вопрос.

– А если их не будет, – сказал Макар, заштриховывая какой-то шарик на ножках, – тогда пойдем твоим путем. Ты ведь придумал план, да? Охрану Тогоева мы видели – они способны защитить его разве что от пьяного хулигана. Достать оружие несложно. Вот только руководить придется тебе, потому что в организации военных операций я – пас. Но побыть в шкуре высококлассного исполнителя не против.

Сергей скептически взглянул на него, совершенно уверенный, что Илюшин шутит, но по лицу друга вдруг понял, что никакими шутками здесь и не пахнет. Ему стало не по себе. Он всегда знал, что при необходимости Макар пойдет на преступление и что в нем нет и грамма того уважения к законам, которое есть в нем самом. Но открытие, что Илюшин готов убить человека, пусть даже угрожающего его другу, на миг заставило его лишиться дара речи.

– Нет... ну ты же это не всерьез! – выговорил Сергей, придя в себя. – Ты же не хочешь сказать, что... То есть я имею в виду... Короче говоря, ты не собираешься пускать Тогоеву пулю в лоб, правда?

Макар поднял на него серые глаза, в которых Бабкин прочитал удивление, и отложил в сторону лист, где от шарика на ножках уже ничего не осталось – так густо он был заштрихован карандашом.

– Серега, я тебя не понимаю. То ты собираешься идти с вилами на медведя – я имею в виду, в одиночку противостоять нашему неадекватному предпринимателю с далеко идущими планами, то пугаешься, когда я

говорю тебе, что именно это мы и сделаем в крайнем случае!

– Я не пугаюсь... – пробормотал Сергей. – Я просто не понимаю, зачем ты в этом будешь участвовать.

– Затем, что мне не нравится тот способ ведения переговоров, который избрал Олег Борисович. Господин Тогоев представляет угрозу для моего небольшого бизнеса, которым я зарабатываю на кусок хлеба с вареньем, потому что, если тебя убьют, мне придется искать нового напарника, а на это уйдут время и силы. Ты знаешь, я крайне скептически отношусь к нашим правоохранительным органам. Допускаю, что в случае твоей смерти они смогут найти виновного и даже, не исключено, покарать его, но вот помочь тебе остаться в живых они не способны. Поэтому нам придется искать другие методы борьбы с агрессором. Тогоев невменяем – мне это было ясно после первой встречи, но я не послушался своей интуиции, за что теперь и расплачиваюсь. С него станется отдать идиотское, не укладывающееся в голове у разумного человека распоряжение лишь потому, что он выйдет из себя или решит, что его обидели. А у того, кто на него работает, достаточно послушания и тупости, чтобы этот приказ выполнить. Серега, почему у меня снова такое чувство, будто я объясняю тебе очевидные истины?

– Знаешь, как-то неожиданно услышать это от тебя....

Он смешался и замолчал. Макар подождал продолжения и, не дождавшись, посоветовал:

– Не переживай раньше времени. Я почти уверен в том, что флешка, которую Юля Сахарова так удачно спрятала у своей подружки, будет использована по назначению. Либо это надолго выбьет из головы Олега Борисовича мысли о чем-то другом, кроме как о себе, бесценном, либо, наоборот, разъярит окончательно.

– О втором варианте ты прежде не упоминал!

– Не хотел пугать тебя раньше времени. В любом случае процесс запущен, и от нас больше ничего не зависит. Слушай, давай закажем пиццу, а? Я отвык от цивилизованной еды за то время, что жил в провинции.

Юля поднялась на эскалаторе и на пару секунд задержалась, оглядывая зал под стеклянным куполом. Людей за столиками было немного, но она не видела того, кто вызвал ее на встречу.

«Опаздывает?!»

Она и так была взбешена: пришлось придумывать для старухи вескую причину, чтобы сбежать из дома хотя бы ненадолго. У нее мелькнула мысль развернуться и уйти, но тут из-за столика возле сетевой кофейни, где

разрешено было курить, поднялась знакомая фигура в мешковатом костюме, обозначая свое присутствие.

Алексей ждал ее, вертя в руках запотевшую банку с колой – самое дешевое, что можно было заказать, чтобы занять столик. Когда девушка молча села рядом, он закурил, и Юля поморщилась: она терпеть не могла дым от дешевых сигарет.

Сегодня он выглядел совсем неважно: помятый, неаккуратно выбритый и снова в своем спортивном костюме – в таких не ходили даже рыночные торговцы. То и дело он косился вправо, где на диванчике две женщины увлеченно рассматривали журнал.

– Что глазеешь? – Юля первой нарушила молчание. – Тетки нравятся? Парень проигнорировал ее вопрос, будто бы и не услышал.

– Вот что... – проговорил он, нервно затаившись, – я в твоём деле больше не участвую. Ясно?

Ему все-таки удалось увидеть ее потерявшей самообладание. Но лишь на несколько секунд, не больше. Затем Юля собралась, и это выглядело пугающе: сначала лицо поплыло, будто расслабившись под действием алкоголя, а потом напряглось, застыло. Она облизнула губы.

– Почему? Что случилось?

– Потому что. Выследили меня, поняла? У них все на нас есть. Может, даже сейчас нас с тобой ищут!

– Кто нас ищет?!

– Менты, вот кто! Не понимаешь, что ли?!

– Не ори!

На них обернулись из-за соседнего столика, и он догадался взять ее за руку, нежно погладить, будто успокаивая свою девчонку.

– Детка моя, – прошептал он, наклонившись к ней – ни дать ни взять пара голубков, едва не поссорившихся, но в последний момент помирившихся, – накрылся твой план. Ко мне на работу приходили, предупредили, что знают о тебе и старухе. Так что прости, Юля, но я в эти игры не играю.

– Я уже слышала, что ты не играешь. А теперь спокойно – понятно тебе, спокойно! – расскажи мне о том, кто к тебе приходил и что сказал. И не дергайся ты – никого здесь нет!

Он пододвинул пепельницу ближе и едва не задел ее зажженной сигаретой, но девушка даже не дернулась. С непроницаемым лицом выслушав его рассказ, она забрала у него свою руку и облокотилась на стол, уперев подбородок в переплетенные пальцы. Теперь она смотрела на него снизу вверх, но во взгляде ее по-прежнему читалось глубокое

превосходство.

– Глупенький маленький Лешик, – протянула она с насмешливым сочувствием в голосе. – Напугался злого дядю милиционера. А дядя-то вовсе и не милиционер! Ай, как же мы так ошиблись!

– Слышь, ты мне мозги не полощи! – Он перешел на привычные блатные интонации и сразу почувствовал себя в своей шкуре. – Смешливая нашлась, тоже мне!

– Не буду полоскать мозги, Лешик, не буду. Только знаешь, с кем ты разговаривал? С дурачком, которого мой папаша подослал. Удостоверение у него липовое, и работает он охранником у отца. А ты купился...

Она забрала у него сигарету и бесцеремонно потушила в пепельнице.

– Надоел дымить. Курить вредно. Что ты так смотришь? Я тебе правду сказала. Подумай сам: если бы это был мент, он бы не пугал тебя, а напрямик в отделение отвез. А там из тебя показания бы выбили, не мне тебе рассказывать.

Она не смотрела на него, но голос ее звучал спокойно и уверенно, без тени сомнения. Однако подозрительный червячок в глубине души не давал ему поверить ей до конца.

– А зачем охраннику мне угрожать?

– Не охраннику, – скучающим голосом ответила Юля, – а отцу. Он, видишь ли, в курсе всего дела и не хочет, чтобы мы разобрались с тетей Мартой. Боится папа за меня, понимаешь? Не верит, что я уже большая девочка.

Она подняла на него глаза и приветливо улыбнулась, как постороннему человеку. От ее улыбки ему стало не по себе. Наконец-то он понял, что ему больше всего не нравилось в их плане. Не то, что пришлось бы пристукнуть старуху, – как раз это не представляло для него особых сложностей. И не то, что деньги он получил бы лишь полгода спустя после ее смерти – в конце концов, сумму Юлька назначила такую, что можно было и подождать. И даже не то, что вдруг объявились какие-то люди, знавшие об их намерениях.

Больше всего ему не нравилась сама Юля. Когда много лет назад они вместе учились, она была самой обычной девчонкой и запомнилась ему лишь писклявым голоском и смехотворной старательностью, с которой произносила заученный из учебника текст на уроках природоведения. Как ни удивительно, но она почти не изменилась за прошедшие годы: в ней по-прежнему с одного взгляда узнавалась та девчонка, которая мялась и пицала у доски. Но его не покидало жутковатое ощущение, что в выросшее повзрослевшее тело поселили кого-то другого, выгнав оттуда

прежнего жильца. Не было больше никакой девчонки, а было существо, притворяющееся знакомым ему и даже вспомнившее кое-что из их прошлой, детской жизни. Но это была не память этого существа, а чужая, позаимствованная у прежней владелицы с писклявым голоском.

Он воспринимал мир в первую очередь на слух, и от ее размеренного голоса, от ее интонаций, временами становившихся не живыми, а механическими, будто ее заводили изнутри, ему хотелось заткнуть уши. Поначалу, когда они встретились, он толком не разобрался в своих ощущениях, но теперь все разложил для себя по полочкам. Она ему не нравилась. Пожалуй, он ее даже побаивался. Все из-за голоса, из-за того, как неторопливо и ровно она говорит обо всем: о себе, о нем, об отце, о старухе...

И еще что-то сидело в ее глазах. Какая-то безумная идея. Ему вдруг пришло в голову, что с нее станет пристрелить его там же, в подъезде, рядом с убитой им старухой, и он удивился, как не подумал об этом раньше. Воображение услужливо нарисовало картину: его тело с открытыми глазами и Юля, присаживающаяся на корточки с умильным выражением лица. Он позаимствовал эту картинку из какого-то боевика, но все равно получилось убедительно, как в жизни. И страшно.

– Короче... – начал он, – мне, честно сказать, все равно, охранник он там или кто. Главное – слишком много народу в курсе дела. Отец твой знает, охранник знает, жена охранника, подруга жены... Так и до прокурора дойдем. Найди себе кого-нибудь другого вместо меня.

– Лешик! – умоляюще протянула она. – Кого же я найду?! Ну пожалуйста, не бросай меня одну!

И это тоже было притворством. Все ее просьбы, заигрывания с ним, подшучивания и обещания... Она все время кого-то играла.

– Все, Юльк, мне пора. Увидимся.

Она вдруг вцепилась ему в руку так, что он охнул.

– Ты что, уходишь?

– Сказал же, – он начал злиться, – я в твоём деле не участвую.

Она потянулась к нему, придвинулась близко-близко. В вырезе рубашки он увидел край черного бюстгальтера и полуокружность приподнятой груди, но это зрелище ни капли его не возбудило. Юля заставила его положить руку ей на талию, и теперь они и впрямь стали похожи на двух влюбленных, собирающихся поцеловаться.

– Как же не участвуешь, Лешик, когда участвуешь? – прошептала она ему на ухо. От теплого дыхания ему стало щекотно.

– Заканчивай называть меня Лешиком.

– Маленький мой, обиделся! Хорошо, не буду называть моего мальчика так, как ему не нравится.

От ее игривости ему стало противно. На них бросали взгляды с соседних столиков, и в них читалось, каким придурком он выглядит, обжимаясь в забегаловке с некрасивой девчонкой. Самое поганое заключалось в том, что у нее был моральный перевес: он не мог предугадать, что она сделает в следующий момент. К тому же она в отличие от него чувствовала себя в своей тарелке.

Алексей знал только один способ сделать так, чтобы перевес оказался на его стороне. Он повернул голову и глумливо уставился на нее:

– Слушай, ты что, трахнуть меня собралась? Прямо здесь? Не терпится тебе, да? Мужика, наверное, давно не было.

Вопреки его ожиданиям, она не смутилась.

– Конечно. Я тебя сначала трахну, а потом съем. Ам!

Она неожиданно клацнула зубами прямо перед его лицом, и он отшатнулся. Его намерение унизить ее растаяло в ту же секунду.

– Ты психованная, что ли?! – не выдержал он. – Пусти меня.

– Не хочешь, чтобы тебя кушали? Чтобы косточки твои где-нибудь в подвале валялись? Если не хочешь, то сделай то, что я прошу.

Она взяла Алексея холодными пальцами за подбородок и повернула его голову так, чтобы он смотрел ей в глаза. Можно было легко оттолкнуть ее – всего один тычок, и она опрокинется вместе со стулом, – но что-то мешало ему поднять руку. Он почувствовал себя веревочной куклой, которой управляет эта девчонка с неживыми, будто застывшими, глазами. Скажет «пойди, убей» – он пойдет и убьет. Скажет «иди, спрыгни с моста» – пойдет и спрыгнет. Ниточки оборвутся, и ничего от него не останется, кроме мятой, набитой сгнившими опилками тряпки.

– Леша, ты же сам все понимаешь: ее нужно убить, – проникновенно сказала Юля, не сводя с него темных глаз. – Она очень жестокая. Она относится ко мне как к рабыне... – В ее голосе появились жалостливые нотки. – Если я этого не сделаю, я не смогу себя уважать.

– Вот и сделай! – Он наконец сбросил морок и резко отодвинулся, едва не упав со стула. – Возьми и сделай сама, а меня не приплетай. Рабыня Изаура нашлась! Чего таращишься?

Она помолчала, обиженно поджав губы. А затем сказала, делая паузу перед каждым словом, будто взвешивая и осматривая его со всех сторон:

– Извини, Леша, но тогда и тебя стоило бы убрать. – И, рассмеявшись, как школьница, добавила: – За компанию.

Он хотел как следует двинуть ей по губам, чтобы перестала хихикать и

поняла, что с ним такие дешевые шутки не проходят, как вдруг осознал, что она вовсе не шутит. Тон, смех – все указывало на шутку, но глаза были такими же застывшими, как тогда, когда она просила его убить старуху. Он вскочил – стул отвратительно проскрипел железными ножками по полу – и пошел прочь, чувствуя, что она смотрит своими невыразительными глазами ему вслед.

– Попробуй только угрожать мне, стерва... – бормотал он себе под нос, перемежая слова с руганью. – Увидишь, что тогда получится. Только попробуй...

Он повторял эти слова до тех пор, пока они не потеряли смысл. И лишь выскочив из торгового центра и оказавшись под дождем, замолчал и перевел дух. «Дура чокнутая».

Девушка, которую он назвал чокнутой дурой, заказала капучино – большой, в высокой чашке – и отпила пару глотков, предварительно сняв ложечкой тающую пену. Изменения, которые она должна была теперь внести в свой план, огорчили ее. Так удачно все складывалось – и на тебе! Но она знала, что не позволит себе потерять душевное равновесие. Что бы ни случилось – она справится с ситуацией. В конце концов, проблему можно решить своими силами, и глупо расстраиваться из-за того, что Леша оставил ее одну разбираться с этим делом. Сейчас она успокоится, возьмет себя в руки – все-таки она чуточку, совсем чуточку расстроилась – и допьет свой кофе, а затем пойдет домой

и убьет старую тварь

и начнет заниматься делами, сохраняя полнейшее хладнокровие. Ей нельзя выходить из себя, потому что тогда старуха может что-то заподозрить. Нужно быть приветливой и очень послушной, чтобы

воткнуть ей в костлявое горло вилку, которой она переворачивает мясо

заслужить ее полное доверие. Тем легче будет

убить убить убить убить убить убить убить убить убить ее
убить ее.

Она почти не сердится на Лешу. Почти не сердится. Почти...

– Сволочь!

Звон раздался почти одновременно с яростным выкриком. Официантка за стойкой вздрогнула и недоуменно уставилась вслед быстро уходившей худенькой девушке, только недавно сидевшей в обнимку с какой-то шпаной. Громкие голоса и взгляды посетителей заставили ее перегнуться через стойку, и женщина увидела на полу осколки разбитой об стену кофейной чашки, плавающие в луже коричневой жидкости.

– Это она швырнула! – зашумели две женщины, привстав со своих мест и уронив всплеснувший страницами журнал. – Видели?!
Официантка покачала головой и пошла за уборщицей.

Глава 12

В доме нарастало напряжение. Валентина Захаровна сказала об этом Марте, но та не приняла ее слова всерьез.

– Должно быть, Лия опять ни черта не делает, и тебе тяжело справляться одной. Ленивая дрянь. Надо бы ее выгнать, а тебе нанять нормальную сиделку.

Беззаботность подруги пугала Валентину. Она была уверена, что каждый в квартире чувствует: что-то нехорошее собирается вокруг них, закручивается, словно смерч, пока еще невидимый над поверхностью воды, но готовящийся в скором будущем слизнуть и переломать толстые стволы пальм с волосатыми кокосами с ближайшего островка в центре атолла. Обитатели квартиры казались ей аборигенами, населяющими этот самый островок, каждый из которых в глубине души знает, что скоро ему придет конец, но все равно беспечно строит планы на урожай кокосов в будущем году.

Марта, умная Марта не могла не ощущать, что обычный ход вещей в их квартире нарушен! С другой стороны, умные люди так часто бывают невнимательны к самому очевидному... Взять хоть их домработницу. Валентина Захаровна была уверена, что каким-то образом все происходящее связано с появлением в квартире этой девочки, Юли, с которой Марта так хлопотала. Но ее подруга уверяет, что не принимает в судьбе замарашки особого участия, а только развлекается, и что ждать серьезных неприятностей от девочки не стоит – она слишком молода, глупа и беззуба.

Но Валентина Захаровна пару раз ловила взгляд, которым «молодая и беззубая» награждала Марту после очередных ее укусов, и всякий раз ей становилось не по себе: казалось, что девочка сдерживается до поры до времени, но в конце концов выйдет из себя, и тогда...

Что «тогда», Валентина не могла сказать. Образ песчаного острова, очищенного цунами, словно выбритого, как если бы по нему прошлись гигантским лезвием, смутно вставал перед ее мысленным взглядом, но она старалась убедить себя, что это лишь плод ее воображения. Лия слишком много читала ей по вечерам, от этого у нее на старости лет разыгралась фантазия.

Юлька чувствовала себя превосходно. Она согласилась позировать Роману (согласилась?! Да она готова была сама бегать за ним, упрашивая,

чтобы он написал ее портрет), а Конецкая, к ее огромному удивлению, дала ей разрешение уходить из дома на несколько часов три раза в неделю. Кто бы мог подумать – ведьма хоть в чем-то пошла ей навстречу!

Их занятия – а сказать точнее, лекции Конецкой – продолжались, и Юлька по-прежнему каждое утро ходила по квартире с тазиком на голове, а после вытягивалась в струнку вдоль стены. Но теперь это давалось ей почти без напряжения. Пританцовывая, она шла по коридору, и таз уже не сваливался с ее головы. Стоять у стенки стало еще проще – достаточно было представить его лицо, руки, вспомнить последний разговор, и время сначала замирало, пойманное стрелками, а затем, будто в отместку, раскручивало их с такой скоростью, что двадцать минут пробежали мимо Юльки, тикая ножками-стрелочками, быстро, как одна.

Иногда Юлька замечала, что Конецкая поглядывает на нее с непонятым выражением, и это было странно: она считала, что почти не занимает ее мысли. «Может быть, что-то заподозрила? – со страхом гадала Юлька, но новый день начинался со старых занятий, Марта Рудольфовна была в своем репертуаре, и она успокаивалась. – Нет, ничего не заподозрила. Она увлечена только собой».

Валентина Захаровна чувствовала себя все хуже: уже два раза Конецкая вызывала к ней врача, и после его осмотра старушка хромала так, что больно было смотреть. Лия постоянно держалась рядом, готовая помочь Мурашовой сесть или встать.

Как-то утром Юля стала свидетелем того, как Марта Рудольфовна накричала на Лию и выгнала из комнаты за то, что та оказалась слишком нерасторопной, и пришлось тогда самой Юльке поднимать из кресла тяжелое тело Валентины Захаровны. Марта суетилась рядом, но пользы от нее оказалось на удивление немного. Доведя Мурашову до ее комнаты и уложив в постель, Юлька с облегчением вернулась в гостиную и встала возле окна. В тихом дворе на площадке, куда ближе к обеду выходили гулять с детьми няни и мамы, занималась физкультурой пожилая женщина.

Если говорить честно, она была старая. Но Юлька это слово старалась не произносить даже мысленно: боялась случайно ляпнуть вслух при Конецкой и тем самым оскорбить ее. Но самой-то себе можно было признаться: ежеутренние процедуры под их окнами проделывала старушка, самая настоящая древняя старушка, мелкая, смуглая, будто поджаренная на подсолнечном масле речная рыбешка, – лет восьмидесяти, не меньше. Череп ее плотно облегал коричневая шапочка, и издали казалось, будто престарелая спортсменка надела на голову чашечку от огромного желудя. Как бы тепло ни было на улице, она не снимала свою шапочку и

разминалась в ней: приседала, разводила в стороны и сводила руки, махала ногами, наклонялась по десять раз, касаясь ладонями земли и замирая в такой позе секунд на тридцать. Смотреть на тощий, обтянутый трико зад Юльке отчего-то было неловко.

– Взгляните, Марта Рудольфовна, – обратилась Юлька к Конечкой, отдохавшей в кресле, – какая молодчина! Я не могу себя заставить заниматься спортом регулярно, а она такую хорошую физическую форму поддерживает.

Старуха приподнялась, выглянула в окно. Взгляд ее упал на темно-красный мак, старательно изображенный Валентиной, и Юлька заметила, что Конечкая страдальчески поморщилась.

– Противоестественно! – резко возразила она, сев обратно. – Сила тела без силы ума... Куда органичнее она смотрелась бы, если бы устроилась в кресле с клубком ниток. – Покосилась на огорошенную Юльку и добавила: – Будь мне тридцать лет, за такую фразу меня съели бы с потрохами. Но мой возраст дает кое-какие преимущества. В частности, возможность безбоязненно говорить то, что думаешь.

Юлька про себя сказала, что этой возможностью ведьма злоупотребляет, и очень скоро получила очередное тому подтверждение.

В тот же вечер она позировала Мансурову. Это было совсем не так романтично и красиво, как ей казалось. Более того, позировать Юльке вовсе не понравилось, хотя она изо всех сил старалась сделать вид, что происходящее доставляет ей удовольствие.

Во-первых, было прохладно. И хотя Роман не просил ее раздеться, но тонкое шелковое платье совсем не согревало, а накидку Юлька с собой не взяла. Во-вторых, пришлось сидеть неподвижно, к чему девушка совсем не привыкла, и, несмотря на удобную позу – в кресле, с букетиком ландышей на коленях, – очень скоро ей стало казаться, что нет ничего мучительнее, чем сидеть, держа голову так, как просит Роман, – с наклоном вправо. Юлька думала, что во время сеанса они будут беседовать – как в прошлый раз, во время их первой встречи, – но Мансуров работал так сосредоточенно, взглядывал на нее из-за подрамника так хмуро, что она не рискнула заговорить первой, а он молчал. Поэтому развлекать себя пришлось самой.

Поначалу она наблюдала за Романом, снова поражаясь тому, какой он красивый: статный, с лицом русского витязя. Затем принялась осторожно осматривать картины в мансарде, но оклик Романа, от которого она вздрогнула, заставил ее прекратить это занятие.

– Извини, мне нужно твое лицо, – объяснил он. – Смотри на меня, как

смотрела до этого.

И Юлька опять стала смотреть. Честно говоря, ей прискучило это уже через пять минут, хотя она полагала, что на такого красивого мужчину, как Роман, сможет глазеть часами – совсем как пишут в книгах. Но неожиданно для себя Юлька открыла, что его мимика кажется ей однообразной и даже, страшно выговорить, неинтересной. «Это оттого, что я напряжена», – решила она.

Остаток сеанса она еле высидела. Зато за свое терпение была вознаграждена: вымыв кисти, Мансуров обернулся к ней и улыбнулся так, что она тут же забыла про скуку, про свою затекшую шею и про надоевший запах подвядших ландышей. А затем он сказал такое, что за одни только эти слова Юлька согласилась бы позировать еще весь день без перерыва на обед.

– Ты – богиня! – нежно сказал Мансуров. – Почему я тебя раньше не встретил?!

И тут богиня икнула.

– Ик! – ответила она художнику, в глазах которого мелькнула растерянность. – Ик!

За последний час Юлька так намерзлась, что от холода начала икать, и остановить этот ужасный процесс было никак невозможно. Брови Романа полезли вверх, и она прокляла свой подлый организм, подложивший ей свинью в такой неповторимый момент. Богини не икают! А если икают, то не тогда, когда им сообщают об их божественной природе! Они только загадочно улыбаются и этим окончательно сводят с ума поклонников их небесной красоты.

Ей захотелось разрыдаться и убежать, потому что выйти из ситуации с достоинством казалось немислимым! Но бежать было некуда. Более того, скоро должна была вернуться жена Романа, голубоглазая стрекоза Кристина, и Юлька представила, как столкнется с нею на лестнице, промчится мимо, громко икая, и растает в темнеющей дали за оградой, оставив за собой только эхо. И какое эхо!..

– Ик! – с отвращением к самой себе издала она снова и сжалась, ожидая, что сейчас Роман обидно засмеется и больше никаких сеансов не будет.

Но он не засмеялся.

– Бедная девочка... – проговорил он и свел брови так, словно сам страдал. – Замерзла! Я идиот, не догадался даже предложить тебе плед.

И после этого немедленно закутал Юльку в теплый шотландский плед, напоил каким-то горячим коктейлем, который тут же смешал сам и

преподнес ей на крошечном серебряном подносе, где помещался лишь один бокал, и, пока она отогревалась, рассказывал ей о...

О чем Мансуров рассказывал, Юлька забыла буквально тотчас же. Если вообще понимала. Ее голова была занята лишь одним: она видела со стороны, как сидит рядом с ним на мягком широком диване, укутанная в плед с ногами, вокруг них – картины, в руке у нее бокал с коктейлем, и прекрасный принц в образе художника говорит с ней тихо и доверительно. «Со своей женой он наверняка так не разговаривает!» Затем ее проводили, усадили в такси и напоследок посмотрели долгим прощальным взглядом – совсем таким же, как в прошлый раз.

Неудивительно, что, вернувшись в квартиру Конецкой, она потеряла осторожность.

– Ты начала сутулиться, – сурово заметила старуха, когда после ужина Юлька мыла посуду. – Следи за собой. Вот так встретишь своего долгожданного принца, ссутулишься при нем, и разочаруется он в тебе! Принцы, голубушка, нынче пошли привередливые и разборчивые.

Юльке вспомнился Роман, не посмеявшийся над ней, а посочувствовавший, и она храбро парировала, будучи уверена в своей правоте:

– Ну и что, что привередливые? Пусть он полюбит меня такой, какая я есть!

«Что, выкусили, Марта Рудольфовна?! Нечего вам будет на это возразить, совершенно нечего!»

– Какая ты есть? – Кончик левой брови насмешливо вздернулся. – Детка, ты с ума сошла! Где ты начиталась этой мути?

– Отчего же мути? – чуть менее смело сказала Юлька. – Все правильно. Я – ценность сама по себе, и поэтому...

Ее прервал смех – нет, не смех, а настоящий хохот. Ведьминский – каркающий, хриплый. Конецкая смеялась искренне, от души, хохотала до слез, ничуть не заботясь о том, что может разбудить Валентину Захаровну или Лию. Впрочем, о последней она, должно быть, даже не помнила, не говоря уже о том, чтобы заботиться о ее комфорте.

– Ценность! – Марта Рудольфовна всхлипнула, утерла слезу и восхищенно попросила: – Голубушка, скажи, пожалуйста, что-нибудь еще о себе. Давно так не смеялась.

Юлька угрюмо молчала.

– Не хочешь? Тогда я тебе скажу. Девиз «Полюби себя такой, какая ты есть» придуман дураками и неудачниками. Почему дураками? Потому что никто не знает, какой он есть на самом деле. Вот ты – ты знаешь, какая ты

есть? Да ты ничего о себе не знаешь. Заметь, я говорю не о внешности, а о том, что у тебя в голове...

– К примеру, я знаю, что люблю много поесть, – начала Юлька.

– Ах, оставь! О привычках речь не идет. Всем и так понятно, что эту мантру о любви придумали толстые курящие тетки, обжираться вредной едой и не желающие оторвать свой зад от дивана, чтобы сделать десять приседаний. Пока они твердили ее, другие, поумнее, сидели на диетах, ухаживали за своим телом, украшали себя – в общем, всячески улучшались вопреки приводимому тобой постулату. И, что характерно, в массе своей имели куда больший успех у мужчин!

Юлька молчала.

– Так вот, девочка, ты ничего о себе не знаешь. Ты сама не можешь понять, «какая» ты есть. Обрати внимание на собственные реакции: когда тебе нужно быстро отреагировать, на лице твоём можно заметить секундную растерянность, и вовсе не потому, что ты колеблешься между правильным и неправильным решением. Нет, ты колеблешься, потому что не знаешь решения *вообще для той себя, какой ты являешься*. Ты размышляешь: какое поведение должно быть свойственно тебе, дурынде двадцати лет от роду, пытающейся быть красивой? Какую схему, какой шаблон использовать? И на это накладываются сомнения в том, правильно ли тебя оценят, не будешь ли ты выглядеть глупее, чем есть, и какое же в итоге мнение сложится у окружающих. Перемой это блюдо, оно вымыто кое-как, я отсюда вижу.

Юлька вернула блюдо в раковину, поразившись зрению ведьмы: на краешке его и в самом деле остались жирные следы.

– Так вот, сказанное мною касается твоего знания о том, что же ты собой представляешь, – продолжала Конецкая. – Мы выяснили, что ты этого не знаешь. Странно требовать любви к сосуду, в который неизвестно что налито, не правда ли? Пиво? Вино? Нектар? А может, моча? Но, помимо этого, даже если бы ты наконец поняла, что представляешь собою, истина заключается в том, что такой, какая ты есть, любить тебя не за что. Обрати внимание, детка, что я говорю не о вожделении, то есть о желании обладать твоим чудосочным неаппетитным тельцем, а о любви.

– Почему же не за что?! – не вытерпела Юлька измывательства. – Я что, настолько плоха, что меня и полюбить никто не может?

– Плоха, хоть и не настолько, как раньше, – невозмутимо ответствовала старуха. – И то исключительно благодаря моим стараниям. Тебе изменили внешность, но начинка-то осталась прежней. Что там, у тебя внутри? Крепкий стержень? Обаяние? Ирония? Доброта? Внутренний свет,

в конце концов? Нет, нет и нет! В тебе сидит трусоватое вялое существо, не особенно умное, эгоистичное и мелкое.

Вот тут-то Юлька и подумала о том, что старухе не мешало бы пореже пользоваться привилегией говорить правду в любое время, когда захочется. И добавить к перечню достоинств тактичность.

– Почему мелкое-то? – спросила она обреченно. – Из-за роста?

– Из-за масштабов души, – непонятно, но обидно ответила старуха. – Поэтому, голубушка, советую тебе выкинуть из головы идею «пусть меня полюбят такой, какая я есть» и начать работать над собой. Самосовершенствоваться. Ты знаешь, что означает это слово?

– Вы меня уж совсем-то за дуру не держите, Марта Рудольфовна! – попросила Юлька.

– Кто тебя знает... Так вот, душу и ум можно улучшать – точно так же, как внешность. Но этим нужно заниматься изнутри. Снаружи – бесполезно. Ты уже переросла тот возраст, когда это имело смысл.

Юлька подумала, что здесь Конецкая ошибается: она изменилась за то время, что работала на ведьму, и сама это чувствовала. «Маленький Мук постепенно учился домашнему волшебству, – с долей злорадства подумала она. – Вот только я забыла, что там случилось с колдуньей в конце книжки».

* * *

Как легко было когда-то быть счастливой! С возрастом счастье дается все тяжелее – вот он, главный признак возраста! Морщины? Одышка? Выпавшие зубы и взбухшие, как веревки, вены? Да, да, черт возьми, и это тоже! Но самое главное – состояние солнечного счастья, переполняющее, как колодезная вода ведро, льющееся через край и обжигающее звенящим холодом, – оно ушло... Остались спокойствие и умиротворение, которые привычно засчитываются за то, прежнее, солнечное. Но саму себя не обманешь: счастье было не такое.

Счастье было такое, какое плещется сейчас в глазах девчонки, обалдевшей от предчувствия огромного и невыразимого, что вскоре свалится на нее. Как щенок, которого первый раз вынесли на улицу, и он присел от изумления и страха, она пробует свои границы. Бояться она уже почти перестала. Скоро ей предстоит двинуться вперед, нащупывая рубежи своей территории.

Иди, девочка, иди. Возьми себе как можно больше. В тебе есть жадность, ненасытная жадность юности, готовой отобрать последний кусок

– но и поделиться последним. На этом поле у тебя не будет соперниц – время позаботилось об этом.

А я позабочусь обо всем остальном.

* * *

На следующий день позвонил Роман.

– Я соскучился, – просто сказал он, и у Юльки замерло сердце – а потом ухнуло куда-то, но не вниз, а вверх. – Можно с тобой встретиться?

Юлька забормотала, что не знает, отпустит ли ее Марта Рудольфовна, и вообще у нее много дел... но тут в комнату вошла сама Конецкая, и она со страху нажала на кнопку отбоя.

– Кто звонил? – спросила ведьма, уставившись на Юльку, и та под ее взглядом призналась:

– Мансуров. Роман...

– И почему Роман Мансуров разговаривает с моей домработницей, а не со мной? Или... – Юлька явственно услышала сомнение, – неужели он хотел поговорить с тобой?

Девушка только кивнула.

– О чем же? О новом сеансе?

«Что за допрос?!» – возмутилась Юлька внутренне, но возмущение так и осталось сидеть где-то в глубине, а вслух она покорно сказала:

– Он не успел сказать, Марта Рудольфовна. Я случайно трубку повесила.

– Так перезвони и спроси. Я должна знать, в какое время не смогу на тебя рассчитывать.

«Значит, она не будет возражать?!» Недоверчивая радость захлестнула Юльку. В эту секунду телефон снова зазвонил, и, схватив трубку, она услышала неторопливый бархатный голос. Мансуров предлагал поужинать вместе.

– Сегодня? Около семи? – Юлька устремила умоляющий взгляд на старуху и не поверила своим глазам, когда та равнодушно пожала плечами. – Да, хорошо! Отлично! Я буду ждать.

Положив трубку, она сказала:

– Роман пригласил меня в ресторан сегодня вечером... Вы правда не против?

В приоткрытую дверь заглянула Валентина Захаровна, оглядела подругу и домработницу.

– Что у вас случилось, девочки мои?

– Ничего особенного. – Конецкая пожала плечами. – У Юли вечером кое-какие дела. Так что мы с тобой будем куковать вдвоем.

– И замечательно, Марточка! – обрадовалась Мурашова, протиснувшись внутрь. – Ты знаешь, я всегда этому рада!

Юлька обратила внимание, как сильно хромает Валентина Захаровна – припадая на правую ногу, морщась при каждом шаге. Бросившись к старухе, она помогла ей усесться в кресло и съежилась, заметив яростный взгляд Конецкой.

– Не ругай ее! – подняла руку в протестующем жесте Валентина Захаровна, и Юлька не сразу поняла, что это не о ней, а о Лии. – Может девушка отойти в уборную на пару минут?

– А ты не можешь эту пару минут посидеть в своей комнате и не напрягать свое раздавленное копыто? – грубовато осведомилась Марта. – Валя, ты невозможна! И, кстати, отдери свой ужасный цветок от стекла!

– Так куда все-таки собралась наша красавица? – Мурашова сделала вид, будто не услышала последних слов подруги.

– Меня... один знакомый пригласил, – с неловкостью сказала Юлька. Почему-то Валентине Захаровне она тоже не могла врать, хотя и по другой причине: обманывать старушку было то же самое, что обманывать ребенка.

– И кто же это? – Мурашовой распирало любопытство, которое она и не пыталась скрывать. – Расскажите про него, Юленька!

Только Юля собралась сообщить, что это художник, у которого они были с Мартой Рудольфовной, как Конецкая перебила ее:

– По-моему, у нас есть дела интереснее, чем выслушивать скучные истории о чужих знакомствах. Валя, я хотела кое-что с тобой обсудить...

«Ну и пожалуйста! – обиделась Юлька. – Ну и не буду рассказывать о Мансурове!»

Она ушла к себе, достала из шкафа голубое платье, примерила и осталась довольна. «Интересно, куда мы поедем ужинать?»

Роман привез ее в ресторан на воде: теплоход белел в сумерках возле берега, издали разноцветные фонарики иллюминации на его борту казались экзотическими рыбками, выпрыгнувшими из воды и застывшими в воздухе. Холодный ветер с реки задувал отчаянно, свирепо, словно хотел сдуть идущих по сходням, чтобы они свалились в неглубокую сизую воду и замерли, как заколдованные. Юлька ежилась, цеплялась за Мансурова и думала, что выглядит глупо в своем тонюсеньком платье, раздуваемом вокруг коленей.

Но внутри она отогрелась. Официант, узнав Мансурова, расплылся в

радостной улыбке, и их посадили за столик, отгороженный от остальных подобием ширмы с китайскими фонариками. Роман тут же заказал что-то с длинным французским названием, официант, булькая и шепелявя, повторил заказ и исчез. Мансуров облокотился на столик, сплел вместе длинные пальцы, на одном из которых поблескивало обручальное кольцо, и улыбнулся Юльке.

– Расскажи о себе. Ты моя натурщица, а я ничего о тебе не знаю. Откуда ты взялась в моей жизни?

– Марта Рудольфовна привезла, – немного удивленно ответила Юлька. Он негромко рассмеялся.

– Ты неподражаема. Так расскажешь, чем занимаешься?

Юлька выругалась про себя не в шутку, а всерьез. Можно было предвидеть такой поворот событий! Но она, забыв обо всем, не догадалась даже придумать простейшей легенды перед свиданием. И что теперь делать? «Хотя бы не говорить ему правды, – посоветовал в голове холодный голос. – Ты в состоянии отвлечь его от своей персоны?»

– Я бы хотела для начала больше узнать о тебе, – попыталась выкрутиться Юлька. – Ты художник... для меня это другой мир! Я ничего не знаю о том, как ты творишь, как в твоей голове появляются идеи картин!

«*Боже, что я несу?*»

Но Мансуров отнесся к ее словам неожиданно серьезно.

– Ты права, это другой мир. Можешь не верить, но я каждое утро благодарю бога за то, что он даровал мне его! А знаешь, как все началось? Однажды, когда мне было десять лет...

Вертя в пальцах бокал, Юлька слушала рассказ Романа о его детских годах и поражалась самой себе. Ей было скучно. «Невозможно поверить, – думала она почти со злостью. – Рядом со мной сидит самый красивый мужчина, какого я когда-либо видела в жизни, он умный, он талантливый, а мне с ним скучно! Как ведьму слушать, так интересно, а как его – так хоть доставай книжку и читай под его журчание! Возмутительно!»

Мансуров и в самом деле журчал. Голос его, низкий, красивый, был, однако, несколько монотонным, и эта монотонность усыпляла.

– Как ты думаешь, что случилось потом?

Его голос донесся до Юльки словно сквозь пелену, и она едва не потрянула головой, чтобы прогнать сон. Что это? О чем он ее спрашивает?

– Я даже не знаю, что предположить...

– Меня взяли! Можешь представить, что я испытал? Если до этого я сомневался в том, что делаю, то с этого момента мне все стало ясно.

Она улыбалась, кивала, любовалась его оживленным лицом... Затем

ела что-то очень вкусное. Пила маленькими глоточками вино, пытаюсь разобраться в своих ощущениях, и слушала, слушала, слушала... Он говорил почти весь вечер, и Юлька была признательна ему за то, что ей ни о чем не нужно врать.

А Роман чувствовал себя в ударе. Женщины всегда торопились обрушить на него свою биографию, бесстыдно вывалить всю скучную жизнь, как корзину с бельем, и хотели, чтобы вместе с ними он занялся сортировкой: белое – в одну кучу, цветное – в другую, а вот над этим черным можно вместе поплакать – когда-то оно было нежно-голубым, но окрасилось от чьих-то носков, по ошибке брошенных в бак. Он с юности принял правила игры и знал, что его умение слушать располагает не меньше, чем внешность. Но сегодня он позволил себе расслабиться. Она так его слушала! Губы чуть приоткрыты, глаза распахнуты, и пусть это банально, но он чувствовал, что она вся устремлена к нему. И еще в ней была загадка. Она не захотела ничего говорить о себе, и он подумал, что так даже лучше: ее образ не разрушится от ненужных, пошлых, грубых подробностей вроде расставания с каким-нибудь мальчиком ее возраста или – даже подумать противно – сделанного пару лет назад аборта. Роман помнил, как вид матери Кристины – нелепой квашни, кажется, косящей на один глаз, – нарушил его цельное, гармоничное восприятие той женщины, какой была его жена четыре года назад. Он ничего не мог с собой поделаться – был слишком чувствителен к красоте, а значит, и к уродству.

После ресторана он проводил Юлю до квартиры и на прощание поднес маленькую белую ручку к губам. Она, кажется, удивилась – может быть, надеялась, что он поцелует ее в этот вечер. Но Роман не хотел быстрого развития событий. Все шло так, как должно было идти: девочка-нимфа, ее портрет с лесными цветами, постепенное узнавание друг друга... Главное – не опережать события, не забегать вперед. Все, что должно с ними случиться, обязательно случится – в это Мансуров верил всей душой.

И еще одна весьма приземленная причина его сдержанности заключалась в том, что дома его ждала Кристина, которой он сказал, что едет на встречу с человеком, от которого зависела очередная выставка. Роман знал: признайся он жене, что хочет поужинать с натурщицей, и из невинного события она накрутит бог знает что! Несмотря на пылкий темперамент в постели, Кристина эмоционально была холодноватой, и ему всегда это нравилось. Но порою она начинала вести себя как вспыльчивая рыночная бабенка, особенно в последнее время. «Это у нее от матери», – подумал Мансуров, заранее проникаясь недовольством по отношению к жене. Он с нежностью посмотрел на обращенное к нему личико, сказал,

что ждет ее у себя завтра, и уехал, предвкушая напряженную работу на целую ночь.

А Юлька тихонько открыла дверь и шмыгнула внутрь, как мышонок. Она переделалась, расторопно пробежалась с тряпкой по всей квартире, чтобы утром Марта Рудольфовна не возмущалась, что она плохо исполняет свои обязанности, и легла спать. После вина Юльке снились фантастические сны: как будто окно в ее комнате оказывается к утру разрисовано витражными птицами, и одна из них уносит ее на своей спине полетать над городом – так высоко, что дух захватывает. Станным во сне казалось лишь одно: птицы были самые разные – разноцветные, яркие, со сверкающими перьями, а спину подставила только одна – длинная, черная, похожая на облезлую ворону, да еще и косящая на Юльку насмешливым умным взглядом.

Но ощущение полета было волшебным.

В попытках разыскать женщину, ставшую прототипом для учительницы Веры Алексеевны из романа «Кошачий глаз», Василий Ковригин приехал к ее дочери. Та прохладно сообщила, что ее мать живет в другой квартире, и Ковригин отправился по новому адресу.

Конечно, проще было бы узнать его у матери Лены. Василий был совершенно уверен в том, что на одной из общих фотографий в доме Дубровиных он видел это лицо – некрасивое, но милое. И, конечно, Ольга Сергеевна не могла не знать ее. Но он предпочел более сложный путь – встречаться с Дубровиной-старшей ему отчего-то не хотелось.

«Вера Алексеевна» сильно изменилась – настолько сильно, что, пожалуй, он и не узнал бы ее, хотя обладал профессионально хорошей памятью на лица. Но она так обрюзгла и располнела, что сложно было увидеть в толстой старухе женщину средних лет с веселым круглым личиком.

Поначалу, когда ее дочь сказала ему, что мать жива и здорова, Ковригин обрадовался – его теория не находила подтверждения. Он уже не хотел оказаться правым – слишком уж страшноватая картинка вырисовывалась в этом случае. И к старухе-то он поехал только для того, чтобы исключить последние сомнения!

Лучше бы не ездил. Лучше бы ограничился визитом к дочери и на этом успокоился, подумал Василий.

Потому что все подтверждалось. Хотя она и была жива.

Ее толкнули под поезд метро, когда она стояла на платформе в час пик. Старушка рассказала ему об этом спокойно, как будто читала историю, случившуюся давно и не с ней.

– Поезд был совсем близко и так гудел, что я боялась умереть от одного только звука. Я вспомнила, что нужно упасть и лежать между рельсов, – говорила она, отрешенно глядя на Василия голубыми глазами, – и упала. И еще ртом дышала, чтобы барабанные перепонки не лопнули от шума. Вы не представляете, как там шумно. И пахнет ужасно.

Когда ее вытащили, она была без сознания.

– Два месяца потом лежала в больнице, восстанавливалась. Но ничего, слава богу, почти обошлось. В моем-то возрасте!

Ковригин поерзал на стуле, не решаясь спросить то, что нужно было спросить. Старушка выжидательно смотрела на него. «Теоретически это могла сделать и дочь, – подумал он. – Вовсе не обязательно, чтобы именно сын...» Он хотел спросить о том, не подозревает ли она родную дочь в том, что та толкнула ее под поезд, но не смог этого сделать.

– Скажите, у вас есть сын? – наконец выдавил из себя Василий, ожидая ответа с чувством, походящим на ужас.

Но она покачала головой:

– Нет, сына нет. Только дочь. – И добавила, словно оправдываясь: – Я хотела родить второго ребенка, но врачи запретили по состоянию здоровья.

Ковригин вернулся в издательство, ощущая себя страшно уставшим. Усевшись на нагретый под солнечными лучами облезлый подоконник, он вытащил из кармана лист бумаги и уставился на свои записи, по которым теперь-то точно все можно было сказать определенно.

Эльза Гири в книге «Логово волчицы» оказалась на корабле, бурей выброшенном на скалы, и едва не погибла – переломала себе все кости, но сумела выбраться на берег.

Ее прототип, соседка Лены Нина Кудряш, спустя несколько месяцев столкнулась с парнем, катавшимся на роликовых коньках, и сломала руку.

Иван Трофимович из книги «Небесный колодец» разбился, упав с лошади, потому что был пьян.

Старый тренер, послуживший прототипом для этого героя, напился и попал в аварию вскоре после выхода книги.

Вера Алексеевна из «Кошачьего глаза» умерла, потому что сын толкнул ее под поезд.

Учительница, с которой был списан персонаж, упала на рельсы в Московском метрополитене, но чудом осталась жива.

– И это только те, кого я смог найти, – вслух сказал Ковригин и потряс головой, как будто в уши ему попала вода. – А что, если остальные тоже...

Он не был наделен богатым воображением, но хорошо знал Лену и мог представить, что она испытала, проследив судьбу прототипов.

Интересно, когда она заметила? Вряд ли ей пришло в голову специально узнать, что случилось с людьми, с которых она списывала своих героев, после выхода книги. И сколько прошло времени, прежде чем она убедилась, что все это выходит за рамки простого совпадения?

«Бедный ты мой дружок, – про себя сказал Василий, вспоминая, как Лена, перестав писать, снова спряталась в свою раковину. – Как же такое случилось, а?»

Он свернул из листа с именами трех персонажей и трех их прообразов длинную трубку и постучал по стене. Из-под подоконника выбежала крупная жилистая муха, лоснящаяся, как откормленная собака, но не взлетела, а пробежала по раме и замерла в верхнем углу, подергивая крыльшками.

Глядя на насекомое, Ковригин почувствовал, что его охватывает отвращение. Он не любил мух, тем более таких. Противно было осознавать, что муха все время сидела под подоконником, но выбежала только тогда, когда он вспугнул ее ударами свернутой в трубку бумаги.

Ударами бумаги... ударами бумаги... Это словосочетание застряло у него в голове, рассыпалось тамтамами, как будто собственное подсознание хотело заставить его подумать о чем-то важном. Своему подсознанию Ковригин доверял, а после того, как оно подсказало ему фамилию Николая Мешкова, прислушивался к нему внимательнее, чем обычно.

Муха сидела рядом... все время, пока он стоял возле окна. Отчего-то это имело важное значение. Мысли Ковригина вернулись к рассказам троих человек, с которыми он встречался. Он снова прокрутил их в голове и неожиданно понял, почему не мог отвязаться от мыслей о мухе.

– Василий, ты чего здесь стоишь? – окрикнули его с лестницы, и он вздрогнул. Сверху, перегнувшись через перила, на него смотрел Ерофеев, оттопырив нижнюю губу.

– Сашка, я сейчас уеду, – неуверенно, будто сомневаясь в правильности того, что говорит, предупредил Ковригин.

– Как уедешь? Грищук всех собирает через час!

– А я через час вернусь.

Он качнул головой, сбрасывая неуверенность, и, перед тем как сбежать вниз по лестнице, смахнул толстую муху и крикнул Ерофееву:

– Скажи, чтобы без меня не начинали!

– Шутник, – пожал тот плечами, провожая взглядом широкую рыхлую спину Ковригина, вперевалку бегущего по ступенькам.

– Что случилось? – удивленно сказала старушка, от которой он уехал всего пару часов назад. – Зачем вы вернулись?

«Забыл спросить, не ваша ли дочь толкнула вас под поезд», – хотел сказать Ковригин. Но она доверчиво смотрела на него и казалась такой беззащитной, что в последний момент, изменив формулировку на более щадящую, вслух он сказал совсем не то, что собирался:

– У вас не было никаких подозрений о том, кто толкнул вас на рельсы? Ведь вы не сами упали с платформы, правда?

Она несколько раз моргнула, будто он сильно ее удивил. Пухлые, словно наполненные водой руки поднялись от колен и замерли в воздухе, как если бы она готовилась сыграть этюд на невидимом пианино. Затем плавно опустились.

– Когда ко мне приходили из милиции, я им не сказала... – проговорила старуха. – Мне казалось, что все это мои фантазии, и я не имею права оскорблять подозрениями постороннего человека.

Ковригин едва не вскочил. Почти шепотом, потому что ему хотелось закричать во все горло, он выдавил:

– Какого постороннего человека?!

– Потому что для такого ужасного, ужасного поступка не было и не могло быть мотива... – неторопливо рассуждала она, словно не слыша его вопроса. – Ведь самое главное – мотив, правда же? А его не было. Вот я и подумала...

– Кто? – спросил Ковригин.

– В конце концов, мне могло показаться. С моим зрением... Знаете, после родов у меня сильно упало зрение, я постоянно хожу в очках. А в тот день была без них, поэтому...

– Кто?!

И тогда она одними губами произнесла имя, будто боясь выпустить его.

Несколько секунд Василий не мог понять, почему именно это имя, ведь оно не имело никакого отношения к происходящему. Старушка добавила еще несколько слов и замолчала, с сомнением глядя на него. И тогда смысл сказанного дошел до него.

– Я надеюсь, вы нигде не напишете об этом? – после долгой паузы встревоженно сказала она. – Послушайте! Я никому не говорила, потому что считала, что виновато мое воображение... Не могу сказать, что я кого-то видела, все это скорее ощущения, если вы понимаете, что я хочу...

– Нет.

Она осеклась, часто заморгала.

– Что – нет? Не понимаете?

– Не ваше воображение.

Ковригин откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Все встало на свои места.

– Это не ваше воображение, – повторил он. – Это правда.

– Откуда вы знаете?! Нет, вы не можете знать!

Она вдруг рассердилась, как будто он покусился на что-то очень важное, – после Василий подумал, что, возможно, так оно и оказалось. Ей легче было считать произошедшее с нею случайностью, а не результатом чьей-то злой воли.

– Могу.

– Не можете! Вас там не было!

Морщинистое лицо покраснело, и он испугался за нее.

– Хорошо, хорошо, меня там не было, вы совершенно правы, – скороговоркой сказал Ковригин. – Вы только не волнуйтесь! Я никому не собираюсь ни о чем говорить!

Она успокоилась, но не до конца:

– Вы же понимаете, что не могло быть мотива? Мы работали вместе много лет, не дружили, но были в хороших отношениях!

Ковригин кивал, слушая, как она убеждает саму себя, и думал, что банальное наблюдение в который раз оказалось верным: действительность страшнее выдумки.

Теперь ему предстояло объяснить это Елене Дубровиной.

Лена прокручивала интервью в третий раз. В этом не было необходимости, но ей хотелось снова послушать некоторые фразы Конецкой. «Невероятная все-таки старуха, – думала она с восхищением, – злая, как собака, но до чего интересная!»

Текст был практически готов, и он получился таким, как нужно. Она могла быть довольна своей работой.

– Я довольна своей работой, – вслух сказала она, постаравшись, чтобы это прозвучало с энтузиазмом. Но собственный голос показался ей неуверенным и унылым. Чувство удовлетворения исчезло, сменившись усталостью и желанием спать. Она все время хотела спать, и никакой кофе не делал ее бодрее.

«Я теряю остроту ощущений». Даже эта мысль, которая, придя в первый раз полгода назад, вызвала у нее приступ ужаса, сейчас не оставила после себя ничего, кроме глухой тоски. Лена горько усмехнулась – это только подтверждало ее опасения. Она разучилась радоваться своим победам, пусть даже маленьким, разучилась радоваться хорошо написанным текстам и людям, своим героям. Бывшая манекенщица ненадолго втянула ее в орбиту своей полнокровной жизни, но затем Лену

выкинуло наружу, и теперь она болталась сама по себе, как грязный пакет, едва надуваемый слабым ветром. Старый, дырявый, никому не нужный.

– Я – преждевременная старуха.

Тридцать пять лет, половина жизни прожита, и все лучшее осталось в той половине. Ничего из этого лучшего не повторится. Не будет Португалии, мороженого, падающего из трубочки белой кляксой на горячий асфальт и тут же растекающегося по нему, не будет утреннего забвения в мужских руках, прижимающих к себе так, что не вздохнуть, не пошевелиться. Не будет написанных книг. Ни одной больше не будет. И все ее герои – маленькие человечки, которых она так любила, разошлись по своим историям, да так в них и остались – даже те, кому она уготовила другую судьбу. Она собиралась придумать невероятные приключения – и с Лизой Шемякиной, и с мальчиком Петькой, и с Иваном Трофимовичем, и с Эльзой... Теперь не придумает. Ни одной истории больше. Ни одного приключения. Скачки, корабли, балы, бури, побеги, перевороты, любовь, страдания – все то, что она уже сочинила и собиралась описать, изгладится из памяти окончательно спустя каких-нибудь десять лет, когда забудется даже то, что когда-то она была писательницей.

«Надо только протянуть эти десять лет, вот что», – сказала себе Елена Дубровина.

Она оттянула уголки глаз вниз, взглянула на себя в зеркало. Грустный Белый клоун. Белый – потому что бледный: даже белил ему не нужно.

Отвернулась, подняла уголки вверх, растянула губы в улыбке, наморщила нос. Ну-ка, где веселый клоун? Где туповатый жизнерадостный шутник, вечно гогочущий над тем, грустным, падающим на банановой кожуре? Она быстро повернулась к зеркалу.

Из него смотрел все тот же Белый клоун. Только зубы оскалены, и в глазах стоят слезы.

Глава 13

Иногда мне кажется, что в голове у меня растет белый шар, утыканный острыми шипами. По вечерам он начинает раздуваться и колет мою бедную голову изнутри. Мне больно. Шар раздувается, когда она рядом и говорит, говорит, говорит своим хриловатым, простуженным голосом... В такие минуты я ненавижу ее – старую, отвратительную, дурно пахнущую старуху. Я чувствую, как от нее воняет. Сколько бы она ни мылась – а она до отвращения чистоплотна, – от нее все равно разит этим запахом старости, который яснее, чем что бы то ни было другое, говорит о том, что скоро она умрет, и кишки ее сгниют, а вместе с кишками и все остальное.

И от второй воняет тоже. Люди пахнут, и это невозможно вытерпеть. Хочется, чтобы она поскорее умерла – тогда вся ее вонь уйдет в землю и останется там. А здесь можно будет дышать свободно.

Она невероятно раздражает меня. Раньше такого не было. Раньше я считала, что ее убьет кто-то другой, и поэтому относилась к ней снисходительно. Теперь я знаю, что этого не случится, и оттого заранее ненавижу ее – за то, что мне придется сделать это самой. Я еще никогда никого не убивала.

Интересно, каково это?

Я перестала себя обманывать. Мне хочется ее смерти не потому, что после этого меня ждет безбедная жизнь. Прежде я убеждала себя в том, что это так, но белый шар в моей голове начинал колоться, потому что ему не нравится ложь. Я лгала самой себе. Я хочу ее смерти, чтобы перед последним мгновением своей жизни она взглянула мне в глаза и увидела, кто ее убивает. Чтобы ее самонадеянность, убежденность в том, что она осчастливила меня, лопнули – так же, как ее голова несколькими секундами позже. Пусть она осознает, насколько ошибалась.

Ей нравится управлять чужими жизнями. Но нет ничего смешнее, чем кукловод, дергающийся при каждом рывке нитки, привязанной к его суставам. Она слишком сильно дергала меня, и ниточки в конце концов лопнули. Марионетка, вышедшая из повиновения, – как вам такая картина?

И разве можно осуждать ее за то, что она захочет хотя бы несколько минут полностью управлять жизнью той, которая так опрометчиво натянула нитки?

Кто бы знал, как мне надоело притворяться!

Кристина видела, что творится с мужем, и от испуга постепенно переходила к отчаянию. Как же так?! Она стольким пожертвовала ради него! С его молчаливого одобрения почти порвала отношения с матерью, бросила работу (хотя ей и самой хотелось это сделать), посвятила всю себя Роману... И это для того, чтобы увидеть, как в его глазах загораются знакомые ей огоньки, когда он смотрит на неоконченный портрет девчонки с ландышами?! Будь проклят тот вечер, когда она решила заключить пари с Конецкой! Это то же самое, что заключить сделку с дьяволом, – заранее ясно, кто останется в выигрыше. Почему такое сравнение не пришло ей в голову раньше?

Ей катастрофически не хватало рядом человека, с которым она могла бы посоветоваться. Подруги, приятельницы, мать – когда она вышла замуж, все они отступили на задний план, а затем и вовсе исчезли из ее поля зрения. Оставалось размытое воспоминание, как бледная тень с краю картины... Сказать по правде, она была уверена, что больше никогда не будет в них нуждаться.

И вот теперь такая беда... Кристина ощущала себя беспомощной, как ребенок. Что делать? К кому бежать? Может быть, поговорить с этой девчонкой? Бессовестная кукла, у которой на лбу написано, как хочется ей отобрать чужое! Но Кристина твердо знала о себе, что, окажись она в такой же ситуации на месте куклы, держалась бы за свой шанс руками и ногами. Что руками! Вцепилась бы в него зубами и не выпустила бы. Значит, и кукла не выпустит.

Скандалы с мужем могли лишь ухудшить положение. Роман упорно делал вид, что не понимает ее намеков, а говорить прямым текстом Кристина панически боялась: а вдруг он признается, что все ее предположения – правда?! Что ей тогда делать?!

Господи, как вдруг захотелось, чтобы кто-то пожалел ее, выслушал, сказал, что все наладится! Она была настолько растеряна, что всерьез подумывала, не пойти ли ей за советом к старухе Конецкой, но вовремя опомнилась. Один раз заключив сделку с чертом и потерпев убытки, глупо надеяться, что вторая закончится иначе.

Всхлипнув, Кристина отыскала в записной книжке телефонный номер квартиры Марты и позвонила, молясь, чтобы мать взяла трубку.

Шарк-топ-шарк-топ-шарк-топ-шарк-топ. Тапочки шваркают по паркету, сообщая всем в квартире, что по коридору движется, хромая, грузная пожилая женщина – по всей видимости, одна. Значит, мерзавка Лия снова отпросилась у добросердечной Вали по своим делам.

Конецкая гневно раздула ноздри, повернула голову в сторону двери. Та приоткрылась, будто бы под воздействием ее взгляда, и Валентина вошла в гостиную. По лбу струился пот, волосы у корней стали мокрыми. «И все равно в рубашке, надетой на теплую майку. Господи, что за деревенская привычка одеваться капустой!»

– Духота! – выдохнула Мурашова, рухнув в кресло и вытирая капли пота рукавом рубашки. – Летом мы просто сваримся.

– Летом мы будем одеваться по погоде, а не как демонстрационный манекен из палатки черкизовского рынка. Что-то случилось? Как ты себя чувствуешь?

– Физически – не очень, – призналась Валентина, моргая воспаленными веками. – Да и морально... Поэтому я и пришла.

– Тогда не тяни кота за яйца и выкладывай.

– Выложу, выложу, не торопи меня.

Она выдохнула, снова провела рукой по лбу, пошевелила губами, как человек, пытающийся подобрать нужные слова, и наконец решилась:

– Марта, помнишь, я спрашивала тебя, зачем ты привела Юлю? Ты мне тогда не ответила.

– Я тебе ответила, что собиралась...

– Подожди, не перебивай! – с неожиданной твердостью возразила Мурашова. – Да, ты что-то придумала в ответ, но это была неправда. Я очень долго размышляла над тем, что происходит. И в конце концов, кажется, поняла. Час назад мне звонила Кристина.

– Вот как?

«Никакого торжества, никакой радости. Лишь легкое удивленное движение бровями, скорее, с неодобрительным оттенком».

– Да, и она сильно расстроена. Я не очень хорошо поняла, что случилось. Кажется, пока ничего непоправимого, но девочка волнуется, переживает...

– Твоей девочке – за тридцатник! – усмехнулась Марта. – Последний раз она звонила поздравить тебя с днем рождения восемь месяцев назад. А как хвост прищемило, значит, прибежала к мамочке?

«Отлично. Ну же, Валя, возрази мне! Начни защищать свою ненаглядную Кристину, как ты всегда это делала. Я выдам тебе все твои аргументы „против“, и у тебя не останется ничего, кроме жалости к заблудшей овце, которую потрепал в ближайшем леске проголодавшийся волк. Давай, говори: „Марта, ты ошибаешься!“»

– Марта, ты ошибаешься! – покачала головой Мурашова. – Точнее, снова говоришь мне неправду. Ведь это твоих рук дело, да? Это ты

устроила все таким образом, что Кристине стало плохо?

– Что?! Валя...

– Не обманывай меня, пожалуйста. Ты знаешь, как это нехорошо с твоей стороны – обманывать меня! Потому что я никогда не могу догадаться, в чем ты соврала, а в чем сказала правду.

– Валюша...

– Нет, постой! Я хочу тебе сказать, Марта, что я знаю – то есть нет, чувствую, что ты затеяла что-то нехорошее. Все было не просто так: и эта бедная девочка, которую ты нещадно шпыняла, и твои встречи с Романом, у которого ты якобы задумала купить картину... Как будто я не знаю, как ты относишься к его творчеству! – Валентина перевела дух и закончила: – Так вот, я хочу, чтобы ты это прекратила.

Брови Марты против ее воли полезли вверх – слишком высоко для простого недоумения.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? – не веря своим ушам, переспросила Конецкая.

– Чтобы ты это прекратила, – твердо повторила Валентина. – Ты думаешь, я совсем поглупела, да? Я не желаю, чтобы ты причинила боль моей девочке ради того, чтобы она снова начала общаться со мной. Я не хочу, чтобы она страдала!

– Ты не желаешь, ты не хочешь! – передразнила Конецкая, не сдержавшись. – А чего ты хочешь?! Гнить одна со мной в этой квартире?

– Вот! Значит, я была права! Ты и в самом деле что-то затеяла!

– Ах, боже мой, Валя! Я тебя умоляю!

– Нет, ответь мне! Это твоих рук дело?! Как бы то ни было, я не стану в этом участвовать!

Мурашова топнула больной ногой по полу, и тут же лицо ее исказилось от боли. Глядя, как она охает, наклоняется к ноге, поглаживает колено, Конецкая не вытерпела:

– Да! Да, моих рук дело! А вернее, моего ума и знания людей! И не смей говорить, что не станешь в этом участвовать, – я делала это только для тебя! Для тебя одной!

– Но я тебя не просила...

Марта горько рассмеялась:

– Если бы я ждала, пока ты меня попросишь о чем-нибудь, боюсь, я бы уже приносила цветы к твоему надгробию. Нет, Валя, бессмысленно дожидаться милостей от природы. У меня все было продумано...

Все было продумано. Я не имею привычки обманывать без причины или преувеличивать, поэтому поверьте мне на слово: секунды, ровно секунды хватило мне на то, чтобы придумать *сюжет*.

Я подходила к переходу перед кофейней и возле ресторана увидела девочку в белой куртке из тех, что нынче принято называть словом «пуховик». Она собиралась зайти внутрь, и мне в бросилось в глаза, как явно она робела и стеснялась своей дешевенькой одежды. Я люблю разглядывать лица, а у нее оказалось необычное лицо – незаурядное. Правда, оно требовало огранки... Но самое занятное заключалось в том, что она представляла собой копию молодой Кристины – тот типаж, который обожает Мансуров. Я всегда подозревала, что он латентный гей, иначе откуда такое пристрастие к узкобедрым девочкам с мальчишескими стрижками?

У этой девочки волосы были отросшие, довольно неопрятные, но, помнится, я тогда подумала не о волосах, а о том, что вот оно – маленькое чудо, которое мне требовалось.

Четыре года назад Мансуров завоевал свою Кристину, и она забыла обо всем, кроме него: о друзьях, о матери, о той жизни, которую она вела до замужества. Сосуд наполнился – и в нем не осталось места ни для кого, кроме ее обожаемого мужа. Бедная моя, глупая Валентина даже не понимала, что происходит: поначалу дочь приезжала к ней раз в неделю, затем – раз в месяц, потом стала ограничиваться звонками. К тому моменту, когда я забрала ее к себе, уже прекратились и звонки: Кристина придумала ссору на пустом месте и решила, что теперь она обиделась на маму. Представляю, как радовался ее муж – он всегда стыдился такой родственницы, как Валя. Уже за одно это я сожгла бы все его картины без капли сожаления, хотя видит бог, среди них есть и неплохие.

Я посмотрела на девицу в пуховике, а воображение мое, на которое мне никогда не приходилось жаловаться, заработало само, без всякой команды. Что, если бы она находилась в моем полном распоряжении? Тогда я сумела бы привести ее в порядок и сотворить из нее такую женщину, которая очаровала бы нашего Романа. Он не раз говорил, что без Кристины не смог бы работать: она, видите ли, вдохновляла его! Стоит отдать Мансурову должное: работа для него всегда стояла на первом месте. Ни черта не понимающая в мужиках Кристина полагала, что он завоевывает ее саму. Идиотка! Он завоевывал себе музу, источник вдохновения, а вовсе не

земную женщину из плоти и крови – хотя порою я думаю, что вместо крови у Кристины течет лимфа.

Хорошо, что у меня хватило ума не рассориться с ними обоими, когда они одним движением руки вычеркнули из своей жизни старую больную мать – такую неказистую, такую утомительную! Я даже приводила к ним новых покупателей, и, памятуя об этом, Кристина добросовестно общалась со мной – как-никак от меня в некоторой степени зависело ее благосостояние. На протяжении последних месяцев я не раз хвалила себя за свою предусмотрительность. Немножко наблюдательности, чуточку любопытства – и жизнь их семьи была передо мной как на ладони. Кристина жаловалась, что муж все меньше пишет, а его жалобы мне не требовались: достаточно было взглядов, которые он *не* бросал на свою жену. Я видела, что в нем что-то начинает перегорать, а она, бедняжка, этого даже не замечает.

Что получится, спросила я себя, если заменить незаменимую Кристину? Мужчины влюбляются и изменяют своим женам так часто, что в борьбе за верность люди потеряли сам смысл слова «измена». Вы понимаете – мне не было никакого дела до того, что случится с *ней*. Я лишь хотела понять, что станет делать в этом случае Кристина.

Ответ напрашивался лишь один: вернется к матери. Другого выбора у нее не оставалось. К тому же я сама в критический момент собиралась отойти в сторону, чтобы Кристина оценила, каково приходится одиноким людям, которых никто не поддерживает в тяжелый час.

Все необходимое для этого у меня уже имелось, оставалось сделать не так уж много – кое-какие детали, которые многое значат для мужчин, хоть они этого и не понимают.

Итак, говорило мое воображение, *если бы* девчонка принадлежала мне, *если бы* она оказалась в меру внушаемой, *если бы* мне удалось слепить из нее подобие Кристины и заинтересовать Мансурова (я всегда полагала, что профессия сводни невероятно увлекательна), *если бы*, в конце концов, сложилось так, что бесподобный, прекрасный Роман со взглядом Михаила Архангела покорила бы ее, – так вот, собрав все эти «если бы» вместе, я получила, что Кристина – брошенная Кристина, наш нежный голубоглазый плющ – вернулась бы к матери, чтобы обвиваться вокруг нее. И моя Валя, чахнувшая без дочери, страдавшая втихомолку, обладавшая такими странными понятиями о любви, которые запрещают ей *обязывать* кого-то себя любить – хотя видит бог, любовь идет рука об руку с долгом, и есть люди, которых мы просто обязаны любить, что бы ни происходило, – так вот, моя Валя обрела бы спокойствие.

Вы скажете, что слишком много допущений? Возможно. Но не забудьте – я ничем не рисковала. И потом, мой сюжет был сродни озарению. Знаете, как это бывает – ты вдруг внутренним зрением видишь все, что будет, – в одно мгновение, как будто в тебя вложили уже просмотренный когда-то, но прочно забытый сон.

Я увидела, что меньше часа спустя эта девчонка снова окажется на улице. Я увидела, что Кристина, с которой я в тот вечер встречалась в кафе, поддержит тему беседы, заданную мной, – она бы поддержала все, что угодно, кроме очередного разговора о матери, – и я смогу спровоцировать ее на пари. Так оно и случилось всего получасом позже: мы говорили о том, можно ли из некрасивого человека сделать красивого, и девчонка, вышедшая из ресторана напротив, очень удачно встала под фонарем – словно по заказу. Я без труда привлекла к ней внимание Кристины и с той же легкостью, которая сопутствовала мне во всем в тот вечер, вынудила ее заключить пари – нелепое, странное пари о том, смогу ли я превратить лягушку в принцессу. На кон поставили какие-то украшения, и я едва не расхохоталась – что были мне побрякушки, когда я хотела приобрести чувства! Кристина предвкушала победу – еще бы, мой выигрыш казался ей невозможным... Интересно было бы посмотреть, как вытянулось ее личико, когда она увидела, что девчонка и впрямь пошла за мной – безропотная, несчастная, согласная на все. Я не интересовалась ее прошлой жизнью – что там могло быть такого, что заставило бы меня отказаться от моего плана? Имело значение лишь ее настоящее, а его творила я. Упоительное ощущение, должна вам признаться.

Итак, в тот вечер за одну секунду я увидела все...

Кроме концовки.

Кто, скажите, кто бы мог подумать, что основное препятствие я встречу вовсе не там, где ожидала. И оно окажется непреодолимым.

* * *

Две старухи сидели в темнеющей комнате, не включая света, – одна в глубоком кресле, ссутулившись, обвиснув на подлокотнике, как брошенная ребенком второпях мягкая игрушка. Вторая на стуле – высокая, негибкая, с алебастровым лицом, похожим на настенную маску.

– Ах, Марта, Марта... Как же ты могла так поступить?

Валентина покачала головой, не в силах понять, чем мог быть вызван к жизни такой замысел, и на лице ее были написаны недоумение и укоризна.

– Ведь Кристинка росла практически на твоих глазах! Я никогда не думала, что ты сможешь причинить ей вред. Ты знаешь не хуже меня, какая она на самом деле. Она хорошая девочка. Может быть, немножко нечуткая, но хорошая!

– Твоя дочь – потребитель, – зло возразила Конецкая. – Потребитель людей. Она имеет дело лишь с теми, от кого способна что-то взять. Мысль о том, что можно давать самой, никогда не приходила ей в голову. И это твой ребенок!

В следующую же секунду она пожалела о своих словах. Но Валя, вместо того чтобы обидеться, грустно улыбнулась.

– Да, Марточка, это мой ребенок. И ты права – она совсем не похожа на меня. У тебя не было детей, и ты не знаешь, что это такое – любить ребенка, который на тебя не похож. Самое сложное, Марта, – понять, что в действительности принесет ему пользу, ведь ты не можешь судить по себе, он же совсем другой! Я этого не поняла... Я очень ее любила, но никогда не понимала. Я восхищалась ею, но, скажу тебе честно, напоминала себе садовника-неумеху: посадил он аленький цветочек, тот из земли проклюнулся, а как за ним ухаживать, садовник-то и не знает! – Она тяжело вздохнула. – Одна надежда: что тот и сам вырастет, достаточно его поливать и от морозов укутывать. Что не загубит он свой цветочек... Что ты сказала?

Конецкая отрицательно качнула головой.

– Я была бы счастлива, если бы Кристинка ко мне пришла, – призналась Валентина, складывая распухшие ладони вместе, точно в молитве. В этой позе она выглядела смешно и нелепо. «Толстая, некрасивая, обрюзгшая. На колоду похожа... молящуюся колоду. Сволочь Мансуров, какая сволочь!» – Но если бы она сделала это сама, а не потому, что ее вынудили к тому обстоятельства. Марточка, милая моя, пойми – я хочу, чтобы она была счастлива.

– А я хочу, чтобы *ты* была счастлива! – вспылила Конецкая. – Знаю, ты мне сейчас скажешь, что на чужом несчастье счастья не построишь! Все это из разряда прописных истин, верных лишь наполовину. Если грамотно строить, то можно построить все, что угодно!

– Но я не хочу, – смиренно возразила Валентина. – Я тебе верю, Марта: можно построить, правда. Но это будет *другое* счастье. Ты знаешь, какими разными они бывают, эти счастья? Представь, что ты мечтаешь, чтобы в твоём саду выросло дерево. А вместо этого приходит строитель и строит дом. Хороший дом, прочный... В нем можно прожить прекрасную жизнь. Но это – дом. А ты хотела дерево.

Марта покачала головой и встала. С трудом распрямилась и на негнущихся ногах, прямая, как столб, дошла до подоконника. На площадке делала зарядку полоумная старуха из соседнего подъезда: бежала на одном месте, высоко задирая колени. Пародия на спортсмена, подумала Марта. Шизофренический бег трусцой. Все желающие могут присоединиться! Не желаете?

Она прислонилась спиной к стене, вспомнила, как заставляла девочку стоять, держа осанку, и попыталась выпрямиться. Вместо этого ноги сами собою согнулись в коленях, и Конецкая сползла вниз.

– Дьявол тебя раздери, Валентина! – пробормотала она. – Ты мне испортила такую игру! Курица ты глупая, великодушная! Еще один шаг оставался – и все бы у меня получилось!

Она бессильно потрясла кулаком, словно угрожая невидимому врагу, и в изнеможении опустила веки. Она хотела как лучше. Несколько месяцев идти к цели и так быстро сдаться... Обидно. Упущенные шансы жестоко мстят тем, кто их не удержал.

– Ма-арта! – позвала Валентина. Конецкая не отозвалась, и Мурашова, кряхтя, поднялась из кресла, доковыляла до окна и оперлась о подоконник, сочувственно глядя на подругу сверху вниз. – Послушай, Марта! Да послушай же!

Та подняла на нее несчастные глаза.

– Ты думаешь, что можешь играть с нами, как с марионетками, дергая за нужные ниточки? Поверь мне, дорогая... Я в тысячу раз глупее тебя, я куда меньше понимаю в жизни, ничего в ней не видела, кроме школы и своего ребенка, которого обожала – мне ли тебе об этом рассказывать! Но притом я знаю точно, что мы – мы-то можем быть марионетками... А вот ты не можешь быть кукловодом. Да-да, и не смотри на меня так! Я восхищаюсь тобой, Марта. Но для того, чтобы управлять другими людьми, нужны кое-какие черты характера, которых у тебя, к счастью, нет.

Валентина переступила с ноги на ногу, держась за стену.

– Я очень тебя люблю, – добавила она. – Умная моя Марта... Только не выдумывай больше ничего. Жизнь все равно умнее.

Пухлая рука легла на гладкие волосы, ласково провела по ним. Конецкая раздраженно дернула головой, и Мурашова, убрав руку, вздохнула и побрела к двери.

Солнце садилось за дома, и возле окна в желто-розовом свете сидела Юлька – на этот раз без ландышей, – устремив взгляд на Романа. Левому виску было тепло от падающих лучей, и волосы тоже нагрелись. Она подняла было руку, чтобы прикоснуться к ним, но по изменившемуся лицу

Мансурова поняла, что делать этого не нужно.

– Выражение! Мне важно твое выражение! – повторил он в пятый, кажется, раз. – Когда ты меняешь позу, меняется и твое лицо. Пожалуйста, подумай о чем-нибудь печальном, но таком, чтобы оно не было тебе неприятно.

Юлька подумала, что после того, как Роман закончит работу, он снова пригласит ее в ресторан.

– Да-да, что-то подобное, только расслабь губы. У тебя должен быть немного усталый вид!

«С расслабленными губами у меня будет вид слабоумной. Ведьма столько раз повторяла, что у меня плохо с мозгами, что, возможно, так оно и случилось в конце концов».

Нужно отдать Роману должное, он был очень терпелив и ласков с ней. Не сердился, когда она меняла наклон головы, давал ей передохнуть, спрашивал, не холодно ли в мастерской... Но его забота, поначалу так восхищавшая Юльку, теперь казалась ей надоедливой. И даже история про цветы, которыми он засыпал свою будущую возлюбленную, не восхищала ее так, как прежде.

Ей внезапно пришла в голову ошеломившая ее мысль, что возлюбленная – это и есть его жена. «В самом деле! Конечная ведь сказала, что он ее завоевал». Почему-то от этого Юльке и впрямь стало печально: она-то думала, что речь идет о необыкновенно прекрасной женщине, ангеле с небес... Ей представились Мансуров и Кристина, один – под окнами дома, другая – еще сонная, в своей квартире. Но теперь в воображаемую картинку добавилось столько будничных, приземленных деталей, что она стала выглядеть совсем иначе. На балкончике дома напротив полуголый мужик в семейных трусах курит сигаретку, равнодушно наблюдая за человеком, таскавшим охапки цветов. Пара владельцев собак прогуливает питомцев на соседнем газоне. Из окна первого этажа доносится оголтелый звон будильника, а на соседней улице гудит утренняя поливальная машина.

«Нет-нет-нет! – запротестовала Юлька про себя. – Не надо таких деталей! Мне нельзя терять настроение. Я должна по-прежнему считать Романа тем самым, единственным, который мне нужен. А ты... ты все опошляешь!»

Кто такой был этот «ты», к которому она обращалась, Юлька не могла бы объяснить, но он немедленно возразил ей: «Значит, ты уже и сама поняла, что с „единственным“ вышел промах, а? Но пытаешься закрыть глаза, как ребенок, думающий, что от этого исчезнет то, что ему не

нравится».

«Никакой не промах! Все у меня получится. Я должна... должна...»

«Должна – что?»

«Сделать что-то такое, чтобы все вокруг ахнули и поняли, наконец, что я собой представляю. И оценили меня! Я хочу их поразить, понимаешь? Мне наконец-то выпал шанс, так что не лишай меня этого шанса!»

«Постой, а все – это кто?» – тихо спросил голос.

– Вот-вот, держи это выражение, держи! – почти выкрикнул Роман. – Замри с таким лицом!

«Все – это... ну, все! Мурашова! Хорошо, пускай не она... Тогда – отец!»

«Кто еще?»

Голос настаивал, и Юлька сдалась.

Конецкая, черт бы ее побрал. Да, Юлька по-прежнему хотела произвести впечатление именно на нее. Весь ее мир, который сейчас должен был сосредоточиться вокруг мужчины, на которого она возлагала так много надежд, вместо этого сосредоточился вокруг старухи! Как будто Юльку обступили десятки Март, и каждая смотрела на нее со смешанным выражением издевательского сочувствия и жалости.

«Вот они – мои зрители, – с тоской подумала Юлька. – Кого я обманываю? Никуда я от нее не убежала, не смогла освободиться. Мне только казалось, что я убегаю. Что же мне нужно сделать, чтобы перестать от нее зависеть?!»

– Откуда злость! – крикнул Мансуров, и она вздрогнула. – Юленька, ангел, девочка моя, умоляю – не теряй выражение!

Юлька застыла, и следующие пятнадцать минут прошли в молчании – и снаружи, и внутри ее.

– Уф! Все на сегодня!

Он подошел к ней – улыбающийся, довольный, приглашающий улыбкой разделить его радость.

– Ты – находка, я тебе это говорил? Давай скажу еще раз. У меня никогда, поверь, никогда не было такой натурщицы!

Он склонился над ее рукой, прикоснулся губами – так мило, старомодно... Сердце Юльки, которое должно было затрепыхаться, как птица, не отозвалось ни одним ускоренным ударом. Она смотрела на седеющие волосы мужчины, который годился ей в отцы, и тщетно пыталась вызвать подходящие происходящему чувства.

«Да ведь он мне не так уж и нравится, – ошеломленно поняла Юлька. – Честно говоря, совсем не нравится. Но он красивый, талантливый,

богатый... В меня никогда не влюблялись такие мужчины! По правде сказать, в меня почти никакие не влюблялись. Я боюсь, что если отвергну его, то снова останусь одна и никому не буду нужна».

«Нельзя подменять страх мечтой», – всплыли у нее в памяти слова Конецкой.

«Конечно, нельзя, Марта Рудольфовна. Вы совершенно правы».

– Роман, извините, пожалуйста, – виновато сказала она, отнимая у него руку. – Но мне нужно ехать. Я обещала вернуться домой пораньше.

Он, не разгибаясь, поднял голову и уставился на нее так, как будто она сказала что-то неприличное. Его благородное лицо в эту минуту показалось Юльке глуповатым – наверное, оттого, что она смотрела на него сверху вниз.

– Юленька, как же так? Я собирался пригласить тебя на романтическую прогулку. Мне хочется показать тебе так много...

Он наконец выпрямился и, кажется, собрался заключить ее в объятия. «Как пишут в книгах», – в который раз подумалось ей, но сейчас то, что пишут в книгах, представилось ей пошлым и надуманным.

– Пригласите жену, – быстро сказала Юлька, удивляясь самой себе. – И покажите ей. Простите, мне и правда пора!

– Но, Юля!

Не слушая, что он говорит, она накинула на плечи палантин, рассеянно улыбнулась и пошла к выходу. Он плелся за ней, не понимающий, что случилось, извиняющийся за что-то. «За что? Это мне нужно извиняться, не ему». До Юльки донеслись какие-то ненужные слова о жене, об усталости, о том, что в таком случае он... на машине... хотя бы до ее дома... Она оборвала их, покачав головой, торопливо сказала: «До свидания» и толкнула тяжелую дверь. Мансуров остался стоять с огорченным лицом, разведя руки, в рабочей блузе, испачканной густо-лиловой краской.

Ощущение невероятной свободы – откуда только оно взялось? Бегом, бегом по лестнице, простучать каблучками, вылететь в майский вечер и не оборачиваться, не оборачиваться на окна, за которыми женщины смотрели с картин на художника, нарисовавшего их с букетами в голубых руках. Какая-то дама в белом платье попала ей навстречу, и Юлька вдруг увидела, что это Кристина – с лицом, похожим на высушенный цветок.

– Юля?

– Он вас ждет... там, наверху, – сбивчиво поведала Юлька. – Всего хорошего, прощайте!

Кристина открыла рот, но спросить ничего не успела – всем своим

видом показывая, что она страшно торопится, Юлька помахала ей рукой и побежала к воротам. Поравнявшись с ними, она заметила, что в траве под кустами белеют ландыши, но тут же поняла, что ошиблась: это всего лишь молодая крапива расцвела мелкими невзрачными белыми цветами, веночком окружающими стебель. Рассмеявшись неизвестно чему, Юлька выскочила наружу и отправилась искать ближайшую станцию метро.

Стоило ей войти в квартиру, как навстречу проковыляла Валентина Захаровна. Но вместо того, чтобы остановиться и спросить, как у Юльки дела, она лишь кивнула встрепанной седой головой и скрылась в своей комнате. Юльке показалось, что глаза у нее заплаканные. «Ничего себе! – она едва не присвистнула. – Неужели ведьма ее обидела?!»

Из-за неплотно прикрытой двери раздался звук, похожий на всхлип, и Юлька обмерла. Господи, да Валентина плачет! Ей захотелось немедленно вбежать к Мурашовой, обнять, утешить ее, сказать что-нибудь такое, от чего та рассмеется и снова станет прежней Валентиной Захаровной – спокойной и миролюбивой, неуязвимой для злых шуточек Марты Рудольфовны.

Но стоило Юльке сделать шаг к комнате Мурашовой, как дверь закрыли изнутри и, кажется, даже повернули ключ в замке. Проскрипел стул, прощуршала задернутая штора, и снова стало тихо.

Юлька живо представила, как страдает в одиночестве несчастная старушка, и ее внезапно охватил гнев. Это было вовсе не то чувство злости, в котором она пребывала постоянно еще пару месяцев назад, надеясь, что когда-нибудь ей удастся отомстить старухе какой-нибудь грандиозной пакостью. И не собачье ожесточение, появлявшееся изредка, приступами, после особенно больно кольнувшего ее замечания Конецкой. И не то чувство устойчивой, сидящей глубоко внутри ненависти, которую она испытывала к отцу. Гнев, беспримесный гнев против человека, обидевшего того, кто заведомо не мог ему ответить, поднялся в Юльке, как вихрь, раскрутился откуда-то из позвоночника – который теперь она держала прямо – и увлек за собою.

Она двинулась к гостиной, уверенная, что Конецкая сидит именно там – конечно же, где ей еще быть! Наверняка развалилась в кресле, удовлетворенная тем, что наконец-то ее уколы достигли цели. Она измывается над ними, пользуясь своим положением хозяйки дома, но Юлька ей покажет, что не всех можно доводить до крайности! Сейчас она ей все выскажет! Обидеть кроткую, нежную, безобидную Валентину Захаровну мог только никуда не годный человек. «Тоже мне, а еще подруга! – мелькало в голове у Юльки. – Да чем иметь такую подругу,

лучше не иметь никакой! Что это за дружба, за которую приходится расплачиваться слезами и огорчениями. Ведьма, настоящая ведьма, в самом деле...»

В памяти всплыли все случаи последних дней, когда Конецкая высмеивала ее, унижала и оскорбляла, и кровь прилила к Юлькиным щекам. «Значит, я сама не знаю, какая я есть, да?! Знаю, уважаемая Марта Рудольфовна! Знаю, что я чувствую по отношению к вам. Пусть вы умная, много повидавшая, пусть вы сделали меня такой, какой я бы хотела быть, – все равно я вас не-на-ви-жу! НЕНАВИЖУ!»

Юлька с небывалой решимостью распахнула дверь в гостиную. Конечно, ведьма сидела там – правда, не с книгой в кресле, как ей представлялось, а на стуле возле окна и отчего-то сгорбившись. Так странно было видеть ее с поникшей спиной, что Юлька затормозила с разбегу, уже понимая, что ошиблась и ссора с Мурашовой, если она и случилась, выглядела вовсе не так, как ей казалось. Заморгав, она остановилась посреди комнаты, и все слова, которые она готовилась выпалить, застыли у нее на губах.

Конецкая даже не подняла головы. Не спросила, как прошел сеанс у Мансурова, не бросила одну из своих едких фраз, не оглядела ее снизу доверху внимательными черными глазами, готовясь заметить любой недостаток в Юлькиной внешности. Как сидела, так и осталась сидеть, сложив руки на коленях.

«Вот оно! – кольнуло Юльку. – Ей плохо!»

Ненависть ее сменилась чем-то другим, не выразимым словами, темным и мстительным. Не совсем то, что требовалось, но зато какой шанс! Когда еще унижить ведьму, как не в тот момент, когда она сама беззащитна и не сможет ответить? Восторжествовать над ней, столько времени державшей Юльку в загоне, сказать что-то такое, от чего она окончательно ссутулится и больше не выпрямится. «Что же, что же... – судорожно соображала она. – Что-нибудь про возраст? Точно! Женщин это всегда задевает. А еще об ушедшей любви, которая, наверное, давно уже тлеет в могиле...»

Юлька сделала шаг вперед, остановилась перед старухой, вскинула голову.

– Что, Марта Рудольфовна, – с залихватской небрежностью спросила она, – мужчину не поделили с подругой тридцать лет назад? А сейчас вспомнили о былом и накатили воспоминания, да?

Старуха подняла на нее усталые глаза, показавшиеся Юльке бесцветными.

– Дура ты, – негромко сказала она. – Маленькая дурочка.

Юльку окатило жгучим стыдом – не от слов, а от усталых глаз Конечкой, страшных и больных, словно она жила на свете не семьдесят, а сто семьдесят лет, и от самой себя, небрежно бросающей омерзительные, пошлые слова.

– Марта Рудольфовна, простите меня! – сказала она сдавленным голосом и опустилась возле ее ног. – Ради бога, простите...

Та молчала. И вдруг подняла руку, провела по Юлькиной голове, пригладила ей стриженные волосы.

От ее жеста, от этой неожиданной ласки у Юльки в горле из ничего образовался ком – жесткий, шершавый, колючий, как сухая трава, он не сглаживался и не выдыхался. Она попыталась что-то сделать с этим комом, попыталась «продышать» его, но ком так и сидел в горле, пока не начал вытекать из глаз водой. Юля сидела, боясь пошевелиться, изо всех сил сдерживая воду, которая, как назло, все текла и текла – ком оказался большим.

– Ничего, ничего, девочка, – тихо сказала Марта Рудольфовна. – Ничего.

Она наконец позволила себе откинуться на спинку стула и расслабиться. Оказывается, все это время она чувствовала себя напряженной, как... Она поискала удачное сравнение. Нить? Струна? Скорее рыбак, ждущий крупную рыбу, заведомо зная, что леска не выдержит и оборвется. Или у него самого не хватит силы в трясущихся руках, чтобы удержать удилице. Как, собственно, и произошло.

Снизу шмыгнули носом.

«Наверное, оно и к лучшему... Никудышный из тебя кукловод, умная Марта. Подсунула девчужку Мансурову, решила, что используешь ее, как марионетку, а марионетка-то вот она – плачет, бестолковая, живыми слезами. А теперь скажи-ка, дорогая, как на исповеди: безразличны тебе ее слезы? Нет? Вот то-то и оно».

– Под зеркальным шкафчиком в ванной комнате нынче вечером будет бал, – сообщила Марта в пространство. – Плесень празднует прирост колонии и чувствует виновника демографического взрыва. То есть – тебя. Твоя тряпка появлялась там хоть раз за то время, что ты убираешься?

Шмыганье прекратилось. Потом Юлька заговорила, и голос у нее был почти веселый:

– Я протру, Марта Рудольфовна, честное слово!

– Сделай милость. Пока микроорганизмы не понесли тебе подношения в благодарность за разведение сырости.

Юлька вскочила, собираясь выйти, и тут на нее что-то нашло. Нож для очистки фруктов лежал рядом, на столике, откуда его забыли убрать, среди сочных, уже начавших портиться желтых груш. От них пахло кисловатой сладостью, и Юльке отчего-то представилось кладбище. Она потянулась к ножу, зажала его в руке, ощутив тяжесть короткой холодной ручки и рельеф узора.

На комнату опустилась темнота, но видела Юлька прекрасно, особенно пробор на голове сидящей старухи и ее белую, как штукатурка, шею. Окно с красным клочком в нижнем углу казалось выходящим не во двор, а в соседнюю комнату, такую же темную, как эта гостиная.

Осторожно, стараясь не задеть столик и не рассердить Конецкую, она обошла ее и остановилась за спиной Марты Рудольфовны.

– Что? – спросила та, оборачиваясь. – Что ты там делаешь?

И тут щелкнул замок наружной двери. Обе – и Конецкая, и Юля – одновременно посмотрели на темный провал приоткрытой двери. Спустя несколько секунд из полумрака бесшумно выступила невысокая фигура, повернула выключатель, и яркий свет резанул Юльку по глазам. Она прищурилась.

– Отойди от нее, – приказал бесстрастный голос. – Положи нож и отойди.

Юлька застыла с ножом в руках.

– Отойди, – повторили ей почти без эмоций. – Отойди в сторону.

Юлька отступила, не сводя глаз с человека, стоявшего в нескольких шагах от нее.

Пистолет. Вот как он выглядит. Смешно, но до этого она никогда не видела пистолета. Только в фильмах. Самое удивительное, что он и вживую смотрелся так же, как в боевиках. «Можно ли сказать о пистолете „вживую“? Наверное, нет. Он же мертвый. То есть неживой. И я тоже...»

Затормозив страшную мысль на полпути, она бросилась на человека с пистолетом.

Глава 14

К вечеру Сергей Бабкин окончательно извелся. Им никто не звонил – ни ему с Макаром, ни Маше с Костей, и дом погрузился в выжидательную тишину. Маша, накормив их ужином, снова уселась за компьютер и лишь сердито глянула на него, когда он попытался ее отвлечь. Костя валялся на диване с книжкой, наслаждаясь бездельем, санкционированным старшими. Илюшин, разрисовав десяток альбомных листов, собрался уезжать.

Сергей мучительно пытался понять, что же гложет его весь вечер. Откуда-то он знал, что дело вовсе не в угрозе, исходившей от Тогоева. И даже не в той неопределенности, которая ожидала их в ближайшие несколько дней. Дело было в другом... После нескольких мучительных попыток нащупать правильную дорогу, выведившую его к ответу, он, кажется, почти понял, в чем именно.

Во взгляде девчонки, которая назвала Бабкина доброй феей и провела прохладной рукой по его горлу, было что-то такое, от чего ему в тот вечер стало не по себе. Ощущение было такое, будто на него смотрела не двадцатилетняя девушка, а кто-то другой, куда старше и опытнее ее, а главное – отвратительнее. Как если бы за этими глазами в глубине маленькой темноволосой головки пряталось маленькое чудовище, управляющее телом Юли Сахаровой, словно пришелец из «Людей в черном». Только пришелец был трогательный, а в том, кто рассматривал Бабкина странными глазами, ничего трогательного не было.

– Серега, что с тобой? – Макар стоял в прихожей, уже готовый уходить, и внимательно смотрел на друга.

– Фантазии... – неуверенно сказал Бабкин. – Фобии. Слишком много художественных фильмов смотрел.

– Не стоит. Смотри документальные, они тебе больше подходят.

Сергей ухмыльнулся, но тревога в душе только усилилась.

Интересно, что Сахарова испытала после того, как найденный ею парень отказался убить старуху? В том, что он откажется, Бабкин почти не сомневался – прыщавый парень с наглым взглядом был трусом. Должно быть, она просто взбесилась. Но двадцатилетней девчонке без связей не так просто найти человека, готового убить кого-то по ее просьбе.

До чего страшно разозлилась, должно быть, эта маленькая сучка с ненормальными глазами. Он не удивился бы, если б она сама пришла за ним, чтобы пристрелить его в отместку за то, что он сорвал ее план. Не

исключено, что так она и сделает. Сумасшедшая тварь.

Бабкин вдруг решил.

– Пойди, – сказал он, доставая из шкафа кроссовки. – Я с тобой.

– Куда?! Оставайся дома!

Сергей упрямо покачал головой и присел на корточки, шнуруя обувь.

– Хочу заехать к Конечной.

Он застегнул кобуру, проверил пистолет.

– Прямо сейчас? Какая необходимость ехать к ней в половине десятого? Хочешь предупредить ее, предупреди завтра. Можно просто позвонить, в конце концов.

– Ну да. Позвонить и сказать: здравствуйте, ваша внучка хочет вас убить. И быстренько повесить трубку. Поехали, подброшу тебя до метро.

Василий подъехал к знакомому дому и притормозил, высматривая место, где можно оставить машину. Жара, душившая его весь день, к вечеру окончательно накрыла горячими ладонями, как пойманную бабочку. Трепыхайся, не трепыхайся – не улетишь.

«Бабочка, блин. Сто килограммов живого весу».

И еще усталость. Ему пришлось снова съездить к Мешкову, чтобы окончательно удостовериться в правильности своей догадки, и трехчасовой путь дался Ковригину нелегко. «Какая, к чертовой матери, догадка! Так оно все и было. Никаких больше загадок и догадок».

Он выматерился, сплюнул в открытое окно. Пот стекал по лбу, подмышки были мокрыми, и рубашка – слишком плотная для такого жаркого дня – тоже промокла. Приподняв локоть, Василий оглядел серое расплывшееся пятно и скривился.

«Вонять будешь, как свинья, Ковригин. Большая жирная свинья. Бегом заняться, что ли?..»

Возле подъезда, где снова крутились знакомые ему мальчишки-велосипедисты, он остановился и перевел дух. Солнце, макнувшее свой нижний край в море высоток, словно передумало садиться и застыло, окруженное дрожащим воздухом.

Слабый ветер высушил пот, и Василий почувствовал себя лучше. Правда, по-прежнему не слишком хорошо для разговора, который ему предстоял. «Выпить бы!» Он с тоской облизнул губы. В «бардачке» лежала бутылка, в которой на дне еще оставалась пара-тройка глотков воды, но мысль о гадкой теплой минералке вызвала у Ковригина физическое отвращение. Мохито. Ледяной мохито. Мелкий раскрошенный лед, который хрустит и шуршит под соломинкой, свежая мята, зеленеющая подо льдом... Черт с ним, пусть он будет безалкогольным!

С мыслями о коктейле он вошел в подъезд, поднялся на лифте – плестись по лестнице сейчас было выше его сил – и позвонил в дверь. К счастью, Лена открыла сама – в простеньком халатике до колен и тапочках на босу ногу, возле ног – ведро, в котором плавает тряпка, рядом стоят пакеты, набитые старыми вещами. Волосы она заплела в две коротенькие косички и от этого выглядела моложе.

– Вася?! – Глаза ее расширились. – Господи, что случилось?!

– Привет. Со мной все в порядке. Ленка, нам нужно поговорить.

– Но что...

– Не хочу здесь объяснять, – вполголоса сказал он. – У меня внизу машина, или можем просто постоять возле дома. Лен, пожалуйста!

«Ну же, соображай быстрее! Если сейчас выйдет твоя мамаша, конец любому разговору!»

Он занервничал, видя ее недоверие, и почувствовал, что злится, хотя злиться на нее было никак нельзя. Она свела тонкие брови, рассматривая его и, кажется, пытаясь принюхаться.

– Ты что, пьяный?

– Лена, кто там? – раздался из дальней комнаты приглушенный голос Ольги Сергеевны, и Ковригин почувствовал, что близок к панике. Он с ней не справится!

– Твою мать, Лена! Нет, я не пьяный! Можешь ты один раз в жизни сделать то, что я прошу, а?! Как будто я хочу, чтобы ты из окна выпрыгнула! Мне всего лишь нужно кое-что тебе сказать.

Она побледнела, когда он выругался. Но, как ни странно, подействовало на нее именно это – прежде Ковригин никогда при ней не ругался.

– Хорошо. Подожди, я переоденусь.

– Некогда переодеваться! – Он схватил ее за руку, решительно ведя за собой, и она едва не споткнулась о ведро с водой. – Сити и не такое сожрет.

– Что? Зачем ты... При чем здесь Сити?

– Классику нужно знать, дружок! Закрой дверь на ключ и скажи маме, что пошла выносить мусор.

– Лена, с кем ты разговариваешь?

– Сейчас же... – прошипел Василий.

Она замялась, и несколько секунд ему казалось, что его предложение соврать матери заставит ее передумать. Но затем она решилась.

– Мама, нужно выкинуть мусор!

– Только не в мусоропровод, – подсказал Ковригин, – а в мусорный бак.

– Только не в мусоропровод! – повторила Лена, повысив голос. – Он засорился, я спущусь вниз.

Ковригин схватил один из пакетов, ручки которого были завязаны узлом, дернул ее за руку и прежде, чем удивленная Ольга Сергеевна выглянула из комнаты, захлопнул за ними дверь.

Посадив Лену в машину, он отъехал за соседний дом – в тень яблоневых деревьев. Здесь было прохладнее, и Василий перевел дух. Одна тапочка с ее ступни упала, и Лена, поджав под себя босую ногу, повернулась к нему.

– Васька, – сказала она *прежним* голосом, а не тем закрытым, чужим, которым разговаривала с ним последнее время. – Какого... Что ты устраиваешь? Нет, скажи – ты пьяный, да? Пьяный?

Ковригин посмотрел на нее.

– Ты перестала писать книги, потому что с прототипами твоих героев случилось то же самое, что с героями? – без предисловия спросил он.

Лицо ее изменилось. Слабый румянец, появившийся на щеках, как только она его увидела, схлынул, в глазах мелькнуло отчаяние загнанного зверька. Она непроизвольно сжала пальцы в кулаки так, что бугорки костяшек побелели, и ее реакция лучше любых слов показала Ковригину, что он прав.

– Откуда... Откуда ты знаешь?!

– Проследил судьбу твоих персонажей и людей, с которых ты их списывала.

– Зачем?! Как ты догадался, что это нужно сделать?

– А ты как догадалась? – вопросом на вопрос ответил он.

Она расслабилась, и руки ее безжизненно упали. Лицо на несколько секунд стало совсем детским, и Ковригин будто воочию увидел маленькую девочку, прячущуюся в свой домик.

– Как узнала... – Голос ее был тих и невыразителен. – Очень просто...

* * *

О первом случае проговорилась мать.

– Помнишь Николая Евсеевича? – сказала она как-то вечером, вернувшись из школы. В тот день лицо у нее было усталое. «Они меня выжали», – говорила Ольга Сергеевна о своих учениках в подобных случаях, и Лена поняла, что это как раз такой случай – ее маму выжали.

– Конечно! А что?

– Он сегодня попал в аварию.

Лена ахнула, но по сокрушенному лицу матери поняла, что все обошлось. Если бы ее бывший тренер покалечился или, не дай бог, погиб, выражение у матери было бы совсем другое – без этой ноты сожаления.

– Не выдержал бедный Николай Евсеевич, – кивнула мать, подтвердив ее опасения. – Как это говорят – развязал, да?

– Не может быть!

В душе Лены сочувствие смешалось с острой брезгливостью. В следующую секунду к ним добавился стыд за саму себя.

– У него, наверное, что-то случилось! Мам, а ты откуда знаешь?

– Да ничего у него не случилось! – крикнула Ольга Сергеевна из ванной, и шум воды заглушил ее последние слова.

– Что?

– Его соседка сказала, что ничего серьезного в жизни Николая Евсеевича не происходило!

Она появилась в коридоре, промокая руки полотенцем.

– Я случайно обо всем узнала. Представляешь, позвонила ему, чтобы спросить его совета по одному вопросу, а соседка оказалась в квартире Мешкова. То ли за кошкой ухаживала, то ли собирала вещи ему в больницу... Вот она-то мне и рассказала.

– Надо его навестить, – не задумываясь, сказала Лена. – Ох, мам, как жалко его...

– Жалко, да. А представь, что бы случилось, если бы он не в столб въехал, а в другую машину. Или в детей на остановке. Помнишь тот случай, пару месяцев назад?

Лена помнила. Вдрызг пьяный парень, сидевший за рулем джипа, вылетел на остановку неподалеку от их дома и сбил насмерть четверых людей – троих подростков и беременную женщину.

– Можешь считать меня жестокой, – добавила Ольга Сергеевна, – но я к нему не поеду. Что хочешь со мной делай, но не верю я тому, что человек не может удержаться от выпивки, если захочет.

И Лена не поехала тоже.

К тому же ее кольнуло несколькими часами спустя. Поначалу это пришло в виде смутного ощущения, что новость оказалась неприятной не только потому, что жалко несчастного Мешкова, но сформулировать это четче она не смогла. И только засыпая, вдруг поняла, что Николай Евсеевич повторил судьбу старика, запойного пьяницы, которого она описывала с такой же нежностью и грустью, с какой относилась к самому тренеру.

От этой мысли Лена тотчас проснулась. Беспокоиться было не из-за

чего – да, совпадение, каких только совпадений не бывает в нашей жизни, – но ей стало не по себе. Она снова попыталась уснуть и уже провалилась в дремоту, но в этом полусне перед ее глазами запрыгали строчки – строчки собственного текста. Текст почему-то менялся, смысл его ускользал от нее, и она никак не могла прочитать то, что сама написала.

Рассердившись, Лена встала, разыскала «Небесный колодец» и открыла собственное описание трагедии, случившейся с второстепенным героем романа, Иваном Трофимовичем. Это было лишнее, конечно же. Как только сон слетел с нее, она окончательно вспомнила все, что придумала для старика. Захлопнув книгу, Лена вернулась в постель и, сказав себе, что завтра же навестит Мешкова, уснула.

На следующий день у нее нашлись дела, потом свалились проблемы со здоровьем матери, и когда Лена вспомнила про тренера, навещать его в больнице уже не имело смысла – старик давно вышел оттуда. Она все меньше хотела ехать к нему, но смутное чувство долго тянуло, толкало ее, утверждало, что она должна проявить хотя бы минимум внимания к Николаю Евсеевичу – в конце концов, позвонить ему, раз уж ей было лень ехать на другой конец города! – и Лена почти решилась сделать это. Но тут ее ударило новостью об Эльзе Гири.

Конечно, она была не Эльзой и уж подавно не Гири. Лена не знала, как зовут эту девчонку с разбойничьим взглядом и привычкой подворачивать джинсы – одну штанину всегда чуть выше другой, и отчего-то неизменно левую. Но имена были неважны. Она видела ее – отчетливо, как всегда видела своих героев, – на носу корабля, переодетой в мужскую одежду, с волосами, серебрящимися от брызг, с хулиганской ухмылкой на загорелом лице. Такой она очутилась и в ее книге.

О том, что девчонка-роллерша едва не убилась в парке, ей рассказал сосед. По утрам он выгуливал глуповатого чау-чау, и Лена частенько останавливалась перекинуться с ним парой слов, подозревая, что когда-то и он окажется в одной из ее историй – возможно, даже вместе с собакой.

Когда он сказал «врезалась в дерево», Лена почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Прежде ей казалось, что это фигуральное выражение, но теперь она убедилась в том, что это не так: мягкую пружинящую почву, на которой отпечатались собачьи следы, словно потянули вниз и вбок, и ноги у Лены тоже поплыли следом за землей. Чтобы не упасть, она схватилась за собаководов и поймала его смущенный взгляд.

– Как – врезалась? – пересохшими губами выговорила Лена. – Отчего? Он встревожился, глядя на ее лицо, и стал спрашивать, хорошо ли она

себя чувствует. Это все было не то и не о том, и с испугавшей его настойчивостью Лена повторила свой вопрос. Тогда сосед рассказал ей все, что знал, а знал он не так уж и много – лишь то, что роллерша сильно покалечилась, едва не погибла, а все потому, что не смогла вырулить на дорожке и объехать какого-то мужчину.

– Да не беспокойтесь вы так, – приговаривал сосед, – она жива, а переломы – это дело такое, излечимое.

Попрощавшись с соседом, не в силах выдерживать его сочувственный взгляд – конечно, откуда ему было догадаться о том, чем вызваны ее расспросы и тревога, – Лена вернулась к себе, но не смогла дойти до квартиры и опустила на пыльные лестничные ступеньки.

Как же так... Сначала один, затем другая, и с такой беспощадной, пугающей точностью! В центре Москвы неоткуда было взяться кораблю, но зато в избытке росли деревья, которые вполне могли исполнить роль скал в том, что касалось столкновений и близко прошедшей смерти. Николай Евсеевич не ездил верхом, но водил машину – сложно представить образ ближе. Лена поймала себя на том, что в панике пытается подсчитать – сколько героев умерло в ее книгах? Искалечилось? Поломало свою жизнь? Раздавая выдуманные жизни, щедро наделяя их горестями и радостями, резвясь, как ребенок с игрушкой, – кому еще она испортила реальную судьбу?!

«Ты сошла с ума! – одернула себя Лена. – У тебя мания величия! Так не бывает!»

Но в мыслях всплыло интервью известного писателя, которого Лена очень любила. «Описывая своих близких, я никогда не выдумываю для них ничего плохого, – сказал писатель. – Есть во мне глубокий суеверный страх перед пересечением этих непересекающихся на первый взгляд параллелей: жизни реальной и жизни книжной. Нам и впрямь не дано предугадать, как слово наше отзовется, но не только в том смысле, какой вкладывал в эту строчку поэт. Было дело, когда в жизни моей семьи происходили совпадения настолько пугающие, что не стоит даже рассказывать об этом, чтобы не прослыть сумасшедшим. Я больше не хочу рисковать».

Сидя на ступеньках, Лена чувствовала, как ее колотит, но не могла понять, отчего – от того, что стены подъезда пропитаны холодной сыростью, или от того, какая картина ей представилась. «Надо выяснить об остальных... А вдруг и они тоже...»

Но выяснить это было невозможно. Не технически – с этим у Лены как раз не возникло бы проблем: профессия журналиста давала определенные преимущества в этом отношении. Но она испытывала страх, граничащий с

ужасом. Страх выглядел как строчка на белой, будто присыпанной снегом странице и начинался со слов «А что, если»...

В тот раз она заставила себя успокоиться. Выпила валерьянки, посмотрела хороший фильм, прогулялась по любимой Остоженке... Набор нехитрых средств помог ей – она уверила себя в том, что имеет дело с совпадением. Такое прекрасное слово – «совпадение»: оно объясняет почти все, что вообще поддается объяснению. Разве не высок риск столкнуться со случайным прохожим у девушки, которая носится как безумная по всему парку, нацепив наушники? Разве не закономерно, что старик, много лет державшийся и не выпивавший ни капли водки, в один печальный день вдруг сорвался? Должно быть, ее подсознание подсказало наиболее вероятный жизненный сценарий для каждого из ее персонажей. Все дело в ее знании людей. Именно так! В знании людей и совпадении – и больше ни в чем. Она в это верит.

Почти верит.

Некоторое время Лена держалась этой мысли, и постепенно ее стало отпускать. В один прекрасный день, написав сцену, которая ее саму привела в восторг, она даже позволила себе с улыбкой вспомнить свой страх и посмеяться над собой.

Сцена удалась. Герой, несчастный в любви, осознав, что жизнь больше не принесет ему радости, решил уйти на войну и в первом же сражении был смертельно ранен случайной пулей – по иронии судьбы и замыслу автора, выпущенной его более удачливым соперником. Сцена получилась глубоко трагичной, как и задумывалось, и Лена была почти счастлива – ей все удалось. Ощущение волшебства, когда ниточка, свитая из произносимых ежедневно слов, вдруг сама собою сплеталась в ковер-самолет, уносящий Лену в другие страны и времена, сегодня было на редкость сильным. В такие минуты она остро чувствовала, какой неправильной жизнью жила до того, как начала писать, и как невероятно ей повезло, раз теперь у нее есть такая возможность. «Я – везучий человек!» Она улыбалась, поставив точку в абзаце, улыбалась, выключая компьютер, и продолжала улыбаться, встретив мать после работы.

– Ужасная история на днях случилась, – сказала Ольга Сергеевна, поставив пакеты с продуктами на пол. – Помнишь вашу учительницу химии? Она упала под поезд, едва жива осталась. Толпа в метро – страшное дело, просто страшное. Ведь толкнут, не заметят, и никто не поможет! У нас в школе собирают деньги на ее лечение – говорят, то ли у нее ноги отнялись от страха, то ли их повредило последним вагоном. Ох, да что ж такое творится...

Лена отчетливо запомнила, что в ту секунду смотрела не на мать, а на пакет, стоявший на полу, – в нем просвечивала книга с размытой женской фигурой на обложке. А в следующий миг ей показалось, что это она внутри пакета, не может дышать под белым полиэтиленом, не может разомкнуть губ, к которым намертво прилипла пленка. Лена закричала и потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, перепуганная до смерти Ольга Сергеевна хлопотала вокруг нее, собираясь вызвать «Скорую помощь». Лена еле ее отговорила. Она что-то соврала матери о причинах обморока, не думая о том, насколько убедительно звучит ее вранье, – у нее не было на это сил. Все мысли, чувства словно сконцентрировались вокруг одного воспоминания: вот она придумывает героиню, которая должна стать жертвой в новой книге, «Кошачий глаз», и вспоминает о своей учительнице, которая давно уже не работала в школе. «То, что надо!» Тихая, беззлобная, не сердящаяся даже на самых отъявленных хулиганов, – идеальная жертва, вызывающая сочувствие у самой Лены, а значит, и у читателя. И учительница оказалась в истории, которая для нее заканчивалась очень печально. Лене было жаль свою героиню, очень жаль, но по сюжету ее смерть была необходима. И потом, это было так *жизненно...*

Лена плохо помнила, как провела следующие несколько дней. Во втором воспоминании она видела себя бредущей по скверу в каком-то сомнамбулическом состоянии, окруженной призраками убитых ею людей, – теперь она уже не могла сказать, кто из них был живым, а кто вымышленным. Судьба щелкнула ее по носу, но она не поняла этого, и тогда ей преподали второй урок. Но даже после этого ее самонадеянность одержала верх, и она вывернула ситуацию наизнанку, ухитрившись приписать себе лавры «читателя человеческих жизней». В наказание за это следующий удар оказался таким, что сбил ее с ног.

«Я едва не убила ее, – думала Лена, и образ Веры Алексеевны сливался в ее воображении с настоящей учительницей. – Своими руками... мыслями... фантазией... Господи, я чудовище! Я не хотела, чтобы мои подозрения сбылись, и оттолкнула их от себя, хотя в глубине души всегда знала, что это правда. Кто еще умер по моей вине?»

Призраки неслись рядом с ней, умоляюще заглядывали в глаза, и каждый просил переписать их судьбу так, чтобы их ждало счастье. Ночью они пришли снова, и Лена несколько раз просыпалась в холодном поту, сдерживая крик. Господи, что она наделала! Что она наделала...

С утра она зарылась в воспоминания других авторов. Многие из них

намекали на то, что написанное ими имеет обыкновение сбываться, а некоторые говорили об этом прямо – как тот писатель, один из ее любимых. «Почему я не обращала внимания на это раньше? Я знала, знала, но заставила себя закрыть глаза. Мои книги были мне важнее, чем жизнь живых людей».

Это была правда. Слово Молох, пережевывающий одну жертву за другой, она питалась чужими судьбами. Сколько их, этих жертв? Пять? Десять? В каждом ее романе кто-нибудь погибал, кого-то предавали, кто-то предавал сам, терял любимых...

Лена едва не застонала. Если бы можно было писать книги, в которых все счастливы и живут вечно! Но это невозможно. А значит, выход только один.

Она стерла начатую главу новой книги, уничтожила все записи, помогавшие ей в работе. Панически боясь узнать о ком-то еще, кто стал жертвой ее стремления заимствовать персонажи из окружающего ее мира, Лена специально старалась обходить молчанием все темы, которые могли вывести ее на судьбу прототипов.

Словно в отместку, ее дар выдумывать истории из ничего иссяк. Даже когда Лена попыталась сочинить что-то о выдуманных персонажах – полностью выдуманных, слепленных на скорую руку из обрезков книжных героев, – у нее ничего не получилось. В том месте, где открывалась когда-то дверь в другие миры, теперь была даже не стена – пустота, и от этого Лена ощущала себя как человек, у которого отняли способность дышать, но он почему-то остался жив. Хотя ему постоянно хочется вдохнуть, а у него не получается.

И еще она боялась, что если проговорится кому-то о том, что случилось, то закончит свои дни в сумасшедшем доме. «Писательница считает, что ее божественный дар обернулся дьявольской стороной!» Она словно воочию видела заголовки в газетах. Ни один нормальный человек ей не поверит – писателей не стоит принимать в расчет, они сами люди далеко не здравомыслящие. Она никому ничего не сможет доказать.

И не станет. Но сделает все, что в ее силах, – остановится, пока не поздно. И будет верить, что никто не погиб по ее вине, потому что если не верить в это, то жить будет совсем невыносимо.

* * *

Василий дослушал ее прерывающийся, сбивчивый рассказ. Когда она

замолчала, он немного подождал, не будет ли продолжения, но она больше не говорила ни слова, а только сидела, сжавшись, в своем нелепом халатике. Вторая тапочка тоже свалилась с ее ноги, пристроилась рядом с первой. Веселенькие тапочки... они странно не сочетались с ее рассказом, как не сочетались две косички, цветы на халатике, босые пятки, одна из которых была в чем-то испачкана. Разве можно с босыми ногами рассказывать о неприятных вещах?

«Мохито, – в который раз за этот вечер подумал он. – И хорошо бы настоящего, с ромом». Василий пообещал себе, что, когда все закончится, он поедет в ближайший к дому бар и выпьет четыре порции мохито в одно рыло. Может быть, даже пять. Но это будет потом, а теперь нужно сделать то, зачем он приехал. Рассказать ей.

– Лен, вот что... Ты никогда не задумывалась над тем, что могло заставить тебя прекратить писать книги?

Она смотрела на него без выражения, и он понимал, что сейчас ее здесь нет. Она там – идет по скверу, переживая заново все то, через что прошла тогда, и призраки кружат вокруг нее, плача, как ночные птицы.

– Мало что могло бы, я думаю, – ответил он вместо нее. – Даже если бы тебе предложили самую прекрасную работу, ты бы отказалась. Тебе нравилось писать книги, правда?

Она даже не кивнула. Ковригин был не уверен, что она вообще его слышит. Но сегодня ему нужно было достучаться до нее во что бы то ни стало. «Только бы не стукнуть так, чтобы ей снесло крышу», – с невеселой усмешкой подумал он.

– Тебе нравилось писать книги... – неторопливо повторил он. – У тебя богатая фантазия. Даже слишком богатая, я думаю. Если бы кто-то решил, что нужно заставить тебя перестать писать, он бы использовал это в первую очередь. Твою фантазию, угу.

Никакой реакции. Но она хотя бы смотрела на него. Правда, прочитать, что там, в глубине ее глаз, он не мог.

– И если бы он решил это сделать, то весьма подходящим для него оказался бы тот факт, что ты из рода писателей-воров. Крадешь характеры и образы. Подсматриваешь в жизни и уносишь в клювике, ага?

Она шевельнулась, и Ковригин неожиданно ощутил, что в нем поднимается злость. Он очень давно не испытывал злости – во всяком случае, такой, которая собиралась накатить на него волной. Он чувствовал ее, как хороший пловец, стоя на берегу, чувствует приближение зеленой водяной стены, еще не видимой глазу.

– А если тебя испугать, а? Взять и убедить в том, что придуманные

тобою истории сбываются на самом деле? Это не так сложно устроить, как тебе кажется. Или тебе ничего не кажется?

– Я не...

– Конечно, ничего, поскольку ты над этим даже не задумывалась! Но если употребить на решение этой задачки хоть немного ума – ума, а не воображения, потому что воображение для таких задач противопоказано, – то можно найти простой ответ. Совсем несложно, вот какой ответ. Достаточно выбрать нескольких твоих литературных героев и организовать все так, чтобы с ними что-то случилось. Не обязательно даже буквально следовать тексту книги. Ты сама додумаете все, что нужно. Эльза Гири разбивается на скалах? Так давайте найдем парня, который за небольшую мзду согласится сбить девчонку, с которой списана эта несчастная Эльза. Перелом ноги и пара сломанных ребер, слегка преувеличенное описание трагедии – не специально, лишь из-за сработавшего «испорченного телефона», – и вот ты веришь в то, что почти на твоих глазах случилась катастрофа. Корабль разбился, все погибли.

– Ковригин, что ты несешь?!

Он почти обрадовался тому, что она закричала на него. Наконец-то она была здесь, в машине рядом с ним, а не бродила где-то в прошлом. И хотя страх по-прежнему сидел в ее глазах, он уже начал перерождаться в *другой* страх.

– Ты ведь ни от кого не скрывала, что у большинства действующих лиц твоих романов есть прототипы. Не так сложно было выяснить, кого для какой роли ты использовала.

– Зачем? Я не понимаю...

– Я не знаю наверняка, зачем. Могу только догадываться. Ленка, дружок, ты очень хорошая дочь. Любящая.

Что-то в его интонации заставило ее всмотреться в его лицо, и голос ее дрогнул, когда она спросила:

– О чем ты?

Василий чуть наклонил голову, и лицо его приобрело такое выражение, что Лена подумала о быке, собирающемся убить тореадора.

– Знаешь, почему Николай Евсеевич напился? – сказал он. – Потому что твоя мама приезжала к нему в тот день. Она привезла с собой бутылку редкой настойки и уговорила его выпить с ней. Что случилось дальше, не нужно тебе рассказывать.

Лена открыла рот, но не издала ни звука. Впрочем, если бы и издала, это бы не остановило Ковригина.

– Знаешь, почему твоя соседка по подъезду Нина Кудряш оказалась в

больнице? Потому что ее толкнули – специально толкнули, слышишь, ты, совестливая балда! Какой-то парень, которого она раньше никогда не видела, и лицо его было закрыто шлемом. Но ты, конечно же, не удосужилась узнать такие подробности! Тебе было не до того. Ты пережевывала свои страдания по поводу внезапно обрушившегося на тебя волшебного дара – управлять судьбами других людей, правда?!

Лена попыталась что-то сказать, но Василий не дал ей вставить и слова. Он ощущал, что завелся и что остановиться уже не сможет. Кажется, если бы она попробовала прервать его, Ковригин бы ее ударил.

– А хочешь знать, что случилось с твоей учительницей? Я тебе скажу. Ее тоже толкнули, только с платформы, и сделал это вовсе не ее сын. У нее вообще нет сына. Есть дочь, но она ни при чем. Тебе интересно, кто это сделал? Ты, долбаная писательница, увлекающаяся другими людьми, – тебе хочется знать, кто это сделал?!

– Нет! – выкрикнула она, и он замолчал.

Бешенство испарилось, как будто его и не было, а злость свернулась клубком где-то в глубине души. Жалость к глупой Ленке, его несчастной, бестолковой, затравленной Ленке, совсем было исчезнувшая жалость вернулась и охватила его с новой силой, став такой острой, что причиняла ему почти физическую боль. Ему захотелось обнять ее, прижать к себе изо всей силы, но он не мог этого сделать, прежде чем не договорит до конца.

– Твоя мама, – сказал Ковригин. – Вот кто это сделал. Учительница узнала ее в толпе. Милиции она ничего не сказала, потому что была уверена, что обозналась, – ведь у твоей мамы не было мотива! Вот только она не обозналась, Лен. И мотив у нее был.

– Я тебе не верю, – выдохнула она. И без того бледное лицо побелело еще больше, стало похоже на бумажный лист с нарисованными носом, бровями, губами. Только глаза были живые.

– Верись. Уже поверила.

– Она бы никогда этого не сделала!

– И все-таки она это сделала. Твоя мама знала очень многое о твоей работе. Ей было несложно подстроить все три случая. С третьей жертвой она вместе работала в школе, знала адрес, могла легко ее выследить. Кстати, у вас дома в семейном альбоме есть фотографии, где снят весь их учительский коллектив. На одной из них я и видел эту «Веру Алексеевну». Ты знаешь, что после той трагедии у нее отнялись ноги? Она до сих пор плохо ходит.

– Не верю!

– С Николаем Евсеевичем твоей маме повезло – ведь он мог бы

доехать и без аварии. Но не доехал. Если бы ты удосужилась встретиться с Мешковым, он бы тебе рассказал, кто приезжал к нему с бутылкой и уговорил потом сесть за руль. Но ведь Ольга Сергеевна ненавязчиво дала тебе понять, что не стоит этого делать, да?

– Ты все врешь!

Ее отчаянный крик заставил его замолчать.

– Я тебе не верю...

Губы тряслись и прыгали на ее лице, и Ковригин отвел взгляд. Усилием воли овладев собой, Лена с трудом выговорила:

– У тебя нет никаких доказательств. То, что мама приезжала к Мешкову и не рассказала мне об этом, ни о чем не говорит. Ей просто было стыдно!

– Учительница запомнила ее.

Лена прижала тыльную сторону кисти к губам, и на секунду ему показалось, что сейчас она укусит себя и кровь потечет из руки. Но когда она отняла ладонь, следов укуса на ней не было. И губы успокоились.

– Я хочу с ней поговорить, – хрипло сказала она, и Василий сразу сообразил, кого она имеет в виду.

– Я тебе не вру.

– Я хочу с ней поговорить. Сейчас.

Ковригин внимательно посмотрел на нее, понял, что возражать нельзя, и завел машину.

Бабкин ехал быстро, бросая «БМВ» то вправо, то влево, когда перестраивался из одной полосы в другую. Макар, попросивший подвезти его до книжного магазина, недвусмысленно выразил свое отношение к встрече с Конечкой. «Незачем тебе туда ездить, Серега. Наверняка дочка Тогоева уже сбежала, решив, что возле несостоявшейся жертвы ей делать больше нечего».

Никуда она не сбежала, хотел сказать Сергей. Но промолчал. За интуитивные озарения у них отвечал Илюшин. А сам он не знал, как назвать то гнетущее ощущение, которое вцепилось в него, как злобный пес, и не отпускало, изредка потягивая на себя, чтобы он не забывал о том, что его кто-то держит. «Я только поговорю со старушкой, и все. Надо было раньше это сделать».

– Надо было раньше это сделать, – повторил он вслух. – Чего я боялся?

– Ну, ты же предупредил парня, – пожал плечами Макар.

– Предупредить-то предупредил, но это могло сработать только с ним, уродом. А меня куда больше беспокоит Сахарова.

– Вряд ли она настолько сошла с ума, чтобы убить тетушку самой.

Бабкин в сомнении покачал головой. «Прекрасная фея...» Это он, а не Макар видел маленькую змею эфу, шипящую на него, высовывающую раздвоенный язычок. И после того, что он видел, он ни в чем не мог быть уверенным.

– Я нашел заметку о ее матери, – сказал он, когда они встали перед светофором.

– Чьей? А, Сахаровой! Пстой, а как ты ее прочел? Или о ней писали в русскоязычной прессе?

– Нет, она на английском, но Машка мне перевела. Там сказано о подробностях ее смерти. Тогоев был прав.

– В чем? В том, что его жена была, как он выразился, «с прибабахом»?

– Угу. Знаешь, что она сделала?

Светофор перед ними переключился на желтый, затем на зеленый. Следя за машинами, Бабкин замолчал, и Макар терпеливо ждал продолжения.

– Она каждый день покупала мясо в одном и том же магазинчике, – наконец сказал Сергей, сворачивая с проспекта, чтобы избежать пробок. – Четыре года. Продавец там был мексиканец, ему помогала младшая сестра. По словам очевидцев, в одно солнечное утро Агнесса Тогоева зашла в его магазин в очень плохом настроении, а он возьми да скажи ей, что мясо, которое ей требовалось, еще не привезли. Она возразила, что звонила ему накануне по телефону, и он обещал, что мясо будет. Оно требовалось ей для вечернего приема гостей.

Бабкин вырулил, объезжая две столкнувшиеся иномарки.

– И что случилось потом? Вечерний прием, как я догадываюсь, не состоялся?

– До него дело не дошло. Продавец предложил Тогоевой зайти попозже и, возможно, был с ней не совсем вежлив. Все закончилось выпущенной в него пулей из револьвера тридцать девятого калибра. Остальные посетители магазина в панике разбежались.

– Где-то я уже видел что-то подобное... Вспомнил! Был такой фильм, в котором доведенный до отчаяния клерк поубивал половину персонала в окрестных магазинах, борясь за высокое качество обслуживания. Знаешь, в определенной ситуации я вполне могу понять эту несчастную Агнессу. Конечно, небольшой прибабах в этом и впрямь просматривается, но у нас с таким прибабахом половина столицы беспрепятственно ходит по улицам.

– Подожди. Я не закончил.

– Неужели? – Заинтригованный Илюшин уставился на Сергея.

– Да, слушай дальше. После того как она осталась в магазине с трупом

продавца, Агнесса кое-что сделала. Сестра мексиканца спряталась за холодильной камерой и видела, как та сняла с парня одежду, а затем взяла мясной топорик и немного разделала его.

– Шутишь?!

– Нет. Срезала мясо с его ягодиц, взвесила и упаковала. И собиралась пойти с ним домой, но тут приехала полиция.

– Довольно некстати для нее, – пробормотал Макар. – Чем же закончилась встреча с полицией? Арестом?

– Нет. Она стала сопротивляться, открыла огонь, и ее застрелили.

– Ну конечно... Добыть мясо с такими сложностями, чтобы потом отдать его без боя?

– Черт, Макар, ну и шуточки у тебя! У меня, честно говоря, до сих пор мурашки по коже от той заметки. Там все очень подробно описано. Я бы даже предпочел, чтобы журналист был менее осведомлен о деталях.

Машина остановилась возле магазина.

– Интересно, получилось бы у нее то блюдо, которое она собиралась приготовить для гостей? – задумчиво протянул Илюшин вполголоса.

Бабкин покосился на него, и на лице его отразилось все, что он думает о любопытстве такого рода.

– Вылезай, извращенец. Вон твой книжный.

У подъезда возникла заминка. Код, который набрал Сергей, ориентируясь на вытертые кнопки, оказался неверным. Он попробовал снова, потом еще, но каждый раз черная панель отвечала протестующим пиканьем.

Тогда, взглянув на номера квартир, написанные над дверью, он набрал один из них. Послышались гудки, затем домофон отозвался искаженным женским голосом.

– Да?

– Добрый вечер, доставка цветов, – деловито сказал Бабкин. – Дверцу вашу откройте, пожалуйста. Я внизу стою.

– Какая доставка? Я ничего не заказывала!

– Секундочку.... Дом пять дробь два, квартира сорок восемь?

– Да...

– Ну что же вы, девушка, голову мне морочите! Вот у меня адрес записан на квитанции.

– Но я...

– Девушка, вы примите ваши розы, – недовольно попросил Сергей, – а потом разбирайтесь, кто вам их прислал.

После недолгой тишины он услышал, как дверь тихо щелкнула. Сергей

вошел в подъезд и только теперь сообразил, что мог попросту позвонить в квартиру Конецкой вместо того, чтобы обманывать девушку, соврав о несуществующих цветах. От этой простой мысли он встал как вкопанный, чувствуя себя крайне глупо. И услышал, как медленно закрывающуюся дверь подъезда за его спиной перехватили, не дав ей захлопнуться, и какая-то женщина сказала, заканчивая фразу: «...но я же была у нее несколько раз и никого не видела!»

Что-то в ее голосе – высоком, прерывающемся – поразило Бабкина, и он обернулся.

Когда Ковригин вынул ключ зажигания, Лена, смотревшая в окно, не отрываясь, резко спросила:

- Что мы здесь делаем?
- Ты сама просила привезти тебя к учительнице...
- Она живет в этом подъезде?
- Да.
- И на каком этаже?
- На пятом.

Василий не понимал, чем вызваны ее вопросы, и оттого растерялся. Он был готов к чему угодно, кроме того, что она начнет выпрашивать его об адресе.

– На пятом? – переспросила Лена, наконец обернувшись к нему, и он увидел, что лицо у нее непонимающее. – Как на пятом? Подожди... Не может быть! В пятьдесят четвертой квартире?

Теперь настала его очередь изумляться.

– Да, там! Откуда ты...

– Ко-нец-кая? – отчетливо, по слогам выговорила Лена. – Марта Конецкая?! Господи, но как... нет, это невозможно! Я же разговаривала с ней! Я читала ее биографию! Там ни слова не было... Куда ты меня привез?! Ты меня обманываешь!..

– Да тихо ты! – рассерженно рявкнул Ковригин, и она осеклась. – Понятия не имею, кто такая Конецкая! Мурашова ее фамилия, Валентина Мурашова!

Лицо женщины, вошедшей за ним следом в подъезд, показалось Бабкину знакомым. Он определенно видел ее раньше и даже помнил собственное ощущение – «смутно знакомое лицо»... Следом за женщиной образовался полный, рыхловатый тип лет сорока, небритый и лохматый. Он мазнул по Сергею взглядом и даже кивнул в знак приветствия, а его спутница, не посмотрев на Бабкина, почти пробежала мимо него к лифту и несколько раз нажала на кнопку, явно нервничая.

– Я не видела ее... – повторила она снова и прижала руку ко лбу. – Как такое может быть?

Толстяк взял ее под локоть, бросив предостерегающий взгляд на Сергея, но его спутница этого, похоже, и не заметила. Бабкину показалось, что рядом с ней можно было бы выстрелить из пистолета, и женщина бы даже не повернула головы. Искоса поглядывая в ожидании лифта на странную пару, он вдруг вспомнил, что определенно встречал ее возле этого дома – тогда, когда выслеживал Юлю Сахарову.

Двери лифта открылись, женщина вошла внутрь и, едва дождавшись, пока зайдут толстяк и Сергей, нажала на кнопку пятого этажа.

«Так... Это становится все интереснее», – подумал Бабкин, уже почти уверенный в том, что они направляются туда же, куда и он.

– Вы тоже в пятьдесят четвертую? – спросил лохматый, когда Сергей остановился возле квартиры Конечкой.

Женщина удивленно обернулась к нему и, кажется, только теперь осознала, что рядом с ней все это время был кто-то посторонний.

– Да. Не могли бы вы...

Не успел он договорить, как из квартиры раздался женский крик.

Переглянувшись, оба метнулись к черной двери, и Бабкин сперва позвонил, а потом заколошматил по ней что было силы.

– Откройте, милиция! – заорал он. – Открывайте!

Внутри прогремел выстрел, показавшийся им оглушительно громким. Три человека перед дверью замерли.

– Тва-й-ю мать! – выругался Бабкин. – Опоздали!

– Вася... – пролепетала женщина. – Господи, Вася, что там происходит?!

Сергей с новой силой обрушил на дверь удары кулака. Ковригин оценил вид двери и, поняв, что выбить ее не получится, быстро начал набирать номер.

– Звони в милицию, – бросил Бабкин через плечо, но увидел, что лохматый именно этим и занимается.

И тут изнутри повернули задвижку. Напрягшийся для прыжка Бабкин одним движением отодвинул женщину в сторону и ногой толкнул дверь. Ковригин заметил у него в руках пистолет и поразился тому, когда этот здоровяк успел его достать.

Двигался Сергей бесшумно и очень быстро. Оказавшись в квартире, он в первую секунду решил, что открывший им дверь спрятался, но затем увидел на полу ворочающуюся груду и присел, оглядывая коридор и не опуская пистолета. Груда оказалась толстой пожилой женщиной с серым

лицом, с которого тек пот. Она заваливалась на бок, пытаясь ухватиться рукой за стену, но пальцы сползали вниз, и она снова дергала рукой, будто тонула.

– Там... – прошептала она, едва поведя подбородком, – она ее убьет. Помогите, пожалуйста...

Бабкин попытался помочь ей сесть, но стоило ему взять ее за плечо, как пальцы погрузились в липкое, горячее. «Вот же мать твою...» Он почувствовал сзади дыхание и тихо приказал, не оборачиваясь:

– Вызови «Скорую», срочно. Скажи диспетчеру, что здесь огнестрельное. Помоги ей.

За его спиной раздался негромкий сдавленный вскрик, женщина схватилась за его руку, опустилась на колени перед раненой.

– Валентина Захаровна... Кто?.. За что?

– Леночка... – прошептала старуха. – Ты? Уходи отсюда, милая! Уходи, уходи... Не нужно тебе здесь оставаться.

– Валентина Захаровна, не разговаривайте! – очень тихо сказала женщина, и Бабкин, опасавшийся истерики, с удивлением услышал в ее голосе приказные нотки. – Сейчас приедет «Скорая», вам помогут. Подождите-ка... Вася, помоги мне!

Сергей выпрямился, обернулся к ее спутнику, у которого в руках невесть откуда оказалась белая тряпка, свернутая в жгут.

– Забирай свою бабу, и выметайтесь! – торопливо проговорил Бабкин, прислушиваясь к звукам в глубине квартиры. – Только старуху вытащите. Знаешь, кто стрелял?

– Понятия не имею, – вполголоса отозвался тот. – Милиция разберется.

– Милиция – это, конечно, хорошо, – страдальчески поморщившись, пробормотал Бабкин. – Вот только когда она еще приедет, та милиция!

– Э! Ты куда?! Спятил, что ли? Слышь, мужик!

Не обращая больше внимания на лохматого, Сергей двинулся в сторону косоугольного ромба света, падавшего из дальней двери. Не дойдя двух шагов до него, остановился и снова прислушался. Изнутри доносился доброжелательный женский голос.

– ...случайность. Если ты так думала, то ошиблась. Не то, что это имеет значение, но мне не хотелось бы, чтобы ты меня недооценивала.

Сергей поднял руку, негромко постучал и тут же отпрянул за стену. Однако выстрела не последовало. После недолгого молчания ему ответили почти весело:

– Да-да, войдите!

Он мог бы ручаться, что ответившая и в самом деле развлекается от

души. Особого выбора не было, и Сергей, толкнув дверь, медленно вошел в ярко освещенную комнату, надеясь, что его не пристрелят сразу же, как увидят оружие.

– Ой, – удивленно сказала Юля Сахарова, стоявшая у стены с пистолетом в руке. – Это же наша фея!

Обежав комнату взглядом, Бабкин оценил обстановку.

На стуле возле окна сидела старуха с окаменевшим лицом, а в двух шагах от нее на полу скорчилась девушка, у которой уродливо оттопыривалась вспухшая разбитая губа, а ободранная скула сочилась кровью.

Лицо ее показалось Сергею знакомым. Вглядевшись, он вдруг вспомнил, где ее видел! Это было в тот раз, когда он следил за Сахаровой, – девчонка выбежала из подъезда одновременно с ней, и он отвлекся, когда она едва не упала возле машины. «Резиновые сапоги с бегемотами... Точно, она!»

Дочь Тогоева наблюдала за ним с откровенным любопытством. То ли она обрезала челку, до того скрывавшую глаза, то ли уложила ее по-другому, но сейчас можно было разглядеть, что зрачки у девушки темные и мутноватые, как зимняя вода, а взгляд расслабленный, но расслабленный *нехорошо*. Такие поплывшие глаза с расширенными зрачками Сергей видел у наркоманов, но сейчас он отчего-то был уверен, что она не принимала наркотиков. Ее кайф был в другом.

– Познакомься, Марта, это твой защитник, – поведала Юля, обращаясь к старухе. Пистолет, поначалу направленный на Конецкую, она теперь перевела на Бабкина. – Прекрасный мужчина, правда? Ты-то теперь старовата для него... Между прочим, прекрасный мужчина, брось мне свою пукалку. Аккуратно положи на пол и толкни ногой.

Сергей заколебался, и она добавила:

– Считаю до трех – и выстрелю.

Юля кивнула, но не на старуху, как он ожидал, а на девушку. Он поймал умоляющий взгляд девчонки на полу и, присев на корточки, подтолкнул оружие.

– Вот умная фея, хорошая фея, – с удовлетворением сказала Сахарова, поднимая пистолет. – Другого у тебя нет, а? Раздеть тебя, что ли, чтобы проверить? Ладно, не раздевайся. По честным глазам вижу, что больше ты ничего не припас. Может, только волшебство? – Она криво улыбнулась. – Марта, не попросишь у него, чтобы он наколдовал тебе ребеночка? Маленького, славненького, сюсипуси-ребеночка? Ты-то сама, бедняжка, бесплодная была всю жизнь! Слышь, фея, тебе не противно будет с таким

страшилищем...

Она прибавила несколько слов, и Бабкин увидел краем глаза, что девочку на полу передернуло. Старуха сидела неподвижно и не отозвалась даже движением век.

«Она поглумится еще немного, а затем начнет убивать, – понял Сергей. – Мне нужно заговорить ее до приезда группы. Раньше чем через час они вряд ли приедут – значит, час. Столько я не протяну. Переговорщик из меня хреновый».

– Зачем ты это делаешь? – спросил он, следя за голосом, в котором не должно было быть ничего, кроме благожелательной заинтересованности.

– Правда, Лия! – неожиданно поддержала его девчонка на полу («Умничка, – подумал он, – авось с тобой она больше захочет общаться, чем со мной»). – Ведь ты так хорошо относилась ко мне!

Юля Сахарова перевела взгляд на девочку, наклонила голову.

– Помнишь, как ты меня утешала? – продолжала та прерывающимся голосом. – Тогда, в ванной? Меня твои слова и вправду успокоили! А помнишь, как ты тренировалась с тазиком в коридоре? Ты, наверное, думала, что никто не видит, но я видела. У тебя гораздо лучше получается, чем у меня, честное слово! И спину ты держишь прямее!

Сахарова усмехнулась.

– Лия, ведь мы тебя не обижали! – умоляюще сказала девчонка.

В голове Бабкина зажегся красный огонек и отчаянно засигналил: «Ошибка! Ошибка! Сейчас она припомнит все обиды и взорвется раньше, чем я успею отвлечь ее еще раз!»

Но он оказался не прав. Юля Сахарова не взорвалась. Вместо того чтобы ответить, она вдруг перестала притворяться, что ей весело, и минуту спустя Бабкин пожалел об этом.

Улыбка сползла с ее лица, как изношенный чулок, а глаза стали такие, будто она вот-вот уснет. Уголок губы дернулся в сторону, и Сахарова так и осталась стоять с перекошенным влево ртом, будто передразнивала девочку с разбитой губой, сидевшую перед ней. «Больная, – понял Сергей. – Сейчас будет стрелять».

– Юльку отпусти.

Он не сразу понял, что это сказала старуха. Она повернулась к Сахаровой, и он уставился на нее во все глаза – почему-то ему казалось, что такие молчат до последнего и ни о чем не просят, даже если могут выпросить себе жизнь.

– А мы с тобой поговорим, – ровно продолжала Конецкая. – Она тебе только мешает, я вижу. Пускай идет. Она же дурочка, ты знаешь.

В сонных глазах что-то мелькнуло.

– Скажи «пожалуйста». – Сахарова говорила одной половиной рта, словно вторую парализовало. – Кто так просит? Скажи «пожалуйста».

Не говори, хотел сказать Сергей. Ты же видишь, она ее не отпустит. Она хочет, чтобы ты унилась перед ней, вымолвила одно-единственное слово, и после этого она будет стрелять. Ему показалось, что в коридоре за его спиной раздалось шуршание, и он догадался, что это любопытная глупая тетка, которую он видел в прихожей, – сейчас зайдет в комнату и получит очередную пулю. Вторая достанется ему, третьей Сахарова убьет девчонку. А потом что-нибудь сделает со старухой... Вряд ли прикончит ее сразу. Ему вспомнилась заметка в газете, которую переводила Маша, и по спине пробежал озноб.

Конецкая открыла рот, и с этой секунды время для Бабкина пошло очень быстро. Доли секунды ему хватило, чтобы понять, что нужно делать, и сцена развернулась перед его глазами, словно он смотрел фильм. «Кем-то всегда приходится жертвовать», – всплыло откуда-то в памяти. Сейчас это было как нельзя более уместно.

Прыгнуть за старуху. Пуля ударит в нее, и если ему повезет, его не зацепит. Прикрываясь Конецкой, как щитом, преодолеть разделяющие их с Сахаровой несколько метров, обрушить на нее уже безжизненное к этому моменту тело, а там...

Что – «там», он не додумал, потому что время вышло. Бабкин подобрался, готовясь к прыжку, – нужно было преодолеть расстояние до окна —

черт как далеко не успеть пол скользкий
шевелинул пальцами правой руки, в которых вдруг закололо мелкими иголочками,

опрокинуть старуху вправо стул отшвырнуть в нее так повезти вряд ли

и перенес вес тела на левую ногу.

И в эту секунду дверь позади него приоткрылась.

– Можно? – спросил почтительный мужской голос.

Обернувшись в изумлении, Бабкин увидел бочком протискивавшегося в дверь лохматого типа, которого оставил возле раненой старухи. Перевел взгляд на Сахарову и по ее глазам понял, что она видит лохматого впервые в жизни. Но пока она не стреляла, и это внушало надежду, что его план еще может сработать.

– Извините... – промямлил тип, разводя руки в стороны – вокруг его правой кисти болтались четки необычного вида. – Я не знал...

Девчонка на полу вдруг хихикнула.

– Сколько... у нас сегодня гостей, – проговорила она, борясь со смехом. – Марта Рудольфовна, у нас с вами никогда не было столько гостей!

– Мы пользуемся популярностью, – суховати ответила старуха, и Бабкин восхитился обеими. Даже если у первой начиналась истерика, вторая была спокойна. Смерти она явно не боялась.

– Ой, ну все, наверное, – с совершенно неожиданными для нее бабскими интонациями сказала Сахарова, сильнее дергая углом рта. – Вас тут слишком много. Хватит, мальчики-девочки...

Дуло пистолета было направлено на девчонку с разбитой губой, и та зажмурилась совершенно по-детски, правильно оценив, что означают эти слова.

В ту же секунду рыхлый тип взмахнул рукой, странно дернувшись при этом, – Бабкину даже показалось, что в него выстрелили из пистолета с глушителем и сейчас он упадет замертво. В комнате раздался свист, что-то пронеслось наискось от его поднятой руки к Юле Сахаровой, и серая свернутая змея с бряцаньем ударила ее в висок.

Выстрела, которого ожидал Бабкин, не последовало. Вместо этого пистолет упал на пол, глаза Сахаровой закатились так, что стала видна белая сторона глазного яблока, и она повалилась в сторону старухи, ударившись головой о ножку стула.

Железные четки дробно простучали по полу.

Позже Бабкин вспоминал, что больше всего его тогда поразил не парень, рванувшийся к своему странному оружию, а затем с невероятной ловкостью скрутивший им кисти лежащей без сознания Сахаровой, а Конецкая. Не вставая со стула, она обернулась к девчонке, так и сидящей на полу с открытым от изумления ртом, и сказала:

– Голубушка, не строй из себя ворону без сыра. Помоги джентльменам, но сначала одерни юбку – на тебе сегодня не то белье, которое стоит демонстрировать мужчинам.

Эпилог

Лена собирала вещи, которых оказалось на удивление мало. Странно – она столько лет прожила в этой квартире, но большинство вещей принадлежало ее матери, обжившей это пространство, подогнавшей его под себя. «Как и меня, – подумала Лена Дубровина. – Как и меня».

Две сумки стояли у дверей, и она уже собиралась выходить, когда раздался звук вставляемого ключа.

– Лена?!

Ольга Сергеевна уставилась на сумки.

– Что происходит? Ты куда?

Лена аккуратно обошла ее, положила на сумку сверху теплый свитер, подаренный бабушкой.

– Я уезжаю, – сказала она.

– Куда?

Она нашла в себе силы выпрямиться и посмотреть матери в глаза.

– От тебя, мам. Подальше от тебя.

Ольга Сергеевна изменилась в лице.

– Я не понимаю... – начала она, – почему...

– Потому что я больше не хочу быть твоей марионеткой, – сглотнув, сказала Лена. Каждое слово давалось ей с трудом, его приходилось выталкивать из губ, которые не хотели слушаться, а норовили расползтись и искривиться в рыданиях. – Я тебя очень люблю, но ты больше не будешь мною управлять. Я знаю, что это ты виновата в том, что случилось с Николаем Евсеевичем и с Валентиной Захаровной. И той девушкой с восьмого этажа. Кого ты наняла, чтобы ее сбили?

Ольга Сергеевна отшатнулась от нее, выставила руку в предостерегающем жесте, но теперь слова давались Лене легче, чем раньше, и она продолжала, удивляясь тому, что слез совсем нет:

– А еще ты меня обманула. Я встретила с Инной Аркадьевной – мы поговорили, и она призналась, что это ты попросила ее сказать, будто ребенок той женщины из ее подъезда, с которой Вася раньше встречался, – его. А это неправда. Это не его ребенок. Я всегда верила тебе больше, чем ему, и в тот раз поверила тоже.

– Леночка, он тебя ужасно обманул! – ахнула Ольга Сергеевна.

Лена начала смеяться. Ужасно обманул. Ужасно.

– Нет, мам, – выговорила она, содрогаясь от смеха, – это ты меня

ужасно обманула. Я с тобой стала жить страшной жизнью. Страшной, правда. Мне даже жить расхотелось. Ты у меня отняла самое главное – мою работу, потому что решила, что чем больше я пишу, тем независимее от тебя становлюсь. Это и в самом деле было так, и ты этого не вынесла.

– Да ты бездарность! – вдруг взвизгнула Ольга Сергеевна. – Я тебя поддерживала, как могла! Свинья неблагодарная! Как ты смеешь меня обвинять, если я все делала только для тебя?!

Лена утерла слезы, выступившие от истерического смеха, покачала головой:

– Извини, на меня это больше не действует. Пожалуйста, позволь мне забрать вещи.

Мать прижала руки к губам, лицо ее искривилось, и она заплакала. Крупные капли текли по щекам, скатывались в вырез белой кружевной блузки – казалось, она тает, истекая слезами.

– Девочка моя... – прорыдала Ольга Сергеевна. – Не оставляй меня одну! Я же все, все ради тебя, клянусь! Лишь бы тебе было хорошо! От Вадима твоего ничтожного тебя отвадила, потому что ты бы с ним была несчастна... Сволочь жирную, вруна похабного прогнала... А-а-а! Как же ты не понимаешь, Лена! Что же ты родной матери не веришь!

Лена в ужасе отступила от нее.

– Ты... ты... Господи, да ты чудовище!

– Любая мать ради своего ребенка становится чудовищем!

– Замолчи! Ты не ради меня им стала, а ради себя! Ты хотела, чтобы я никуда от тебя не делась, чтобы у меня своей жизни не было – никакой: ни выдуманной, ни настоящей! Я из-за тебя перестала писать!

Она задохнулась, закашлялась.

– Не пущу! – надсадно выкрикнула Ольга Сергеевна, перестав рыдать. – Никуда не пущу! Вот! Вот! – Она схватила сумку, перевернула и потрясла: вещи, второпях сложенные Леной, посыпались на пол. – Никуда не поедешь! – Вторая сумка разделила судьбу первой. – Запомни, ты ни на что не способна! Ты без меня не справишься, пропадешь, а потом умолять будешь, чтобы мама тебе помогла, вытащила тебя из беды.

Слова полились из нее потоком, как прежде слезы, и Лена улавливала что-то о своей бездарности, о лгущих мужчинах, о том, что никто не поможет, что всем наплевать... В конце концов в ней словно что-то переключилось, и она поняла, что зря стоит здесь, слушая вопли женщины, трясущей ее свитером. Зажав в руке сумочку с документами и деньгами, Лена прошла мимо матери по разбросанным вещам, стараясь не наступить на них. Ольга Сергеевна замолчала, но, когда дочь вышла из квартиры,

вслед ей полетела пустая сумка, едва не ударив ее по голове.

– И не возвращайся больше, ясно?! – крикнули ей вслед. – Ты здесь никому не нужна!

– Нам выражается благодарность!

Сдерживая смех, Сергей обернулся к Макару и Маше. Илюшин оторвался от монитора, где была развернута статья об аресте Олега Тогоева, и вопросительно поднял брови:

– Старая леди в изысканных выражениях поблагодарила тебя за то, что ты вызвался быть дополнительной мишенью?

– Почти. Вообще-то она сказала, что благодаря моей тупости она чуть не лишилась домработницы и, хотя уже стала думать, что это был не худший способ избавиться от криворукой неумехи, все-таки надеется, что в другой раз мне не потребуется так много времени, чтобы предупредить кого-нибудь о готовящемся покушении. Фух!

– И она уложила все это в одну фразу? – восхищенно спросила Маша.

– Она уложила даже больше, но я сумел воспроизвести только это. Поскольку под конец мне сказали, что прощают за промедление, я решил расценить слова Марты Рудольфовны как благодарность. Макар, что интересного ты вычитал?

– Ничего такого, что было бы для нас неожиданностью. В основном общие слова, намеки на финансовые махинации. Правда, тут упомянуто про уклонение от уплаты налогов. Остается надеяться, что Тогоеву будет не под силу остановить этот маховик.

– Макар, что было на флешке? – спросила Маша. – Теперь-то ты можешь рассказать?

Илюшин удовлетворенно потянулся.

– Обороты на счетах компаний, которые Тогоев использовал в своих схемах. Фирмы, через которые проводились операции, естественно, официально не имели к нему отношения. Программа бухгалтерского учета – 1С – хранилась в компьютере Тогоева, а он не считал нужным защищать кабинет от тех, кто в доме. В этом состояла его большая ошибка: дочери ему все-таки следовало опасаться.

Юля зашла в комнату, увидела открытый документ и скопировала его – а может, специально порыскала по компьютеру в надежде найти что-то подобное. Ей нужно было то, чем она сможет шантажировать отца, но носить с собою флешку Сахарова опасалась и оставила ее у подруги. Надеялась, что сможет забрать ее в любое время, если решится использовать информацию против Олега Борисовича.

Зато она очень помогла нам с Сергеем. Год назад нам пришлось иметь дело с неким Асланом Коцбой, владельцем компании «Юго-запад». Выяснилось, что именно ему в свое время перешел дорогу Тогоев.

– Не просто перешел, а нажил себе смертельного врага.

– Именно. Я не рискнул связываться с Асланом напрямую, а привлек к этому Игоря Перигорского как незаинтересованное лицо – так сказать, посредника между высокими договаривающимися сторонами. Ходить вокруг да около я не стал, честно изложил, чего мы хотим и что у нас имеется. Возможно, что Коцба не стал бы слушать меня, подозревая какую-нибудь интригу, однако к Перигорскому он отнесся внимательнее. Флешка оказалась у него, и Коцба развернул против Тогоева такую кампанию, от которой тот не скоро оправится. Все-таки врагов Олегу Борисовичу следовало выбирать осмотрительнее: Аслан – восточный человек, очень злопамятный, ничего не прощающий и выжидающий подходящего момента. Как сказал мне Перигорский, Коцба признался, что ждать ему пришлось долго, но оно того стоило. Так что мы должны быть признательны Юле Сахаровой – не оставь она флешку, справиться с Олегом Борисовичем было бы несколько...м-м-м....сложнее.

Сергей бросил на напарника испытующий взгляд, но не смог ничего прочитать по лицу Илюшина.

– Да, теперь ему некоторое время будет не до нас, – подтвердил он. – И его дочери тоже.

– Интересно, зачем Конецкая взяла родственницу к себе, если терпеть ее не могла? – недоуменно протянула Маша.

– Как раз это очевидно, – отозвался Бабкин. – Во-первых, потому что ей нужна была сиделка к ее подруге, Мурашовой, а тут подвернулся такой шанс – почти бесплатная рабочая сила, полностью зависимая от хозяйки. Во-вторых, когда Сахарова подстерегла Конецкую возле дома и бросилась к ней, умоляя спасти ее и дать приют, старуха не выдержала и дрогнула – она все-таки тоже не каменная, а тут как-никак перед ней была хоть и не кровная, но родственница, тем более по линии покойного мужа. В-третьих, она надеялась, что Юлия изменилась за то время, что они не виделись, – а времени прошло много. Когда-то к ней приезжал ребенок, а два с половиной месяца назад откуда ни возьмись возникла взрослая девушка, рассказывающая про папу-садиста. В первую же неделю совместной жизни Конецкая прониклась к ней сильнейшей неприязнью, но из жалости решила не выгонять, потому что идти Сахаровой было некуда. К тому же у нее в мыслях не было, что девица может быть ей чем-то опасна – она ее настолько презирала, что не считала способной на сильные поступки. Даже

отказалась звать полным именем, как требовала Сахарова, и обращалась к ней исключительно Лия.

Макар недоверчиво посмотрел на приятеля.

– Это твои догадки? Откуда такие подробные детали?

– Сама же Конецкая и рассказала, пока мы ждали окончания допроса, – признался Сергей.

– Тьфу ты! Я-то думал, что ты научился выуживать информацию «из ничего». Кстати, а ты не спросил Конецкую – действительно она вписала Сахарову в завещание?

– Вписала.

– Это и был самый опрометчивый ее поступок.

– Нет, самым опрометчивым ее поступком было то, что она взяла эту дрянь в свой дом. Бр-р-р! Как вспомню Сахарову у стены с пистолетом, так снова не по себе делается. Надо было мне пристукнуть тогда этого Макеева, но кто ж знал, что она заставит его отдать ей ствол!

– А вторая девушка, она цела? – вступила Маша.

– Домработница? Цела, что с ней будет! Только слегка побита. Вообще-то, откровенно говоря, безрассудная девчонка: увидела Сахарову с пистолетом, осознала, что сейчас ее хозяйку будут убивать, и бросилась на сиделку. И получила за это, конечно же. Хорошо, что жива осталась.

– Смелая девочка... – протянула Маша. – Сереж, она тоже родственница Конецкой?

– Да какая она родственница! Обычная двадцатилетняя девчонка откуда-то из Подмосковья – мать умерла, отец пил по-черному, вот она и сбежала от него в надежде на новую жизнь. Хотела устроиться на приличную работу, а вместо этого попала на дороге Марты Рудольфовны, и та взяла ее к себе – через пару недель после того, как к ней втерлась Сахарова. Она и не догадывалась, что Лия – родственница ее хозяйки, думала – обычная прислуга.

– Подожди... ты говоришь, что ее только побили. А в кого же тогда стреляла Сахарова?

– В подругу Конецкой, которая живет с ней вместе. Та проснулась, вошла в комнату в неудачный момент и получила пулю в плечо. Она упала в коридоре, но у нее хватило сил доползти и открыть нам дверь. И, конечно, нужно отдать должное этому фотографу, который вырубил Сахарову. Представляешь – приехал человек с подругой к ее бывшей учительнице, а нарвался на полоумную девицу с пистолетом! Если бы не он, нашли бы потом в квартире Конецкой три трупа.

– Или четыре... – дополнил Макар. – Не знаю, что делала бы Сахарова

после того, как расправилась со старухой. И не уверен, что хочу это знать. Могу только искренне понадеяться, что дело Тогоева и его дочери закрыто.

Юлька постучала в дверь и, услышав строгий голос, зашла в гостиную.

Марта Рудольфовна в длинном, до пят, струящемся черном платье сидела возле окна и что-то писала. Юлька бросила взгляд на стекло. Так и есть. Вокруг ужасного цветка мака, который она собиралась отскрести ножом перед тем, как в комнату вошла Лия с пистолетом, теперь были нарисованы новые цветы. Они закрывали весь нижний угол и выглядели, по правде сказать, просто кошмарно. Марта Рудольфовна рисовала витражными красками еще хуже, чем Валентина Захаровна.

– Завтра поедem к Вале, – сказала Конецкая, не оборачиваясь. – Наконец-то я договорилась и можно будет перевезти ее в приличную больницу. Приготовь ей с вечера пижаму и проследи, чтобы контейнеров для еды хватило. Бульон я сварю сама.

– Марта Рудольфовна... – начала Юлька и запнулась. Она чувствовала, что обязана рассказать Конецкой правду, но стоило ей представить, что после этого последует, и вся ее решимость пропала.

– Я тебя слушаю.

– Марта Рудольфовна...

– Я уже страшно сказать сколько лет Марта Рудольфовна. Перестань бляеть и говори по-человечески. Но если ты хочешь признаться, что сломала стиральную машину, то лучше промолчи.

– Нет... – тихо сказала Юлька. – Не сломала.

– Вот и славно. Тогда в чем дело?

Она наконец обернулась к Юльке, и та обнаружила, что говорить со спиной было куда проще.

– Я хотела вам кое в чем признаться, – выдавила она. – Марта Рудольфовна, я вас обманула.

– Неужели?

– Н-нет, не совсем обманула... Но я хотела воспользоваться вами в своих интересах.

– Мною?! – Старуха первый раз выглядела действительно озадаченной. – Детка моя, откуда ты нахваталась таких выражений? Ты – мною?! Ты ничего не путаешь?

– У меня был план, – сказала Юлька, отводя глаза. – В тот день, когда вы меня встретили, я ушла из дома от отца, потому что он много пил. И бил меня, – прибавила она, краснея. – Я не знаю, что бы делала, если бы не вы. На работу к подруге меня не взяли, а больше идти мне было некуда. Домой

я бы не вернулась. В последний раз он взял... неважно. Не вернулась бы. Ни за что.

Я сначала ужасно злилась на вас. Я понимала, что должна быть вам благодарна, и все равно злилась. И как только вы сказали о Мансурове и о том, что я похожа на его жену, я задумала устроить все так, чтобы вы меня с ним познакомили. Только сперва помогли бы мне стать красивой. Я придумала, что он влюбится в меня, разведется, женится на мне, и я буду богата и счастлива! А вам расскажу, что это вы сделали меня такой – чтобы вы страдали от этого. Смешно, правда? А еще, – продолжала она, шмыгая носом, – я мечтала, что вернусь к своему отцу, который бил меня табуреткой, и что-нибудь с ним сотворю. А потом покажусь своему бывшему парню, который бросил меня просто так, без всякой причины, и другому, который решил не связываться со мной, когда увидел синяки, и они оба будут кусать себе локти из-за того, что не оценили меня. Потрясающий план, правда?

– Да, – тихо сказала Конецкая. – Очень глупый, ты права.

Юлька всхлипнула.

– Я собиралась вас использовать, а потом похвастаться этим. Я даже речь придумала – как будто я вами управляла все это время, а вы и не замечали. Но на самом деле я ничего такого не сделала! Я поняла, что так нельзя... что не смогу... что мне не хочется....

Она все-таки расплакалась, хотя обещала себе не реветь ни в коем случае. Конецкая ненавидит слезы! Помня об этом, Юлька смогла удержаться даже тогда, когда врач обрабатывал ей раны на лице, и хотя страшно щипало, а воспоминание о том, как Лия била ее, вставало перед глазами, стоило только их закрыть, она не пустила ни одной слезинки. А теперь так постыдно хлюпает носом! И, главное, старуха все молчит и молчит – наверное, до глубины души пораженная ее неблагодарностью, готовая вышвырнуть ее вон, как нашкодившую собачонку. Сквозь слезы Юлька не видела, чем та занимается – может быть, снова что-то пишет, с презрением отвернувшись от нее.

– Марта Рудольфовна, не прогоняйте меня, пожалуйста! Я все буду для вас делать! Пожалуйста... разрешите мне остаться! Не потому... не потому...

Она хотела сказать – «не потому, что мне некуда идти, а потому, что я не хочу от вас уходить», но выговорить это было уже совершенно невозможно – горло стянуло, будто обручем.

Ее вдруг обняли, прижали к платью, пахнущему парфюмерным ирисом, – когда-то Юлька недолго работала в магазине с дорогой

парфюмерией и навсегда запомнила этот запах, – погладили по дрожащей спине. Строгая Марта, Безжалостная Марта, Неподражаемая Марта, поедаящая домработниц с фенхелем на завтрак, стояла рядом с Юлькой, и когда та подняла к ней мокрое лицо, ей показалось, что глаза у старухи блестят. Но она тут же поняла, что быть такого не может, потому что скорее антилопа съест крокодила на завтрак, чем Марта Конецкая позволит себе растрогаться из-за нее. И следующие слова Конецкой это подтвердили.

– Цыц, – сказала Марта, – глупая девица. Разумеется, ты останешься у меня. Я не имею привычки менять домработниц в середине года. К тому же я только что научила тебя чистить кафель под шкафчиком в ванной, а кого попало я этому не учу. Иди умойся и возвращайся обратно.

Юлька шмыгнула носом в последний раз, счастливо улыбнулась и побежала в ванную. В голове ее от радости звучала какая-то браваурная песенка, и она даже не услышала, как вслед ей Марта Конецкая пробормотала:

– Старая дура ты, Марта, а не кукловод.

Лена молча спустилась вниз, вышла из подъезда и остановилась.

«Я здесь никому не нужна».

Она проверила, есть ли в сумке ключи от Васиной квартиры, и с облегчением убедилась, что они на месте. «Хорошо, что я запретила ему мне помогать, – пришло ей в голову. – Я должна была пройти через это сама».

Да, но все вещи до единой, начиная с расчески и заканчивая курткой, остались наверху. Лена вытерла слезы – когда она успела заплакать, кажется, она сдерживалась до последнего? – и отвернулась от двух мальчишек на велосипедах, катающихся по дорожке, чтобы они не видели, как ревет взрослая тетка, с мясом отрезавшая себя от матери.

– Глеб, у тебя куртка в краске! – крикнул один из мальчишек.

– Я в курсе! Вечером без ушей останусь, – философски отозвался второй. – А знаешь, где я испачкался?

– Где?

– С Алиской вчера в детский садик забрались. А там покрашено. Залезли на крышу домика, у нее нога в щель провалилась, а я ей помогал вылезти. Мне потом Алискина мама сказала, что я рыцарь.

– Врешь! – с нескрываемой завистью восхитился первый.

– Не вру, сам у нее спроси. А еще мы от нянечки убежали!

Лена повернула голову, уставилась на мальчишек. Первый был смешной – рыжий, веснушчатый, крепкий, как грибок. Чем-то он

напоминал Ковригина, который сейчас наверняка переживает за нее. Второй, светленький, с надменно оттопыренной губой, казался мальчиком из сказки, которому не хватает лишь шпаги и скакуна. «Наследник старого графа».

В голове ее сами собою начали складываться строки нового романа, а за ними вырастал, словно громада замка, весь сюжет, выступал, будто из тумана, становясь с каждой секундой четче и четче: история о двух мальчишках и девочке, друживших с детства, а затем выросших и отправившихся в дальнее странствие. Пыльный двор вокруг Лены сменился анфиладой старинных комнат и коридоров, по которым бегали, смеясь, дети с игрушечными мечами, затем рассыпался звенящей водой – сверху низвергался водопад, и Лена уже знала, что ее героям предстоит бороться за жизнь в этом месте, – и наконец обернулся морем, волны которого рассекал корабль с белыми парусами.

Вот о чем она будет, ее новая книга! Слова обрушились на Лену, как будто открыли плотину, и все нерассказанные истории хлынули оттуда, наполняя ее душу невыразимой радостью. Она поспешно достала из сумки телефон, набрала номер и сразу же, как только Ковригин взял трубку, сказала задыхающимся от счастья голосом, перебив его расспросы:

– Вася, листок бумаги и ручку, быстро! Записывай. «Неподалеку от замка раскинулся старый лес, о котором сапожник Андре рассказывал, что когда-то там собирались на шабаш ведьмы и колдуны. Уильям Степфорд-младший не верил в эти сказки, но в один теплый летний вечер случилось то, после чего ему пришлось признать, – в словах лысого Андре больше правды, чем ему казалось...»

Корабли, паруса, погони и бури, трое ребяташек, с горящими глазами слушающих страшную, захватывающую сказку...

Начиналась новая история.

notes

Примечания

1

Об этих событиях читайте в романе Е. Михалковой «Рыцарь нашего времени».

Читайте об этом в романе Елены Михалковой «Призрак в кривом зеркале».

Читайте об этом в романе Елены Михалковой «Рыцарь нашего времени».

С Асланом Коцбой сыщики встречаются в книге Елены Михалковой «Остров сбывшейся мечты».

Читайте об этом в романе Е. Михалковой «Остров сбывшейся мечты».